

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

При поддержке Института мировой культуры МГУ

**VII Международная конференция
молодых исследователей
«Текстология
и историко-литературный
процесс»**

Сборник статей

Москва
2019

УДК 80/82(082)

ББК 81/84я43

Т 30

Т 30 Текстология и историко-литературный процесс: VII Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 15—17 марта 2018 г.): Сборник статей / Под ред. У. В. Башко, А. О. Бурцевой, О. А. Воробьёвой, Е. А. Пастернак, А. Н. Першкиной. М.: Буки Веди, 2018. — 160 с.

ISBN 978-5-4465-2219-4

В настоящий сборник вошли работы участников VII Международной конференции «Текстология и историко-литературный процесс», состоявшейся 15—17 марта 2018 г. на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова. Статьи, представленные в книге, посвящены вопросам текстологии и истории литературы.

УДК 801.7

ББК 80

© Авторы, 2019

От редакторов

Настоящий сборник, уже седьмой в серии, включает статьи участников международной конференции «Текстология и историко-литературный процесс», прошедшей на филологическом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 15—17 марта 2018 г. Конференцию поддержали студенты, аспиранты и молодые кандидаты наук из Вильнюса, Киева, Москвы, Новосибирска, Санкт-Петербурга, Тарту. Впервые в работе «Текстологии» приняла участие исследовательница из Рима.

Благодаря живому интересу со стороны молодых исследователей конференция закрепила за собой трехдневный формат: вопреки нашим опасениям увеличение числа участников не повлияло на строгость отбора, ведь число подаваемых заявок растет с каждым годом.

Новый выпуск, как и прежние, включает статьи по самым различным гуманитарным проблемам. Широкий репертуар методологических решений: от традиционных историко-литературных подходов до теории канона. Отрадно, что «Текстология» стала привлекать внимание в том числе и исследователей античности. Так, в нынешнем сборнике печатается материал, посвященный поэме «Анналы» римского поэта Квинта Энния (Екатерина Новикова).

В издании традиционно содержится статья о древнерусской литературе. Используя кодикологические, текстологические и лингвистические методы, Алина Алексеева проясняет историю Олонецкого сборника заговоров XVII в. Блок о XIX в. включает работы, посвященные языку литературной критики рубежа 1840—1850-х гг. (Екатерина Вожик), отрывкам из писем словацкого и чешского ученого П. Й. Шафарика в журнале «Москвитянин» (Сара Маццони), литературной деятельности А. В. Дружинина (Елизавета Чумаченко), а также формированию литературной репутации критика и писателя Н. Д. Ахшарумова в 1880-е гг. (Алексей Козлов). По итогам конференции сформировался блок статей, в которых компаративистика и перевод рассматриваются с точки зрения историко-литературного процесса (Елизавета Лочмелис и Елизавета Носова). Анетта Багаева в своей статье анализирует сербские и болгарские источники

повести В. А. Вельтмана «Троян и Ангелица». Исследования литературы XX в. посвящены текстологии мемуаров В. Ф. Ходасевича о Максиме Горьком (Дарья Луговская), обсуждению театральной постановки «Мертвых душ» А. Белым (Наталья Дровалева), канонизации фразы «Я не в изгнании, я в послании» Нины Берберовой (Лилия Родичева).

В рамках конференции профессора филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова Г. В. Зыкова и В. В. Калугин прочитали лекции о личном архиве Вс. Некрасова и А. И. Журавлевой и о холстяных книгах старообрядческого мастера Максима.

Развитие «Текстологии» заключается не только в расширении ее «географии» и увеличении многообразия тем и методов, но и в постоянном интересе к границам академического поля в целом. Благодаря этому в программу прошлогодней конференции был включен круглый стол с участием шеф-редактора проекта Arzamas Кирилла Головастика. Участники круглого стола обсудили проблемы взаимосвязи и взаимовлияния академической науки и научно-популярных просветительских площадок.

Мы благодарим сотруников филологического факультета МГУ, ИРЛИ РАН, СПбГУ, Тартуского университета, НИУ ВШЭ за участие в работе «Текстологии», за продуктивные дискуссии и симпатию к нашей конференции — не называем всех поименно лишь потому, что людей, поддерживающих нас, очень много. Круг тех, кто помогает конференции развиваться, год от года становится все шире — отмечаем этот факт с радостью и гордостью.

*Алла Бурицева
Екатерина Пастернак
Оксана Воробьева
Ульяна Башко*

Екатерина Новикова (Москва)

Проблема атрибуции фрагментов, содержащих фонетический вариант *duellum*, в гуманистических и современных изданиях поэмы «Анналы» Квинта Энния¹

Ekaterina Novikova (Moscow)

The Problem of Attribution of the Fragments that Include ‘*duellum*’ in Humanistic and Modern Editions of Q. Ennius’ “*Annales*”

Резюме. В статье обсуждаются фрагменты поэмы «Анналы» республиканского римского поэта Квинта Энния, первого из римских авторов, решившихся писать гекзаметром. Часть фрагментов, сохраненных в гуманистических изданиях, например, в издании П. Мерулы, позднейшие исследователи признавали неподлинными. Фрагмент, содержащий окончание *rango duellum*, отвергают и старые, и современные издатели (О. Скютч). Однако он находит метрическую параллель с фрагментом, сохраненным в грамматике Присциана с окончанием *illa duellis*. В этом фрагменте, в отличие от остальных контекстов, где Энний использует вариант *bellum*, наблюдается трехсложное *duellum*. Однако точной атрибуции к «Анналам» для данного фрагмента у Присциана нет. В статье предлагается гипотеза, согласно которой фрагмент Prisc. II 470 К может быть прочитан как драматический, а не как эпический. Традиция трехсложной гекзаметрической трактовки *duellum* при этом возводится не к самому Эннию, а к Горацию и его комментаторам.

Ключевые слова. Латинская метрика, римский гекзаметр, оскский язык, Квинт Энний, ранняя римская литература.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ 18-18-00503 «Древнейшие стихосложения мира: от шумеров к грекам».

Abstract. The paper deals with the fragments of “Annales” of Roman republican poet Quintus Ennius, the first Roman who decided to write Hexametrical poem in Latin. Part of the fragments saved in humanistic editions, e.g., P. Merula’s, the later researchers consider as fake. The fragment with ending “pango duellum” remove all the editors, old and new (O. Skutsch). But this fragment has a metrical parallel with the fragment saved by Priscian with ending “illa duellis”. In this fragment, in contrast with the others, where Ennius uses variant bellum, we can see trisyllable duellum. But the exact attribution to “Annales” for this fragment is not found in Priscian’s book. The hypothesis given in the paper is that the fragment Prisc. II 470 K can be read as the fragment of drama, not epos. Tradition of trisyllable Hexametrical reading of duellum was not invented by Ennius, but by Horatius and his commentators.

Keywords. Latin metrics, Roman hexameter, Oscan language, Quintus Ennius, Early Roman literature.

Квинт Энний, первый из римских поэтов, решившийся писать гекзамером стихи на латинском, а не на греческом языке, родился в 239 г. до н. э. в италийских Рудиях. «Сам Энний говорит о себе, что у него три сердца, поскольку он говорит на трех языках: оскском, греческом и латыни» [фон Альбрехт 2003: 158]. Приводя эту цитату, М. фон Альбрехт ссылается на римского эрудита Авла Геллия (Gell. XVII 17, 1), сохранившего метафору о «трех сердцах».

Именно то, что родным языком Энния был, вероятнее всего, оскский, заставляет обратиться к его поэтическому творчеству не только как к образцу раннего латинского литературного языка, но и как к источнику сведений о других языках и говорах древней Италии, об их фонетике и лексическом фонде. Однако исследования подобной направленности затруднены позднейшими графическими искажениями протографов.

Степень сохранности поэтических произведений Энния такова, что говорить о текстологической работе над целыми

рукописями невозможно: как эпическая поэма «Анналы», так и драматические сочинения Энния сохранились в форме цитат в сочинениях римских авторов не ранее I в. до н. э.: древнейшие фрагменты — у Цицерона и Варрона, тогда как период творческого расцвета Энния приходится на рубеж III и II вв. до н.э.

Несмотря на то что мы располагаем некоторыми античными рукописями сочинений Цицерона (в том числе Гиссенским фрагментом), невозможно утверждать, что основной корпус этих сочинений отражает орфографию Цицерона, и тем более — орфографию, которую Цицерон использовал при цитировании строк Энния. Кроме того, Цицерон нередко приводит фрагменты из Энния по памяти, поэтому достоверно и полно восстановить графическую систему и фонетику, лежавшую в основе поэтического языка Энния, без привлечения косвенных свидетельств весьма непросто.

Кроме того, когда источник фрагмента из поэмы Энния не Цицерон или Варрон, а более поздний грамматик, под вопрос нередко ставится сама подлинность этого фрагмента. Уже в гуманистическую эпоху, на заре книгопечатания, возникали споры как об атрибуции отдельных фрагментов какому-либо конкретному произведению Энния, так и о подлинности некоторых цитат, включавшихся издателями в число фрагментов.

Одним из наиболее «скандальных» издателей Энния оказался гуманист Павел Мерула [см.: Merula 1595]: его издание подвергалось жесткой критике филологов вплоть до середины XIX в. [см.: Lawicki 1827; Hosh 1839]. Среди фрагментов, отвергнутых не только критиками Мерулы, но и наиболее авторитетными издателями XX в., такими как Дж. Вален и О. Скутч [см.: Vahlen 1928; Skutsch 1985], находится следующий латинский текст: «*Horrida Romuleum certamina pango duellum*».

Источник этого фрагмента не установлен, что и послужило основанием упрекать Мерулу в фальсификации. В том, что касается метрики и устройства стиха, фрагмент находит параллель среди «подлинных», с точки зрения современного издателя Скутча, цитат из Энния. Вот как выглядит подлинный гекзаметрический стих: «*Nos pestis necuit, pars occidit illa duellis*» (Prisc. II 470 K).

Обращает на себя внимание то, что данный фрагмент, который принято считать подлинным, содержит в окончании стиха слово *duellum* (в форме *Dat./Abl. Pl. duellis*). Это слово считается ранним латинским фонетическим вариантом классического лат. *bellum* 'война'. Чередование *du/b*, действительно, наблюдается в архаическом латинском языке. Грамматик Варрон упоминает имя *Duellona* (вместо *Bellona*) в составе одного из микротопонимов античного Рима (*Varr. L. L. V 73*).

Если упомянутый фрагмент из издания Мерулы — фальсификат, то, по всей видимости, материалом для создания этой фальсификации послужил более авторитетный фрагмент из грамматики Присциана, жившего в Константинополе на рубеже V—VI вв. н. э. Однако этот фрагмент, где форма *duellis* занимает три последних слога в стихе (краткий, долгий и долгий), противоречит фрагменту «*Quis potis ingentis oras euoluere belli*», цитируемому преподавателем риторики Квинтилианом (*Quint. inst. VI 3, 86*).

Во фрагменте, приводимом Квинтилианом, фонетический вариант *belli* занимает последние два слога, а позицию краткого слога в предшествующей стопе занимает *-re*: *-uol-ue-re bel-li*. То есть за орфографическим вариантом *belli* в рамках гекзаметра никак не могло стоять трехсложное прочтение *du-el-li*: с учетом предшествующего дактиля *-uol-ue-re-* вариант *du-el-li* ни при каких условиях не уместится в дактилическую стопу.

Кроме того, временная дистанция между Присцианом и Энием составляет порядка семи столетий. Впрочем, современные издатели, как и их предшественники в XIX в., склонны игнорировать проблему атрибуции (с точностью до произведения, песни/книги и стиха) фрагментов Эния, сохранившихся в виде цитат в многотомном сочинении константинопольского грамматика.

Несмотря на это важно отметить, что фрагмент (*Prisc. II 470 K*) содержащий слово *duellis*, по своему оформлению отличается от других цитат из поэмы Эния «*Анналы*», приводимых Присцианом. В этой цитате заметно отсутствие указания не только на номер главы «*Анналов*», но и на сам заголовок сочинения. Присциан, цитируя фрагмент, указывает лишь имя автора: *Ennius*.

Для позднеантичного грамматика, привыкшего работать с письменными источниками, это может означать, что данный фрагмент, в отличие от фрагментов с точной атрибуцией (номером главы и заголовком произведения), попал к Присциану уже в виде цитаты. Возможно, в более раннем и не дошедшем до нас грамматическом сочинении или сборнике школьных примеров, таких как сборник Веррия Флакка.

Учитывая, что, помимо «Анналов» Энния, Присциан цитирует также и драматические фрагменты, не бессмысленно было бы, возможно, пересмотреть метрическую трактовку фрагмента (Prisc. II 470 K): при оценке слова *duellum* как двусложного, а не трехсложного, разбираемый фрагмент может быть прочитан не только как гекзаметр, но и как, например, ямбический сенарий, т. е. размер, свойственный римской драме.

Следует сказать, что в цитатах, содержащих точную атрибуцию к какой-либо главе поэмы «Анналы», античные авторы всегда дают слово *bellum* в его классическом фонетическом оформлении, т. е. с начальным *b*, тогда как архаическое произношение *duellum* нигде в цитатах из «Анналов», кроме как в двух обсуждаемых фрагментах из издания Мерулы и из грамматики Присциана, не встречается.

Известна лишь приставочная форма *perduellibus*, засвидетельствованная именно в драматических фрагментах, цитируемых Марком Варроном (Var. L. L. VII 49), но не в эпосе «Анналы». Энний, работавший с тремя языками, должен был виртуозно владеть различными вариантами произношения латинских, греческих и итальянских слов и пользоваться ими при создании особого языка для каждого из поэтических жанров в отдельности.

Возможно и другое объяснение: архаизирующая орфография *duellis* и трехсложное прочтение этого варианта проникли в сочинение Присциана под влиянием традиции античных комментариев к сочинениям Горация, также писавшего гекзаметром, но использовавшего совсем другой поэтический язык — классический латинский с элементами сельских говоров.

Гораций нередко использует вариант *duellum*, причем именно как трехсложное, а не двусложное слово (Hor. epist. I 2, 7;

П 2, 98). С учетом этого предположения, можно было бы рассматривать фрагмент Энния, цитируемый Присцианом (Prisc. II 470 К), как подлинный, но не гекзаметрический. Или, во всяком случае, как фрагмент, цитируемый из вторых рук и потому содержащий унаследованную порчу текста в другом месте стиха, нуждающегося в дальнейшем текстологическом анализе и эмендации.

СОКРАЩЕНИЯ

фон Альбрехт 2003 — *Альбрехт М., фон.* История Римской литературы. М., 2003.

Hoch 1839 — *Hoch M.* De Ennianorum Annalium fragmentis a P. Merula auctis. Bonn, 1839.

Lawicki 1827 — *Lawicki J.* De fraude Pauli Merulae Ennianorum Annalium editoris. Bonn, 1827.

Merula 1595 — *Merula P. Q.* Enni, poetae cum primis censendi, Annalium libb. XIX quae apud uarios auctores superant, fragmenta. Leiden, 1595.

Skutsch 1985 — *Skutsch O.* The Annals of Q. Ennius. Oxford, 1985.

Vahlen 1928 — *Vahlen J.* Ennianae Poesis Reliquiae. Leipzig, 1928.

Информация об авторе: Екатерина Павловна Новикова, к.ф.н., научный сотрудник сектора Анатолийских и кельтских языков, МГУ имени М. В. Ломоносова, Институт языкознания РАН; Москва, Россия; e-mail: nouius-poeta@yandex.ru

About the author: Ekaterina P. Novikova, PhD, Moscow State University, Institute of Linguistics RAS; Moscow, Russia; e-mail: nouius-poeta@yandex.ru

О протографе Олонецкого сборника

Alina Alekseeva (Moscow)

About Protograph of the Olonetsky Sbornik

Резюме. В статье рассматривается Олонецкий сборник заговоров XVII в. (БАН, 21.9.10). Ранее высказывалось мнение о том, что писцы, работая над сборником, фиксировали преимущественно тексты устной традиции — для других сборников XVII—XVIII вв. это нехарактерно. Однако при помощи кодикологического, текстологического и лингвистического анализа это предположение можно скорректировать. Во-первых, отмечается большое количество ошибок стадий прочтения и запоминания, что свидетельствует о наличии протографа. Во-вторых, воздействие рукописной среды отражается на структуре и организации некоторых записей. В-третьих, в обеих частях рукописи присутствуют записи с двумя типами синкретизма форм Р.—Д.—М. ед. с исторической основой на *ā, что может быть объяснено только наличием письменного источника. Таким образом, Олонецкий сборник, включая в себя тексты генетически устного происхождения, имеет севернорусский протограф или протографы.

Ключевые слова. Олонецкий сборник, рукописные заговоры, текстология, севернорусские говоры, фольклор.

Abstract. The article deals with the Olonetsky sbornik of charms of the 17th century (Library of the Russian Academy of Sciences, 21.9.10). Earlier, an opinion was expressed about the work of scribes that they were fixing mainly texts of oral tradition, which is not typical for the 17th—18th c. collections. However, using codicological, textological, and linguistic analyses, this assumption can be corrected. First, there is a large number of errors of the reading and memorization stages that indicates the presence of a protograph.

Second, the influence of the handwritten tradition is reflected on the structure and organization of some texts. Third, in both parts of the manuscript there are texts with two types of syncretism of forms Gen.-Dat.-Loc. sg. with a historical stem on *â*. The only explanation for this feature is the presence of a handwritten source. Thus, the Olonetsky sbornik, including texts of genetically oral tradition, has a North Russian protograph or protographs.

Keywords. Olonetsky sbornik, handwritten charms, textual criticism, northern Russian dialects, folklore.

Среди собраний рукописных заговоров XVII в. Олонецкий сборник (далее — ОС) выделяется по объему и разнообразию представленного материала. Последнее и наиболее полное издание рукописи, дополненное введением и обширным комментарием к текстам, вышло в 2010 г. под редакцией А. Л. Топоркова [см.: РЗРИ 2010: 37—310]. Основываясь на составе вошедших в сборник записей, Топорков приходит к следующему выводу касательно его сложения и работы двух писцов:

В ОС сочетаются тексты рукописного (книжного) и устного (фольклорного) происхождения, причем последние явно преобладают. Это необычно для рукописных сборников XVII—XVIII вв., которые, как правило, не фиксировали устный репертуар, а переписывались с каких-то других, более ранних рукописей. Работа писцов ОС, по-видимому, была близка работе фольклористов XIX—XX вв. и подразумевала целенаправленный поиск текстов в устной традиции [РЗРИ 2010: 84].

Представляется, что это предположение может быть уточнено при обращении к методам кодикологического, текстологического и лингвистического анализа, поскольку, как отмечали А. А. Турилов и А. В. Чернецов, «заговоры в составе рукописей строго говоря не являются фольклорным памятником, это определенный и достаточно распространенный жанр рукописной книжности» [ОЧ 2002: 29].

1. Трансформация текста в рукописной среде. Переписывание текста древнерусским книжником, согласно Д. С. Лихачеву,

состояло из четырех стадий: чтения, запоминания, внутреннего диктанта и воспроизведения на письме — каждая из которых сопровождалась специфическими типами ошибок [см.: Лихачев 2001: 69]. Если искажения двух последних операций могли появиться и без визуального контакта с источником (например, когда писец работал под диктовку¹ или писал самостоятельно), то ошибки чтения и запоминания достаточно надежно свидетельствуют о взаимодействии с антиграфом².

Среди наиболее показательных искажений первой стадии следует назвать порчу текста, которая возникла из-за «прыжка от сходного к сходному» или «перескока» с одной строки источника на другую, что отражается в апографе в виде повторного написания слова, фрагмента или, напротив, их пропуска (отсутствие одного из тождественных слогов Лихачев относит к ошибкам письма). Удвоенные написания действительно обнаруживаются на страницах ОС в №№ 15, 21, 75, 101а.

«Прыжок от сходного к сходному» приводит также к возникновению особого типа помарок, которые появляются следующим образом: книжники переносят неправильные слова, затем зачеркивают их, а рядом записывают другие (не в качестве приписок), что свидетельствует о внесении моментальной правки. Такое явление отмечается в записях №№ 3, 18, 35, 54, 56, 101б, 103, 104 — при этом в трех случаях во второй части рукописи неверное написание располагается симметрично под или над правильным (№№ 54, 101б, 103), что, в свою очередь, может указывать на антиграф или антиграфы того же формата (8°). Приведем в пример фрагмент из записи № 101б (л. 34):

¹ Подчеркнем, что ошибки слуха (оглушения, озвончения и т. п.) невозможно отделить от ошибок внутреннего диктанта, во время которого в текст проникает произношение писца, следовательно, мы не можем трактовать наличие подобных погрешностей как аргумент, свидетельствующий в пользу записи под диктовку.

² Здесь, однако, следует уточнить, что некоторые ошибки Лихачев интерпретирует двояко: например, пропуск слова, слога или буквы может произойти как во время чтения, так и во время письма — поэтому в работе мы рассматриваем наиболее убедительные типы искажений.

пришиваетъ золотоу иглоу и золотоу
нитью кро(в) у раба Б̄жия М нутре(н)ною
и серде(ч)ною, и жи(л)ною, и порѣзною, и всякую
се(р)де(ч)ною недужную³.

Записав *всякую*, книжник перешел на другую строку, собираясь продолжить текст, но «палец соскользнул» на строку выше, поэтому в ОС появилось еще одно написание *се(р)де(ч)ною* — сразу же исправленное.

Более сложной задачей является определение лакуны в текстах такого рода⁴, поскольку зачастую мы не имеем параллелей и можем только догадываться, что могло быть написано в том или ином месте. Однако можно с уверенностью предполагать наличие пропуска в №№ 60 и 88, в которых употребляется конструкция «яко/како... тако», утратившая второй член. Например, в № 60 (л. 25): *я(к)же возвра(ти)[ш]а двѣцу во гра(д) Евес во сво(и), стѣ(и) Авидан(н)нѣ, [А]врааме и Авини, Исаче, свяжы... — ср. с текстом из служебника нач. XVI в.: *якоже есте милосердіемъ Божиимъ възвратили двѣцию въ градъ свой Едесъ, тако и нынѣ святіи тріе исповѣдници, Гуріе, Самоне и Авиво, и Авидане, и Аврааме и Авеній, чюдо свое сътворите къ вамъ съ вѣроу приходящимъ, гибѣльникомъ помозите, виноватыхъ обличите, гортани шкодникомъ затворите* [РИБ 1908: 307—308]. Заговор № 88 (л. 31 об.) и вовсе завершается на словах: *ка(к) кнзи и боярь... не могу(т) противітися... противо М̄три Г(с)дни Прч(с)то(и) Б(д)цы Пр(с)нодвы Мри[i]* — что может свидетельствовать об утрате листа или листов (текст № 89 начинается с верха л. 32)⁵. Довольно показательны и сбои во фрагментах, построенных на по-*

³ Здесь и далее цитаты приводятся в упрощенной орфографии. Выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках, не читающиеся — в квадратных. Буквой «М» обозначено сокращение писца «имярек».

⁴ Мы имеем в виду самостоятельные слова — пропуски предлогов и союзов относятся к ошибкам стадии письма.

⁵ К сожалению, не представляется возможным установить, где недостает листов: в протографе или в ОС, т. к. после проклейки внутренних сторон листов последнего в ходе реставрации нач. XX в. состав тетрадей не определяется.

вторении. Например, в записи № 78 (л. 28 об.—29), скорее всего, пропущена часть текста, завершающая каждую клаузу (в цитате повтор выделен подчеркиванием, а вероятная лакуна обозначена знаком вопроса):

ка(к) лежы(т) мѣдь и желѣзо, не имѣю(т) в себѣ ни щепоты, ни бользни ни в ко(с)те(х), ни в мо(з)гѣ(х), ни в с(у)ставе(х), та(к) бы а(з), ра(б) Бжїи М⁶, не имѣ(л) в собѣ ни бользни, ни щепоты ни в косте(х), ни в мо(з)гѣ(х), ни в суставе(х); ка(к) звѣри в морѣ не имѣю(т) в собѣ ни щепоты, ни бользни [?], та(к) бы а(з), ра(б) Бжїи М, не имѣ(л) бы в со[бѣ] ни щепоты, ни больз(з)ни ни в ко(с)те(х), ни в мо(з)ге(х), ни во всть(х) суставе(х).

Определенно, пропуск имеется в записи № 57 (л. 23 об.): *путь ты(н) желѣзн[ои] кру(г) моего скота*, — где отсутствует глагол, обозначающий желаемое действие (например, *встанетъ*). По-видимому, какая-то порча находится во фрагменте из записи №116б (л. 39):

пригожае(т)ся то яйцо ко всякому недугу члѣ(с)кому, и к ура(зу), и щепоти, и поиде(т) о(т) то(г) яйца по встьмъ сустава(м) и по встьмъ жиламъ члѣчески(м) сему рабу Бжїю М на (з)дравие, а морю на слѣу, а мнѣ на памя(т) —

поскольку здесь не указано, что пойдет от яйца по суставам и жилам. Если здесь употребляется конструкция, сходная с той, что находится в № 116в, то мы также можем предполагать результат изменения под влиянием рукописной среды (л. 39): *пригожае(т)ся то сало ко всяко(и) при(т)чи: и к мертвои и живо(и), и к вода(н) ному и к льшему, и поиде(т) то до(б)рое сало по встьмъ суставамъ и по встьмъ жила(м) и улуса(м) члѣческимъ.*

К ошибкам первой стадии относится и переосмысление текста, возникшее в результате неправильного прочтения. В ОС обнаруживается как минимум один показательный пример такого искажения: *Гдї, бл(г)вї, о(т)ца мое(г) млтва(мі) и кра(с)на(г)* (вместо «крестнаго»). — А. А.) *о(т)ца и мтри* (№ 19, л. 9 об.).

Если употребление синонимов, перестановки и вставки новых слов, которые относятся к ошибкам стадии запоминания [см.: Лихачев 2001: 76—77], практически невозможно определить,

⁶ Так в рукописи сокращается «имярек».

не располагая другими списками, то наличие вторичных записей, восстанавливающих лакуны, сразу бросается в глаза. В ОС обнаруживается несколько приписок разного объема в записях №№ 5, 25, 26, 30, 52⁷, 78 и 105. К ошибкам этого этапа, как кажется, можно отнести помарки из записей №№ 18, 35, 54, 121 и 122, в которых писцы начинали записывать неверное слово (в целом, довольно логичное в контексте), затем зачеркивали его и употребляли другое, как если бы сверялись с источником. Проиллюстрируем на примере из записи № 122: *не мочно тѣ(х) гѣ брато(в) добы(тѣ) ни стару(му) ни младу ста(р)цу, ни молодому моло(д)цу* (л. 43об.), — книжник изначально написал *ни стару, ни младу*, затем, увидев продолжение в виде *ни молодому моло(д)цу* зачеркнул последнее слово, а к *стару* добавил выносные буквы -му, сделав из него уже неактуальную членную форму прилагательного.

Интересные данные можно получить при изучении структуры заговоров. Выше мы упоминали о трансформации отдельных фрагментов, однако бытование в рукописной среде может отразиться и на организации заговоров в целом. Так, наблюдения над записями №№ 117 и 125 показали, что ранее они находились в составе одного текста (№ 125 — начало, № 117 — продолжение), механически разъединенного до фиксации писцом ОС (подробнее об этом см.: Алексеева 2017а: 4—6). Этот факт позволяет прийти к следующему выводу: записи №№ 117—125 имеют общий письменный источник, включающий в том числе два текста на карельско-вепском языке. При этом между рассматриваемыми записями находятся заговоры №№ 123 и 124, также преобразившиеся в результате длительного переписывания (скорее всего, прежде существовали как минимум два заговора: один от недругов, второй от падения деревьев, — которые в какой-то момент слились, а затем были заново разъединены [см.: Алексеева 2017а: 6—7]). С другой стороны, маркером текстов, распростра-

⁷ Добавление в № 52 (л. 21 об.), отмеченное в издании как не поддающееся прочтению [РЗРИ 2010: 113], удастся разобрать — в цитате оно выделено подчеркиванием: *мы ве(т) куемъ от раба Бжия М и его дво(ра) и(л) о(т) его лоша(де) имя(р), куе(м) крюки желтьзные и палицы желтьзны(и), крукамы ва(с) закрючи(м), паличми убьемъ.*

няющихся рукописным путем, можно считать глоссы и интерполяции — две вставки, «вросшие» в текст заговора обнаруживаются и в ОС, в записи № 21 (имя Анна) [см.: Алексеева 2017б: 93—94]. Еще один случай изменения текста под воздействием рукописной традиции обнаруживается в тексте № 3, который ранее представлял собой две самостоятельные записи: для того чтобы узнать будущее/прошедшее и для излечения от болезни [см.: Алексеева 2018].

Итак, рассмотренные случаи трансформации текста распределяются по группам следующим образом:

Табл. 1

	1-й писец (л. 1—17 об.)	2-й писец (л. 18—46 об.)
ошибки чтения	№№ 3, 15, 18—19, 21, 23, 35	№№ 54, 56, 57, 60, 75, 78, 88, 101а—101б, 102—104, 116б
ошибки запоминания	№№ 5, 18, 25, 26, 30, 35	№№ 52, 54, 78, 105, 121—122
структурные особенности	№№ 3, 21	№№ 117—125

2. Морфологическая гетерогенность. Не меньшую ценность при исследовании рукописных памятников имеет лингвистический анализ. Восточнославянским говорам свойственно употребление нескольких систем соотношения форм Р.—Д.—М. ед. существительных с исторической основой на *ā. В говорах генетически новгородского типа отмечается совпадение этих форм — падежный синкретизм, — формирование которого подробно описано Е. А. Галинской [см.: Галинская 1991].

Судя по данным памятников письменности, унификация Р.—Д.—М. ед. мягкого и твердого типов осуществляется в древненовгородском диалекте до XI в., что приводит к образованию синкретичной формы с флексией *-ŕь*. Новый тип падежного синкретизма (с флексией *-ы/-у*) формируется под влиянием фонетического перехода [ê] > [i], прошедшего в се-

Табл. 2

Группа	1-й писец	2-й писец
№ 2. Синкретизм старого типа	№№ 12, 34	№№ 41, 107
№ 3. Синкретизм нового типа	№№ 7, 18	№№ 59, 73, 81, 93, 96, 98, 100, 104, 125
№ 4. Одновременное, но не этимологическое употребление флексий	№№ 10, 21	№№ 106, 121, 111, 124

Как видно, в обеих частях рукописи чередуются тексты со старым и новым типами синкретизма, которые не могут сосуществовать одновременно в узусе одного писца. Отдельного комментария требуют примеры из группы № 4. В записях №№ 21, 106, 121, 111, 124 диалектное окончание *-ы* употребляется в Д.—М. ед. на фоне других, этимологически правильных окончаний, — т. е. в книжный по этому параметру текст попадает реальное произношение писца ОС или его протографа; см., например, в № 106 (л. 35 об.): этимол. *в се(и) избе, в храмине* vs. синкретичн. *на хороминь, в сеи избы, в головы*. В записи № 10 (л. 7), напротив, обнаруживается параллельное употребление двух синкретичных флексий (*-е* в Р. ед. соседствует с *-ы* в М. ед.): *по(д)ле то(и) ступе* vs. *в ба(и)ны*, — что также связано с наличием нескольких языковых «пластов». Не исключено, что источник этой записи значительно древнее, чем ОС.

Заключение. Заговоры с «маркерами» книжности составляют всего 30,5 % и 23,4 % от общего числа записей в каждой части рукописи, однако следует обратить внимание на то, что эти тексты рассредоточены по всей рукописи. Исключение составляют лишь два достаточно больших блока: №№ 6—20 и 36—51, — но внутри первого находятся тексты с двумя типами синкретизма (№№ 7, 10, 12), а внутри второго — один из двух примеров упо-

ОЧ 2002 — Отреченное чтение в России XVI—XVIII веков. М., 2002.

РЗРИ 2010 — Русские заговоры из рукописных источников XVII —первой половины XIX в. М., 2010.

РИБ 1908 — Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1998.

Сведения об авторе: Алина Сергеевна Алексеева, Институт славяноведения РАН, аспирант; e-mail: alevtina.sergeevena@gmail.com

About the author: Alina S. Alekseeva, The Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, graduate student; e-mail: alevtina.sergeevena@gmail.com

Анетта Багаева (Москва)

Между сказкой и балладой: истоки жанровых метаморфоз «Трояна и Ангелицы» А. Ф. Вельтмана в болгарском переводе

Anetta Bagaeva (Moscow)

**Between Fairy Tale and Ballad:
the Origins of the Genre Metamorphosis
of A. F. Veltman's "Trojan and Angelica"
in the Bulgarian Translation**

Резюме. При сопоставлении оценок русских критиков о «Трояне и Ангелице» А. Ф. Вельтмана выявляется проблема амбивалентности жанра произведения и вопрос о его фольклорных источниках. Анализ двух черновики Вельтмана и состава его библиотеки позволяет подтвердить гипотезу Н. В. Кукольника и Ю. Д. Беляевой о сербских источниках сказки и выявить их близость с болгарским фольклором, а также проследить, как замысел постепенно сдвигался от жанра сказки в сторону баллады, от прозы к поэзии. В итоге Вельтман приходит к синтезу сказочных и балладных черт, а сербский колорит значительно смягчается. Двойственная структура сказки по-новому преломилась в болгарском переводе С. Изворского. Поскольку в журнале «Български книжици» было напечатано только начало сказки, то ее экспозиция приобрела самостоятельное значение и выдвинулась на первый план по сравнению с сюжетной линией Трояна и Ангелицы. Сказка свернулась до баллады с нравоучительной концовкой. Причем болгарскому переводчику удалось достаточно точно воспроизвести ритм и метрику оригинала. Это стало интересным опытом переноса сербской народной поэтической традиции на русскую и болгарскую почву.

Ключевые слова. Вельтман, Троян и Ангелица, Изворский, славянский фольклор, сказка, баллада, черновики, перевод, стих, романтизм.

Abstract. The comparison of critical judgements about A. F. Veltman's "Trojan and Angelica" reveals the problem of genre ambivalence and the question of its folklore sources. Analysis of two Veltman's drafts and the content of his library allows one to verify the hypothesis of N. V. Kukolnik and Yu. D. Belyaeva about Serbian sources of this fairy tale and to identify their proximity to Bulgarian folklore, as well as to trace how the idea gradually shifted from the genre of fairy tale to the ballad, from prose to poetry. As a result, Veltman comes to a synthesis of fairy tale and ballad traits, and the Serbian flavor softens considerably. The dual structure of the fairy tale was interpreted in a new way in S. Izvorsky's Bulgarian translation. Since only the beginning of the tale was printed in the magazine "Bulgarski knizici", its exposition acquired an independent meaning and came to the fore in comparison with the plot line of Trojan and Angelica. The fairy tale is reduced to the ballad with a moral ending. At the same time, the Bulgarian translator managed to reproduce the rhythm and metric of the original quite accurately. It was an interesting experience of transferring the Serbian folk poetic tradition into Russian and Bulgarian ground.

Keywords. Veltman, Trojan and Angelica, Izvorsky, Slavic folklore, fairy tale, ballad, drafts, translation, verse, Romanticism.

Литературная репутация стихотворной повести А. Ф. Вельтмана «Троян и Ангелица», выпущенной отдельным изданием в 1846 г., была неоднозначной. В. Г. Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1846 года» лишь вскользь заметил следующее: «<...> *Троян и Ангелица* (курсив авторский. — А. Б.) г. Вельтмана — что-то в роде детской сказки не то в стихах, не то в мерной прозе <...>» [Белинский 1847: 29].

Перенос произведения Вельтмана в разряд детской литературы свидетельствовал о нежелании критика, в той же статье провозгласившего первенство прозы над поэзией, заниматься более подробным разбором «сказки», вызвавшей у него колебания относительно жанра и формы. И хотя в 1840-е гг. происходила см на эсте-

тических установок — от романтизма к натуральной школе, от поэзии к прозе, — Вельтман вовсе не отставал от новых литературных тенденций, как могло показаться Белинскому. Наоборот, из отзыва критика следует, что Вельтман стремился объединить поэзию и прозу, а значит, и в его творчестве наметился перелом, направленный, однако, не столько на распад, сколько на синтез. Но Белинский был не единственным, кого эта сказка поставила в тупик эклектичностью формы. Отзыв П. А. Плетнева о «Трояне и Ангелице», помещенный в «Современнике», красноречиво свидетельствует об этом:

Если бы автор основал подобный рассказ на каком-нибудь народном предании — мы еще могли бы с участием следовать за ним. Но это плод одного стремления к оригинальности вымысла — и оттого читатель остается равнодушен к действующим лицам. Еще сильнее высказалась его оригинальность в размере стихов, какими написано стихотворение. <...> Пусть читатели сами полюбуются, что это за размер [Плетнев 1846: 344—345].

С ним пытается спорить автор самого подробного и благожелательного из всех вышеуказанных разборов А. Е. Студитский (правда, подчас он противоречит сам себе):

Кажется, что первая мысль повести пришла автору при чтении «Слова о полку Игореве», где упоминается Траянова стезя. Месяц часто вводится как действующее лицо в русские сказки. Денницы мы не встречали. *Форма изложения близка к форме сказок* (курсив наш. — А. Б.). <...>

Что сказать о целом стихотворении? Если разбирать его независимо от нашей древней мифологии, которая так мало известна, то остается заметить следующее: а) содержание напоминает более предание «Тысячи и одной ночи», чем предания Славянские. б) изложение автора <...> имеет гораздо более достоинств и менее странностей, нежели в других его сочинениях. в) *язык прекрасен и очень близок к языку русских песен и сказок* (курсив наш. — А. Б.) [Студитский 1846: 172, 174].

Дружное указание критиков на жанровую амбивалентность «Трояна и Ангелицы» (все-таки песня или сказка?), а также проведение критиками столь разнообразных фольклорных параллелей (не говоря уже об упоминании «Слова о полку Игореве», чей ритмизованный перевод на современный русский язык

Вельтман издал в 1833 г.) заставляет пристальнее взглянуться в творение Вельтмана.

Весьма любопытно то, что Плетнев не увидел фольклорных источников в «Трояне и Ангелице», симптоматичны и колебания Студитского в поиске жанровых параллелей («славянское» он отмечает только в языке и в отдельных образах). Неудивительно, ведь русских аналогов у сказки не было, но зато имелись сербские. Это верно подметил в свое время Н. В. Кукольник: «Кажется, сербская сказка, премило рассказанная Вельтманом» [Кукольник 1846: 464]. О том же сообщает Ю. Д. Беляева, указывая в качестве источника «Сербский словарь» В. Караджича:

В основу поэтической повести «Троян и Ангелица» положено сербское предание о гибели влюбленных под воздействием лучей восходящего солнца. Возможно, что Вельтман встретил его в «Сербском словаре» Вука Караджича, который, очевидно, он изучал, еще будучи в Бессарабии [Беляева 1984: 334].

В другой, более ранней, статье Беляева пишет так:

Югославские и русские ученые, которые изучали славянские легенды о Трояне, доказали, что мотив смертоносного влияния солнца действительно характерен для сербской легенды. <...> Стихотворная повесть *Троян и Ангелица* написана размером, близким к сербскому народному (перевод наш. — А. Б.) [Беляева 1980: 32].

В трехязычном (сербско-немецко-латинском) «Сербском словаре» имеется статья «Тројан», где рассказывается народная сербская легенда о короле Трояне, жившем в крепости на горе Цер, севернее города Двориште. Он вел ночной образ жизни, поскольку боялся растаять от лучей солнца. На одном из его ночных свиданий с любимой в Среме (Сремской Митровице) его коней нарочно не накормили, а петухам свернули языки, отчего Троян пустился в обратный путь слишком поздно, и ему пришлось укрыться от солнца в стоге сена. Но, на его беду, к стогу подошел полакомиться скот, и король погиб [см.: Караджич 1818: 829—830]. Вельтман мог использовать эту статью, поскольку в посмертной описи его

библиотеки, составленной в январе 1870 г., за № 151 действительно можно увидеть указанное издание «Сербского словаря» [см.: НИОР РГБ. Ф. 47. Оп. III. П. 20. Ед. хр. 40: 151]. Однако, скорее всего, это далеко не единственный источник, которым пользовался Вельтман.

Нами был найден близкий к сказке Вельтмана текст болгарской песни о споре солнца с юнаком (т. е. богатырем), где за победу юнака оно обещало ему в жены свою сестру (тезку героини сказки), притом в ряде вариантов сюжет развивается, как у Вельтмана, через похищение девушки. Приведем параллельно оригинал песни и перевод Ю. И. Смирнова:

Той не пое студна вода,
Ами пое мом Ангели
За ръчица, за десница,
Че я гуди на конче си,
Занеси я татък долу,
Татък долу бащин двори.
Юдговаре добър юнак:
— Хой те тебе, мой стар баща,
Мой стар баща, стара майко,
Ето я на вази снаха,
А пък тя на мене жена!

Он не взял студеную воду,
А взял девушку Ангели
За ручку за правую,
Посадил ее на своего коня,
Отвез ее туда в долину,
Туда в долину, в отчий дом.
Говорит добрый юнак:
— Гой еси, мой старый отец,
Мой старый отец, старая мать,
Вот она вам сноха,
А мне ведь она жена!

(вариант 3, пер. на русский

Ю. И. Смирнова)

[Смирнов 1974: 187]

Учитывая близость болгарского и сербского фольклора, а также то, что в Болгарии есть топоним Троян¹, можно осторожно согласиться с Беляевой относительно наличия у сказки Вельтмана южнославянских фольклорных источников, однако они еще нуждаются в уточнении и дополнении.

¹ Город получил название в честь римского императора Траяна благодаря проходившей через Болгарию римской магистрали Via Traiana, таким образом, упомянутое выше предположение Студитского о «Траяновой стезе» из «Слова о полку Игореве», вдохновившей Вельтмана, не так уж беспочвенно.

Сам тезис Беляевой о принадлежности сказки Вельтмана именно к сербскому фольклору основан на лексических маркерах: прежде всего, это сербские топонимы (гора Цер), лексемы, имена героев². Имя князя Моимира имеет исторический прототип, что позволяет нам условно назвать произведение Вельтмана исторической балладой³. Отчасти это действительно так, поскольку Вельтман по-своему переосмысляет традиционные для баллад образы, вводит мотив инцеста, рокового поступка и наказания за него и др.

Здесь сказывается верность Вельтмана эстетике романтизма. Баллада как жанр, вошедший в мировую литературу именно с легкой руки романтизма, стала удобной основой для создания авторских стилизаций под устное народное творчество. Тем самым именно лиро-эпический жанр баллады стал наиболее удобным для синтеза прозы и поэзии в сказке Вельтмана, усложняя ее. По А. Пенчевой, исторически являясь производной от жанра сказки, литературная баллада получает устойчивые жанровые черты: нарушение нормы, которое вызывает трагический конфликт, за которым следует наказание. При этом проблематика баллад имеет частный, семейный характер, а система персонажей специфична: в центре конфликта оказывается человек, которому грозит опасность от столкновения с иным, враждебным, демонологическим миром, при этом герои играют роли виновника, жертвы и исполнителя наказания. Для баллад характерна предельная лаконичность и скупость в выразительных приемах, а также стихотворная форма [см.: Пенчева 1995: 83].

«Троян и Ангелица» хорошо укладываются в приведенную схему, поскольку завязка сюжета строится на нарушении князем

² «В пользу предположения о ее сербском происхождении говорят: географические названия (гора Цер), имена собственные (Злата, Радун, Ница и др.), сербские слова (гавран, юнак, горский)» (перевод наш. — А. Б.) [Беляева 1980: 32].

³ Неслучайно в журналах за 1846 г. отзывы о «Трояне и Ангелице» соседствуют с публикацией отрывков из «Краледворской рукописи» в русском переводе Н. В. Берга и рецензиями на издание его полного перевода. Творения В. Ганки и Вельтмана объединяет стилизация под историческую балладу (жанр сам по себе пограничный, лиро-эпический).

Моимиром родительского наказа (сам себе выбрал невесту, отказавшись от той, которую предлагала мать), из-за чего на нарушителя накладывается материнское проклятие, которое исполняется: в семье Моимира дети (Троян и Ангелица) рождаются нежизнеспособными, и ради поддержания их жизни князю необходимо создавать неестественные для человека условия (Трояну нельзя бывать на солнце, Ангелице нельзя видеть лиц мужского пола), в результате чего семья живет порознь, а брат и сестра не знают о существовании друг друга. Все дальнейшее развитие повествования становится историей воплощения мрачного предсказания в жизнь: Троян и Ангелица, вопреки предосторожностям родителей, знакомятся, влюбляются и гибнут. При всей неотвратимости печального конца характер разворачивания сюжета выходит за рамки баллады и имеет ряд неоспоримых эпических черт, отчего мы считаем, что критики не слишком ошибались, называя произведение волшебной сказкой.

Вглядимся в эти черты. Помимо генетической близости сказки и баллады, со сказкой как эпическим жанром «Трояна и Ангелицу» роднят создание нереализованных побочных любовных линий (Троян — Злата), осложняющих повествование, повторение одних и тех же сюжетных схем (тайные ночные поездки Трояна к Золотой Куле), наличие типично сказочных мотивов (нарушение запрета сначала родителями, затем детьми, а также сама ситуация рождения необычных детей: Троян будто сделан из воска, а в Ангелице угадываются черты Снегурочки). Повествование разворачивается от лица звезды Денницы, которой жадно вникает Месяц. Сказка начинается с их диалога и заканчивается для Денницы потерей адресата с первыми лучами солнца (мотив смертоносных лучей удваивается)⁴. Мы имеем дело с рамкой, которая осложняет структуру и восприятие текста, поскольку накладывает на него оценку происходящего

⁴ Хотя Плетнев вовсе отказывает произведению в каких бы то ни было фольклорных источниках, а Студитский, как было сказано, «узнает» в качестве героя русского фольклора только Месяц, для славянского фольклора в целом типичны и Месяц, и Денница (планета Венера), выступающие в качестве младших брата и сестры Солнца. Само Солнце весьма «прожорливо», и его жертвой могут стать даже родственники [Чёха 2012: 104—105].

Месяцем, иногда прерывающего повествование небольшими вставными диалогами с Денницей. Сама Денница то рассказывает нам о событиях объективно (со стороны), то пытается отразить точку зрения отдельных персонажей, что для баллад нехарактерно, поскольку там взгляд повествователя на происходящее обычно не меняется в течение всего повествования. Все это позволяет говорить о синтезе двух жанров в рамках «стихотворной повести» (как определил жанр сам Вельтман).

В пользу нашей точки зрения о синтетичности жанра говорит и пара черновых, ранее не публиковавшихся набросков «Троян и Ангелица» Вельтмана [см.: НИОР РГБ. Ф. 47. Оп. I. П. 31. Ед. хр. 7: 1—3], представляющих собой два совершенно разных текста. На последнем листе рукописи есть водяной знак «1839», позволяющий предположить, что замысел «Троян и Ангелица» вынашивался Вельтманом по крайней мере несколько лет, но возник не ранее указанного года. Последний лист с водяным знаком мы считаем более ранним наброском в силу эскизного характера самого текста: это краткий план замысла в прозе, из которого явствует, что сначала действующим лицом должен был стать Троян:

Троян
Восковой король
Сербская сказка

В то самое время, когда Польского короля Попеля с женой и детьми съели мыши, на пути из Сирмии ко троянову граду растаял король Троян. Удивительное происшествие!⁵ А случилось оно следующим образом. В городе Сирмии жил какой-то венгерский маленький король. Сколько раз он ни женился, но Бог не давал ему детей. Рассердившись он женился на седьмой жене, и сказал ей в день свадьбы, что если и она будет бесплодна⁶... [НИОР РГБ. Ф. 47. Оп. I. П. 31. Ед. хр. 7: 3].

На этом рукопись, предлагающая расширенную трактовку событий, обрывается. Фабула произведения в духе волшебной сказки по жанру и анекдота, небылицы по своей «шутовской»

⁵ Зачеркнуто: «Чего на свете не бывает!» — А. Б.

⁶ Сохранена авторская пунктуация. — А. Б.

стилистике прямо соотносится с легендой, приведенной в «Словаре» Караджича. Даже под представляющей собой, на первый взгляд, загадку Сирмией скрывается уже известный нам город в Римской Паннонии, а ныне на севере Сербии, где сейчас располагается Сремска Митровица (или Срем, в котором жила, по Караджичу, возлюбленная Трояна). Хотя Вельтман совмещает исторические реалии различных эпох, а по стилистике и языку текст наброска носит явно комический характер, уже здесь заложен потенциал для развития «Трояна и Ангелицы» сразу в двух плоскостях, сказочной и балладной (уже присутствуют мотивы проклятия и Божьего наказания, а также попытка поместить героя в условно историческую среду), хотя сказочная плоскость преобладает.

Совершенно другой текст, в стихах, содержится на двойном листе черновика, и озаглавлен он «Дележ Якшичей». Якшичи — известный княжеский род средневековой Сербии. По современным данным, одна из последних представительниц рода, Анна Якшич, была матерью Елены Глинской и бабушкой Ивана Грозного⁷. Рукопись Вельтмана содержит стихотворное описание дележа отцовского наследства двумя братьями, Дмитрием и Богданом, которые, спокойно поделив сербские территории, повздорили лишь из-за вороного коня да сизого сокола. Старший брат Дмитрий забирает их с собой на охоту, кликает жену Ангелию и просит ее подсыпать отраву Богдану. Явно балладный сюжет с условной исторической основой здесь осложнен вводом той самой повествовательной рамки, которую мы видим в уже опубликованном произведении: текст начинается с диалога Месяца и звезды Денницы, рассказывающей об увиденном ею «чуде»⁸.

⁷ Мать царя Ивана IV Грозного, Елена Глинская, «приходилась по матери Анне внучкой сербскому вельможе Стефану Якшичу. Стефан Якшич, чьей дочерью была Анна, был вынужден покинуть свои земли в связи с набегами турок. Анна пережила своего супруга, присутствовала на свадьбе своей дочери Елены с Василием III, а потом пережила и дочь и присутствовала на первой свадьбе внука Ивана IV» [Русские в Сербии 2009: 18].

⁸ Эта немаловажная деталь призвана повысить доверие к дальнейшему повествованию, что служит дополнительным аргументом в пользу исторической

Приведем первые строки черновика и беловика:

Черновик	Беловик
Укоряет Месяц светлую Денницу: Где была-гуляла ты звезда-Денница? Где была-гуляла, где день проводила? Где ты проводила целых три дня белых? Отвечает Месяцу звезда Денница: Одна-одиненька время проводила Выше славного я города Белграда, Глядячи на чудо на большое: На дележ меж братьями наследья, Между Якшичами Дмитрьем и Бог- даном. [НИОР РГБ. Ф. 47. Оп. I. П. 31. Ед. хр. 7: 1]	Вопрошает Месяц у звезды Денница: — Где была-гуляла, светлая Денница, Где была-гуляла, где дни проводила? — Далеко была я, молвила Денница, Была над Дунаем, над крутою Церой; Насмотрелась там я, надивилась диву. — Расскажи ж пожалуй, чему по- дивилась, Чему подивилась, чего насмотрелась? От какой печали бисерные слезки Падают на землю студеной росой? [Вельтман 1846: 5]

Здесь уже формируется и сама стихотворная структура будущей сказки, имитирующая сербский народный 12-сложный стих с цезурой посередине (6 + 6) [см.: Гаспаров 2003: 195], правда, еще недостаточно урегулированный и сбивающийся на 10-сложник.

Оба приведенных выше черновика, являясь по сути двумя совершенно разными произведениями со своими фабулой, персонажами и стилем изложения, при сопоставлении с финальной версией сказки демонстрируют нам, как далеко Вельтман ушел от первоначальных замыслов, и убедительно доказывают жанровую двойственность «сказки» Вельтмана, проявлявшуюся еще на ранних этапах работы автора.

Несмотря на свой сербский колорит, сказка Вельтмана получила распространение на Балканах в болгарском переводе. Деятель болгарского Возрождения, просветитель и поэт С. Изворский в 1858 г. опубликовал свой перевод в только что открывшемся журнале Д. Мутева «Български книжици», выходявшем

баллады (в отличие от «фантастического» жанра сказки).

когда исполнится предсказанный им конец), что усиливает дидактичность «сказки». Но тем самым сюжет у Изворского фактически сворачивается до баллады, и именно в рамках этого жанра следовало бы рассматривать изданную часть его перевода. Однако при всем желании переводчик не мог назвать итог своей работы балладой, поскольку «в Болгарии термин “баллада” появляется во второй половине XIX в. — и то, прежде всего, в учебниках по теории литературы» (перевод наш. — А. Б.) [Пенчева 1995: 76]. Тем не менее даже в усеченном виде в переводе прослеживается композиционное единство и идея. Правда, заглавие уже не вполне подходило, поскольку в оригинале предыстория рождения героев сказки считалась экспозицией по отношению к ее основному содержанию. В переводе Изворского экспозиция приобретает самостоятельное значение, главными героями оказываются родители Трояна и Ангелицы, князь Моимир и Николия. Сюжетная линия Трояна, старшего сына, успевает получить развитие в описании его детских лет, линия Ангелицы пресекается на приговоре старца Обро, т. е. в раннем младенчестве. И хотя вельтмановский фокус в заглавии на детей как на главных героев сказки остается, в результате наиболее сильным в композиционном и сюжетном отношении местом опубликованной в Болгарии части сказки является именно ее окончание, чем усиливается трагический пафос и его дидактическая трактовка.

Как уже отмечалось ранее, русские критики не приняли и не поняли метрику сказки. Однако переводчик смог уловить ритмику стиха и довольно точно передать ее на болгарском языке. Это по-прежнему цезурированный 12-сложник (6 + 6), но уже не с четким хореическим рисунком, как в сербском стихе, а с более расшатанным, тяготеющим к амфибрахию. Смена ритма у Изворского может осуществляться в рамках полустушия, отчего перевод оказывается пластичнее оригинала.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что Вельтман стремился к синтезу фольклорных жанров с литературной традицией и к сплаву традиционных эпических и лиро-эпических жанров, что является продолжением тех тенденций в русской

Беляева 1984 — *Беляева Ю. Д.* Сербские мотивы в русской литературе (А. Ф. Вельтман и В. А. Гиляровский) // Вопросы социальной, политической и культурной истории Юго-Восточной Европы. М., 1984. С. 327—343.

Вельтман 1846 — *Вельтман А. Ф.* Троян и Ангелица: Повесть, рассказанная светлой Денницей ясному Месяцу. М., 1846.

Гаспаров 2003 — *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. М., 2003.

Кукольник 1846 — *Кукольник Н. В.* Библиография // Иллюстрация. 1846. 10 авг. Год 2. Т. 3. № 29 (65). С. 464—465.

НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки.

Плетнев 1846 — *Плетнев П. А.* Новые сочинения // Современник. 1846. Год 11. Т. 43. № 9. С. 333—348.

Русские в Сербии 2009 — Русские в Сербии: взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX века, русская эмиграция в Сербии, россияне в Сербии — последние 60 лет и сегодня. Белград, 2009.

Смирнов 1974 — *Смирнов Ю. И.* Славянские эпические традиции: проблемы эволюции. М., 1974.

Студитский 1846 — *Студитский А. Е.* Русская библиография за март месяц // Москвитянин. 1846. № 4. С. 164—176.

Чёха 2012 — *Чёха О. В.* Солнце // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 5. М., 2012. С. 101—106.

Беляева 1980 — *Беляева Ј.* Српски мотиви у руској књижевности прве половине XIX века // Прилози проучавању српско-руских књижевних веза: прва половина XIX века. Нови сад: Матица Српска, 1980. С. 7—39.

Велтман 1858 — *Велтман А. Т.* Троян и Ангелица // Български книжици: Повременно списание на българската книжнина. 1858. Ч. 1. № 2. С. 64—66; № 3. С. 102—106; № 4. С. 133—136.

Караджич 1818 — *Караџић В. С.* Српски рјечник: истолкован немачким и латинским рјечма. Беч, 1818. Кол. 829—830.

Пенчева 1995 — *Пенчева А.* Баладата като проблем на генологията и генологичните проблеми на баладата // Български фолклор. Кн. 5, 1995. С. 70—85.

Елизавета Лочмелис (Москва)

Гёте и Карамзин: опыт усвоения сюжетной модели романа Руссо «Новая Элоиза» (на примере романа «Годы учения Вильгельма Мейстера» и повести «Чувствительный и холодный»)

Elizaveta Lochmelis (Moscow)

Goethe and Karamzin: The Experience of Mastering the Plot Model of Rousseau's Novel "Julie, or The New Heloise" (on The Example of the Novel "Wilhelm Meister's Apprenticeship" and The Story "The Sensitive and the Cold")

Резюме. В данной статье представлена попытка проследить и проанализировать роль творчества Карамзина в усвоении и адаптации европейских романских традиций, в частности французской и немецкой. На основе анализа системы персонажей и сюжетных схождениями доказывається, що вплив творчого гонія Гёте на Карамзина в жанре романа воспитания довольно сильно. Показано, как конструируется система персонажей и сама ситуация конфликта «чувствительного» героя с толпой, придерживающейся противоположных взглядов. Рассматривается также изменение базовой сюжетной модели, которую Гёте, как впоследствии и Карамзин, заимствует из романа Руссо «Юлия, или Новая Элоиза». Особое внимание уделено также и новым эстетическим тенденциям в сентиментализме, а именно романтизму в прозе Карамзина, при этом доказывається, что Карамзин опирался на немецкий романтизм, который дал мировой литературе известный тип героя-художника.

Ключевые слова. Роман воспитания, Гёте, Карамзин, Руссо, романтизм, сюжет, модель, композиция (структура).

Abstract. This article presents an attempt to trace and analyze the role that Karamzin's creative works played in the assimilation and adaptation of European novelistic tradition, in particular French and German. Based on the analysis of the character system and plot similarities, it is proved that the influence of Goethe's creative genius on Karamzin in the genre of Bildungsroman is quite strong. It is shown how the character system and the conflict itself, which occurred between the "sensitive" hero and the crowd with antagonistic points of view, is constructed. The change of the basic plot, which was borrowed by Goethe and then Karamzin from the Rousseau's novel "Julie, or the New Heloise" is also revealed. A particular attention is also paid to the new aesthetic tendencies in sentimentalism, namely to romanticism in Karamzin's prose. It is proved that Karamzin relied on German romanticism, which gave the famous type of hero — the artist — to the world literature.

Keywords. Bildungsroman, Goethe, Karamzin, Rousseau, romanticism, plot, model, composition.

История влияния произведений Ж.-Ж. Руссо на творчество Н. М. Карамзина широко описана в работах ряда исследователей, в числе которых Ю. М. Лотман [см.: Лотман 1967], Е. А. Краснощекова [см.: Краснощекова 2001; Краснощекова 2008], З. Г. Розова [см.: Розова 1969]. Однако совсем иначе сложилось с традицией изучения той линии преемственности, которая составила предмет данной статьи: о генетических связях текстов И. В. Гёте и Карамзина написано мало, причем работы освещают преимущественно один аспект этого литературного влияния: зависимость «Бедной Лизы» Карамзина от «Вертера» Гёте (см., напр.: [Лотман 1998: 226—227; Жирмунский 1982: 33—34]). Именно поэтому цель данной статьи — показать, что влияние творческого гения Гёте распространилось и на более поздние тексты Карамзина, в частности на повесть «Чувствительный и холодный».

Гёте — одна из тех фигур, с которыми Карамзин, находясь в Веймаре, ищет встречи так же, как с И. Г. Гердером и К. М. Виландом. В «Письмах русского путешественника» Карамзин пишет, что «Новая Элоиза» Руссо — та книга, «без которой не существовал бы и немецкий “Вертер”» [Карамзин 1964: 279], однако в примечаниях добавляет: несмотря на то что «основание романа то же и многие положения взяты из “Элоизы”», в «Вертере» «более природы» [Карамзин 1964: 279]. Следовательно, Карамзин не только устанавливает линию преемственности между Руссо и Гёте, но и выстраивает определенную иерархию, в которой Гёте стоит выше Руссо как писатель, очистивший свою прозу от неестественного, «романического» (курсив автора. — Е. Л.) [Карамзин 1964: 279] элемента.

Позже, в 1795 г., в разделе «Смесь» «Московских ведомостей» Карамзин помещает комплиментарную рецензию на «Годы учения Вильгельма Мейстера», характеризуя его как «лучшее произведение музыки» Гёте:

Славный Гёте, автор Вертера, сочинил новый роман под названием: “Wilhelm Meisters Lehrjahre”. Говорят, что сей роман есть лучшее произведение музыки его. Он печатается и скоро выйдет в свет. Таким образом, несмотря на мрачность времени нашего, герой поэзии творит — и чувствительное сердце находит себе новую пищу [Московские ведомости 1795: 74].

Исходя из содержания приведенной заметки, можно сделать несколько предварительных выводов: Вильгельм Мейстер принадлежит одновременно и к типу героя-художника, и к типу «чувствительного» человека. Это, с одной стороны, делает героя интересным для читателей сентиментальных повестей, а с другой — превращает в своего рода анахронизм, существующий не в согласии с запросом времени, но вопреки ему. Носителем тех же характеристик является Эраст, что также дает основание рассматривать роман Гёте в качестве текста, оказавшего влияние на повесть «Чувствительный и холодный».

«Чувствительный» герой традиционно наделяется рядом определенных свойств, поэтому Вильгельм и Эраст показаны

в пору юности, которая, как правило, идеализируется: «**Glückliche Jugend!** <...> Der Mensch ist dann wie ein Kind <...> (здесь и далее выделение полужирным мое. — Е. Л.)»¹ [Goethe 1874: 211]. Они одинаково способны к слезам, причем слезы это всегда обильные, часто встречается глагол «орошать», ср.: «Er schloß sie an sein Herz und **benetzte** sie mit seinen Tränen»² [Goethe 1874: 280] и «<...> слушая музыку нежную, он забывался, и грудь его **орошалась** слезами» [Карамзин 1964: 752—753].

Герои предстают носителями естественной и полной жизни, поэтому характеризуются эпитетами с семантикой теплоты, порывистости, движения: Эраст «**пылал нетерпением** видеть друга» [Карамзин 1964: 753]. В русском переводе «Вильгельма Мейстера» также используется слово «пылкий», в оригинале же стоит «**ausschweifenden Geist**»³ [Goethe 1874: 214] — вольный, распушенный дух или «mit aller **Lebhaftigkeit** und aller Freiheit»⁴ [Goethe 1874: 250] — со всей живостью и свободой, также порыв Вильгельма назван «горячим»: «<...> in **warmer** Aufwallung mit sich fortnahm»⁵ [Goethe 1874: 214].

Нужно отметить, что Эраст, названный в повести «новым Сен-Прё» [Карамзин 1964: 745], не просто «чувствительный характер», но, как и Вильгельм, представитель типа героя-художника, причем «в германской романтической редакции» [Григорьев 1915: 40], отвергающей все «права ума» [Григорьев 1915: 40] в процессе создания художественного произведения. Действительно, творческий процесс описан довольно схоже: для обоих «природная одаренность» — «альфа и омега всего» [Гёте 1978: 97],

¹ «Счастливая юность! <...> Человек тогда похож на ребенка <...>» [Гёте 1978: 46].

² «Он прижимал ее к груди, орошая слезами» [Гёте 1978: 115].

³ «Вернер похвалялся тем, что якобы способен смирить и обуздать возвышенный, но временами **не в меру пылкий**, не знающий себе удержу дух Вильгельма <...>» [Гёте 1978: 49].

⁴ «<...> он сам с собой продолжал рассуждать на свои излюбленные темы, <...> со всей пылкостью и свободой не знающего узды воображения воскрешая давнюю свою мечту <...>» [Гёте 1978: 85].

⁵ «<...> Вильгельм торжествовал победу, когда ему удалось в горячем порыве увлечь за собой рассудительного друга» [Гёте 1978: 49].

и полностью параллельный ей эпизод, в котором Эраст говорит Леониду о своем «счастье»:

Скоро очарование нежной страсти представило ему свет в одном предмете и жизнь в одном чувстве... Блаженный любовник, забыв вселенную, вспомнил только о друге и летел к нему говорить о своем счастье. — Снисходительный Леонид оставлял приказные бумаги и слушал его <...> [Карамзин 1964: 745].

История Вильгельма многословна и занимает пять глав, Карамзин же изымает *содержание* повествования и оставляет только тему, но о том, что рассказ оказался излишне подробным, свидетельствуют как слова Леонида: «Вы, любовники, имеете обыкновение твердить сто раз одно; а всякие ненужные повторения склоняют меня к дремоте», так и самого автора — Леонид «дремал среди самых живых описаний» [Карамзин 1964: 745]. В приведенной ситуации содержание этого повторяющегося и многократно возобновляемого рассказа не имеет никакого значения, потому что важно не *что* говорится, а как: герои поглощены интересующим их предметом настолько, что не замечают того, как вокруг них все начинают засыпать. У Гёте: «Сон совсем сморил Мариану, она склонилась на грудь возлюбленного, который крепко прижал ее к себе и продолжал свой рассказ <...>» [Гёте 1978: 24]. У Карамзина же Эраст, «пораженный усыпительным действием своих, как ему казалось, чрезмерно любопытных рассказов», лишь «иногда» замечает это и «говорит с жалким видом»: «Ты дремлешь!..» [Карамзин 1964: 745].

Ироничность авторского тона делает «эстетическую недостаточность» [Сапченко 1996: 94] «чувствительных» героев еще более заметной, чем и обусловлена необходимостью уравновесить их героями-двойниками, которые олицетворяют мысль головную. Такие двойники названы «холодными»: «<...> Leuten, die man gewöhnlich **kalte Leute** zu nennen pflegt <...>» [Goethe 1874: 214], причем холодный герой дан в статике, а чувствительный находится в динамике и проходит путь становления. Их отношения носят характер постоянного спора — «**anhaltender Zwist**»

[Goethe 1874: 214]: «Споры друзей продолжались — и не решились» [Карамзин 1964: 746], что только подчеркивается одинаковой синтаксической организацией периодов, где происходит сопоставление двух противоположных характеров:

Werner tat sich darauf etwas zugute, daß er dem vortrefflichen, obgleich gelegentlich ausschweifenden Geist Wilhelms mitunter Zügel und Gebiß anzulegen schien, **und Wilhelm** fühlte oft einen herrlichen Triumph, wenn er seinen bedächtlichen Freund in warmer Aufwallung mit sich fortnahm [Goethe 1874: 214].

Вернер похвалялся тем, что якобы способен смирить и обуздать возвышенный, но временами не в меру пылкий, не знающий себе удержу дух Вильгельма, **а Вильгельм** торжествовал победу, когда ему удалось в горячем порыве увлечь за собой рассудительного друга [Гёте 1978: 49].

Эраст имел нужду в благоразумии, **Леонид** — в живости мысли, которая для его души имела прелесть удивительного. <...> **Один** спрашивался с воображением пылким, **а другой** — с флегматическим своим характером [Карамзин 1964: 742—743].

Однако причина того, почему спор этот не может окончиться, лежит не столько в совершенной противоположности характеров, сколько в их взаимообусловленности и взаимодополняемости. Ср.: «Чувствительность одного требовала сообщения; равнодушие и холодность другого искали занятия» [Карамзин 1964: 742] и «Werner, der seinen richtigen Verstand in dem Umgange mit Wilhelm ausbildete <...>» [Goethe 1874: 196]⁶. И если Гёте только пишет о том, что они «шли рядом, шли вместе к единой цели» [Гёте 1978: 50]⁷, то Карамзин доказывает это же положение на сюжетном уровне повести, поскольку два друга действительно проходят вместе ключевые этапы жизни: пансион → военная и гражданская служба → семейная жизнь.

Таким образом, складывается ситуация конфликта одаренного и заурядного человека [см.: Краснощекова 1996: 69]. Потенциально незащищенный, неопытный «чувствительный» человек

⁶ «Вернер, который тренировал свой трезвый (практический) ум в отношениях с Вильгельмом <...>» (перевод мой. — Е. Л.).

⁷ «Im Grunde aber gingen sie doch, weil sie beide gute Menschen waren, nebeneinander, miteinander nach einem Ziel» [Goethe 1874: 214].

Окончание периода «чувствительной» юности маркировано также смертью Каллисты и Марианы, которые после расставания со своими возлюбленными в сюжет не возвращаются. Так, для Вильгельма с Марианой «нераздельна первая его любовь и все счастье его юности» [Гёте 1978: 277]. Он вознамеривается «распроститься с театром по всей форме» [Гёте 1978: 402], когда узнает, что ее не стало, а до того задается следующими вопросами, в которых первое любовное чувство напрямую соотносится с мечтами юности: «Неужто лишь любовь к Мариане связала меня с театром? А может быть, любовь к театру соединила меня с Марианой?» [Гёте 1978: 225]. Эраст же умирает сразу после того, как узнает о смерти Каллисты — «последнего предмета его нежных слабостей» [Карамзин 1964: 753], причем, как и Вильгельму, «ему отдали <...> письмо, которое она писала к нему за шесть дней до кончины своей» [Карамзин 1964: 753].

Таким образом, в повести «Чувствительный и холодный» конструируется сложная система персонажей, функции которых определяются в контексте двух романов: это не только «Новая Элоиза» Руссо, но и «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гёте.

С одной стороны, влияние «Новой Элоизы» несомненно. К нему отсылает непосредственная номинация персонажей: Эраст назван «новым Сен-Прё» [Карамзин 1964: 745], следовательно, Каллиста — Юлия, которая, «исполняя волю отца, на все согласилась» [Карамзин 1964: 751] и отношения которой с любовником развиваются в доме нечувствительного супруга ее — Леонида, нового Вольмара. Ср.:

<...> Леонид, несмотря на прилежность делового человека, цвел здоровьем; ибо всякая диететика начинается предписанием: «Будь спокоен духом!» [Карамзин 1964: 750]

Господину де Вольмару около пятидесяти лет; благодаря спокойной, размеренной жизни и душевной безмятежности он сохранил здоровье и свежесть, — на вид ему не дашь и сорока; о его почтенном возрасте узнаешь только по его житейскому опыту и благоразумию [Руссо 1968: 339].

чувством и долгом. Старуха Барбара, например, говорит Марианне: «И если ты можешь дарить свою нежность только одному, так будь хотя бы благодарна другому, который за всю заботу о тебе, конечно, уж достоин зваться другом» [Гёте 1978: 36]. При этом образ героини значительно снижается за счет описаний интерьера и подчеркнутой прозаичности актерской жизни, и только для Вильгельма Мариана остается предметом высокой страсти, причем проявления этой страсти также повторяют отдельные положения романа Руссо. Ср.:

Он сел на порог ее дома и немного успокоился. Он целовал медное кольцо, которым стучались в ее дверь, он целовал порог, который переступали ее ноги, и согревал его огнем своей груди <...> [Гёте 1978: 59].

Он бросился на колена посреди лестницы и стал осыпать поцелуями ступени. Г-ну д'Орбу с трудом удалось оторвать его от холодного камня, к которому наш страдалец припал с долгими стенаниями, прижался всем телом, лицом, руками [Руссо 1968: 170].

Однако Гёте не только снижает элемент патетики, но и снимает сословный конфликт, центральный у Руссо, что Карамзин, очевидно, учитывает: «новый Сен-Прё» [Карамзин 1964: 745] Эраст — дворянин по происхождению и по положению возвышен до Юлии-Каллисты.

Сравнение трех писем, написанных героинями перед их кончиной и адресованных, соответственно, Сен-Прё, Вильгельму и Эрасту, также подтверждает гипотезу о том, что роман Гёте выступил текстом-посредником между двумя произведениями. Во всех трех письмах сохраняется указание на любовь как причину смерти, причем Карамзин, как и Руссо, отмечает, что речь идет о любви, противной добродетели. Ср.:

<...> я ценою жизни покупаю право любить тебя любовью вечной, в которой нет греха, и право сказать в последний раз: «Люблю тебя» [Руссо 1968: 704].

<...> любовь, противная добродетели, сократила самую жизнь ее [Карамзин 1964: 753].

Если письмо это когда-нибудь достигнет тебя, пожалей тогда свою злосчастную возлюбленную, твоя любовь принесла ей смерть [Гёте 1978: 388].

При этом в письме Марианы Гёте повторяет мысль Руссо о том, что героине о жизни «жалеть нечего» [Руссо 1968: 702]: «Вместе с тобой ушло все, что привязывало меня к жизни» [Гёте 1978: 388], — чего не встречаем у Карамзина. Вместо этого Вильгельм и Эраст находят в последних письмах своих возлюбленных подтверждение их верности — тема, отсутствующая и, пожалуй, невозможная в контексте романа Руссо. Карамзин: «Он узнал, что Каллиста любила его страстно, нежно и постоянно» [Карамзин 1964: 753]. Гёте: «<...> я умираю верной тебе, хотя бы видимость и говорила против меня» [Гёте 1978: 388].

Таким образом, представляется правильным говорить о том, что сюжетная модель романа Руссо «Новая Элоиза» оказала влияние на повесть Карамзина как прямо, так и косвенно — через посредство романа Гёте, что заметно и на уровне системы персонажей, и при сравнении отдельных мотивов и сюжетных схождений. Однако именно под влиянием романа Гёте изменяется природа конфликтной ситуации, положенной в основу повести «Чувствительный и холодный». Гёте снимает центральные противоречия «Новой Элоизы» — вопрос о чувстве и долге и словесное неравенство — и подменяет их конфликтом художника и толпы, культа искусства и философии практицизма. Карамзин, не отказываясь от нравственной проблематики «Новой Элоизы», характеризует Эраста как «преступника в дружбе» [Карамзин 1964: 747], понимаемой так же широко, как и у Руссо: «Взяв за руку жену и меня, он (Вольмар. — Е. Л.) сказал, пожимая мне руку: “Начинается наша дружба <...> пусть будет она неразрывна”» [Руссо 1968: 390]. Однако герои Карамзина занимают равное социальное положение, а в центре повести — личность писателя, находящаяся в драматическом противоречии с современной ей действительностью и напряженно переживающая этот разлад.

Кроме того, заметно стремление Карамзина, сохранив представление о привязке к возрасту определенных душевных

движений и психологических особенностей, показать судьбу героя как «некоторый типически повторяющийся путь становления человека от юношеского идеализма и мечтательности к зрелой трезвости и практицизму» [Бахтин 1986: 213], что, по Бахтину, характерно для классических образцов романа воспитания. Отмеченная черта также позволяет говорить о связи анализируемой повести с романом Гёте о Вильгельме Мейстере.

СОКРАЩЕНИЯ

Бахтин 1986 — *Бахтин. М. М.* Роман воспитания и его значение в истории реализма // *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 199—249.

Вестник Европы 1802 — Вестник Европы. 1802. Ч. IV. № 14.

Вестник Европы 1803 — Вестник Европы. 1803. Ч. XII. № 21—22. Ноябрь.

Гёте 1978 — *Гёте И. В.* Годы учения Вильгельма Мейстера // *Гёте И. В.* Собр. соч.: В 10-ти тт. М., 1978. Т. 7.

Григорьев 1915 — *Григорьев. А. А.* Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина // Собрание сочинений Аполлона Григорьева. М., 1915. Вып. 6. С. 1—81.

Жирмунский 1982 — *Жирмунский В. М.* Гёте в русской литературе. Л., 1982.

Карамзин 1964 — *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения: В 2-х тт. М.; Л., 1964. Т. 1.

Краснощекова 1996 — *Краснощекова Е. А.* «Два характера»: «Чувствительный и холодный» Н. М. Карамзина и «Обыкновенная история» И. А. Гончарова // Карамзинский сборник: Творчество Н. М. Карамзина и историко-литературный процесс. Ульяновск, 1996. С. 66—74.

Краснощекова 2001 — *Краснощекова Е. А.* Карамзин и Руссо: «Рыцарь нашего времени» // Карамзинский сборник: Россия и Европа: диалог культур. Ульяновск, 2001. С. 52—75.

Sara Mažioni (Рим)

Славянское Возрождение в переписке М. П. Погодина с П. Й. Шафариком

Sara Mazzoni (Rome)

The Slavic Cultural Revival through P. J. Šafařík's Letters to M. P. Pogodin

Резюме. 1840-е гг. стали переломным моментом в развитии славянского самосознания. В эти годы идея «славянского единства» (которая имеет разные толкования и осуществления) начала принимать черты идеологии. Доклад посвящен теме публикации в журнале «Москвитянин» (1841—1856 гг.) отрывков из писем словацкого и чешского ученого П. Й. Шафарика (1795—1861) к русскому историку и редактору журнала М. П. Погодину (1800—1875). Известно, что Погодин переписывался со многими иностранными деятелями славянского возрождения, но, тем не менее, достоин внимания тот факт, что Погодину хотелось осведомить читателей (через специальный журнальный отдел «Славянские известия») о содержании личной переписки с Шафариком. Издание этих отрывков является ценным источником для изучения литературных и культурных связей между Россией и славянским миром. Переписка Погодина с Шафариком включается в широкий контекст истории воздействия на русскую мысль славистических научных исследований и славянского возрождения в целом.

Ключевые слова. П. Й. Шафарик, М. П. Погодин, «Москвитянин», славяне.

Abstract. The 1840's have been crucial in the development of Slavic self-consciousness and identity. In these years the idea of «Slavic unity» started to gain ideological features and to be open to different interpretations, varying from Austro-slavism to the so-called Russian pan-slavism. This paper focuses on the letters written

by the Czech scholar Pavel Jozef Šafařík (1795—1861) to the Russian historian and journalist Michail Petrovič Pogodin (1800—1875). These letters appeared between the 1841 and the 1853 on the Russian journal *Moskvitjanin* (1841—1856), edited by Pogodin. It is widely known that the latter was in correspondence with many foreign representatives of the emergent Slavic cultural movements, such as linguists, historians, writers and patriotic activists. Nevertheless, it is worth considering the fact that he wanted to make his readers aware of his private correspondence with Šafařík. In the context of Pogodin's thought and activity, the publication of Šafařík's letters to Pogodin is a valuable source for research in the field of the literary and cultural contacts between Russia and the Slavic world: it sheds light on some aspects of the history of the influence of the Slavic cultural revival movements on Russian thought.

Keywords. P. J. Šafařík, M. P. Pogodin, Moskvitjanin, Slavic world.

Сороковые годы XIX в. являются переломным моментом в развитии славянского самосознания. По словам А. Н. Пыпина, «славянское движение <...> непохоже на национальное движение немецкое или итальянское; это есть стремление объединить не *народ*, а целое *племя* (курсив в тексте. — С. М.) <...>» [Пыпин 1913: 165]. Действительно, идея «славянского единства» получила разные толкования, которые привели к разным воплощениям в зависимости от времени и от географического места: например, «славянская взаимность» Яна Коллара, «русский панславизм»¹ и еще «австрославизм». Все это свидетельствовало о рождении между славянами сознания, опирающегося на идею о наличии общих черт и интересов.

Данная статья является частью более обширного исследования «Идея славянства в “Москвитянин” М. П. Погодина», цель которого — изучение интерпретаций «славянской

¹ Выражение «Русский панславизм» появился впервые в французской печати, в статье славяноведа Киприана Робера [Robert 1846].

идеи» по материалам журнала 1840-х гг. Значительную часть этих материалов составляют письма словацкого ученого-слависта П. Й. Шафарика русскому историку Погодину, редактору «Москвитянина». Погодин переписывался со многими иностранными деятелями славянского возрождения [см.: Барсуков 1888—1910], но тем более достоин внимания тот факт, что ему хотелось познакомить читателей (через специальный журнальный отдел «Славянские известия» или «Славянские новости») с содержанием своей частной переписки именно с Шафариком. Представления о будущем славянских народов у Погодина сильно отличались от представлений Шафарика: в сороковых годах в идеях и деятельности Погодина уже обнаруживались зачатки так называемого «русского панславизма» пятидесятых и шестидесятых годов. А Шафарик, со своей стороны, очень редко выражал политические суждения и, как справедливо писала Л. П. Лаптева, его можно было считать австрославистом: он «разделял теорию создания автономных и равноправных — как между собой, так и с господствующей нации — славянских объединений в рамках Австрийской монархии» [Лаптева 2007: 82]. Несмотря на это, «авторитет Шафарика как ученого был в России очень высок, и каждый русский исследователь, которого серьезно интересовали вопросы, связанные с изучением славянства, обращался к Шафарику» [Там же: 82]. Поэтому его письма были для редактора «Москвитянина» очень ценными и достойными распространения.

Погодин дал своим сотрудникам (предположительно О. М. Бодянскому) письма Шафарика для перевода и потом опубликовал их в номерах «Москвитянина». Эти письма могут быть рассмотрены как часть культурного процесса образования «славянской идеи». Прежде чем обсудить содержание писем, мы попробуем понять, по каким идейным канонам создавались представления о славянстве.

1.

Как известно, уже с середины 1830-х гг. в русском обществе центральными стали споры о народности. По этому поводу, в «Литературных мечтаниях» В. Г. Белинский писал: «*Народность* (курсив в тексте. — С. М.) — вот альфа и омега нового периода» [Белинский 1953: 91]. Больше всего в этих спорах нас интересует определение славянского самосознания как части русской народности: откуда произошло такое определение? Одним из самых главных моментов в формировании идей Погодина и его ровесников является влияние немецкой философии, особенно Ф. Шеллинга и Г. В. Ф. Гегеля, о чем часто упоминается в научной литературе [см., напр.: Манн 1998]. Однако, если учитывать образование идеи народности и особенно ее отношение к идее славянства, весьма важным оказывается влияние философии И. Г. Гердера. Философия Гердера выражалась в попытках решить вопросы о развитии характерных атрибутов человечества (искусства, разума и языка) в историческом процессе [см.: Гердер 1977: 615]. По мнению Гердера, история представляет собой непрерывную цепь, где все древние и современные народы играли незаменимую роль. В своей главной работе «Идеи к философии истории человечества» Гердер рассматривает разные культуры в истории и современности. Посвящая одну из глав славянским народам, он выявляет в ней отличия славян от германских и других народов. Гердеровская типология народов имела лингвистическую основу и поэтому, согласно ей, славянство считалось единой нацией.

«Славянские народы занимают на земле больше места, чем в истории, и одна из причин этого — что жили они дальше от римлян» [Гердер 1977: 470]. Гердер начинает главу о славянах этими словами, оспаривая общую в современной ему историографии тенденцию, которая главным образом сосредотачивалась на истории Древнего Рима и боровшихся с ним народов. Славяне занимают «чудовищное пространство, какое населяет в Европе

одна-единственная нация, по большей части еще в наши дни» [Гердер 1977: 470]. Эта «славянская нация» никогда не играла главную роль в истории, потому что славяне «никогда не были народом воинственным, искателями приключений, как немцы» [Гердер 1977: 470]. Наоборот:

Повсюду славяне оседали на землях, оставленных другими народами, — торговцы, земледельцы, и пастухи, они обрабатывали землю и пользовались ею; тем самым после всех опустошений, что предшествовали их поселению, после всех походов и нашествий, их спокойное, бесшумное существование было благодатным для земель, на которых они селились [Гердер 1977: 470].

Согласно своему духу, славяне вели

веселую, музыкальную жизнь. Они были милосердны, гостеприимны до расточительства, любили сельскую свободу, но были послушны и покорны, враги разбоя и грабежей. Все это не помогло им защититься от порабощения, а, напротив, способствовало их порабощению [Гердер 1977: 470—471].

Вопреки этой слабости, особенно в сравнении с немецкими и азиатскими народами, Гердер предвещает будущую судьбу славян:

Несчастье славян — в том, что по положению среди народов земли они оказались, с одной стороны, в такой близости к немцам, а с другой стороны, тылы их были открыты для набегов восточных татар, от которых, даже от монголов, они много пострадали, много натерпелись. Но колесо все переменяющего времени вращается неудержимо, и поскольку славянские нации по большей части населяют самые прекрасные земли Европы, то, когда все эти земли будут возделаны, а иногo представить себе нельзя, потому что законодательство и политика Европы со временем будут все больше поддерживать спокойное трудолюбие и мирные отношения между народами и даже не смогут поступать иначе, то и славянские народы, столь глубоко павшие, некогда столь трудолюбивые и счастливые, пробудятся, наконец, от своего долгого тяжелого сна, сбросят с себя цепи рабства, станут возделывать принадлежащие им прекрасные области земли — от Адриатического моря до Карпат и от Дона до Мульды — и отпразднуют на них свои древние торжества спокойного трудолюбия и торговли [Гердер 1977: 471].

Между прочим, из слов Погодина выделяется общий с Шафариком гердеровский взгляд на историю:

Ни одного имени, ни одного лица не упомянул Шафарик; только племена, народы занимали его. Он не устаивал почти вниманием ежедневных происшествий, а говорил о вековых последствиях. Я внимал великому мужу не смея дохнуть, опасаясь поранить одно слово, смотрел на него с благоговением [Погодин 1844: 113].

«Дорожный дневник» Погодина — свидетельство того, что представления ученого о славянстве до Крымской войны сформировались главным образом во время его первых путешествий по австрийским и венгерским городам, где доминировало славянское население. Влияние, оказанное Шафариком и другими деятелями славянского Возрождения, подогревало в Погодине интерес к славянству. Уже в этот период славянская идея Погодина нашла отражение в одном из первых номеров «Москвитяина»:

Но нам, нам стыдно заботиться о познании народов чуждых, и пренебрегать своими, единоплеменными, в которых течет одна кровь с нашею, которые говорят одним языком и исповедуют отчасти одну веру. Москвитянин почитает своей миссией распространять в России сведения о племенах Славянских, которые составляют треть всего Европейского народонаселения (80 млн из 240) [Москвитянин 1841: 460].

В «Москвитяине» публиковались материалы, касающиеся славянских языков, истории и культуры славян, их условий жизни за пределами Российской Империи. Между прочим, одним из источников для журнала стал перевод писем Шафарика, который, сам того не осознавая, стал корреспондентом из славянских земель. Кроме личных событий, Шафарик сообщает Погодину самые главные литературные, научные, и политические новости, касавшиеся главным образом славян в Австрийской империи. Через письма Шафарика можно понять суть славянского Возрождения и то, с каким восторгом воспринималось его воплощение. Изучение этой переписки позволяет выделить три ее главные особенности.

Первая заключается в том, что во всех своих письмах Шафарик рассказывает о главных новостях в области славистических научных исследований и литературных произведений. Славянские ученые и писатели таким образом становятся «создателями» новой культурной реальности. В этой новой реальности вырисовывается новое географическое пространство: города, которые до сих пор были провинцией Империи (Прага, Загреб, Пресбург) становятся новыми славянскими столицами. Итак, в Загребе Л. Гай «объявил о своем “немецко-иллирийском” словаре», пока в Венгрии «Гамульяк объявил подписку на собрание сочинении (в 4-х томах) Иоганна Голяго. Штур многое приготавливает в Пресбург, и во-первых продолжение прекрасного журнала Татранки». Одновременно, «в Праге, вышли: грамматика вендско-сорабского языка в верхней Лузании <...>. Ганка трудится над своим карманным Чешским словарем, который будет напечатан в Лейпциге. <...> В Лайбах печатаются словенские песни <...>» [Москвитянин 1841а: 489—490].

Вторая особенность — это осознание трудности дела. В первых своих письмах Шафарик выражает оптимизм по поводу чешской художественной литературы. Однако с 1844 г. он начинает высказывать недовольство литературной жизнью славян вообще. Даже если он часто останавливается на частных народных литературах, он рассматривает их как явления общеславянской литературы:

3-го марта. Литературная жизнь, т. е. Славянская, которая нам ближе к сердцу, находится в каком-то застое, разделении (Zerrissenheit), и подвигаясь отчасти вперед, ступает отчасти назад. Причины тому — общие и частные; первые заключаются в духе времени, который стремится почти только к вещественным выгодам и удовольствиям; вторые в особливом положении здешних разделенных и различным образом противопоставленных между собою Славянских племен [Москвитянин 1844: 392].

И еще:

О ходе наших трудов, нашей литературы, не могу я сказать вам ничего удовлетворительно. Время, кажется, неблагоприятно работам этого рода.

Может быть вновь определенные профессора успеют в чем-нибудь со временем: искренно того желаю, но на то нужно время, ибо искусства и науки могут люди легко, очень легко, и в короткое время, убить до смерти, но пробудить их может только Бог, и созреть, вырасти, могут они только медленно в продолжительном течении времени. По тому я и не надеюсь, чтоб мои глаза увидели из того много, хотя я не отчаиваюсь, ибо *prudens futuri temporis exitum caliginosa nocte premit Deus ridetque si mortalis ultra trepidat*² [Москвитянин 1850: 38].

И наконец, письма характеризуют также энтузиазм и надежда на будущее. Поскольку славянская литература — это та, которая им «ближе к сердцу», Шафарик радуется всем хорошим новостям русской литературы и науки:

Я получил присланные из Москвы книги. Радуюсь успехам Русской литературы: многие сочинения для меня настоящее сокровище, и принесли бы великую пользу, если бы я имел время и силу изучить их. Самые известия, заключающиеся в вашем письме, излили животворную росу на мою душу. Вот это так, и надо сказать, что пора! [Москвитянин 1844: 392].

Энтузиазм читается и в письмах Шафарика, и в комментариях Погодина, который иногда оправдывается перед читателями за упреки своего друга. Даже если Погодин и Шафарик во многом разные и мнения их расходятся, их объединяет энтузиазм ко всему славянскому. Шафарик пишет:

Статья о книгах истинных и ложных и суевериях (у Калайдовича и Розенкампа) давно уже заслуживала бы основательного комментария. Проклятый журналлизм поглощает у вас всякое истинное исследование и знание <...> [Москвитянин 1843: 550].

И в конце письма Погодин добавляет свое примечание, в котором обращается к читателям:

Сообщая соотечественникам к сведению драгоценные указания, и приглашая их обратить внимания на всякие Сборники, <...> я кстати извещу здесь о многих важных открытиях, кои посчастливилось сделать и у нас [Москвитянин 1843: 551].

² Цитата из Горация: «Благоразумный Бог погружает будущие времена в ночную темноту и насмехается над человеком, который сильно тревожится» (перевод наш — С. М.).

Итак, как представители романтического поколения, Шафарик и Погодин разделяли мировоззрение, происходившее от философии Гердера и от его идеи о народе и нации, и поэтому их объединял одинаковый энтузиазм по отношению к славянскому Возрождению. Как ученый, создатель важнейших филологических и исторических трудов о славянах, Шафарик оказал сильное влияние на Погодина и его единомышленников, даже если его представления о будущем славян и сущности славянского единства отличались от идей Погодина. Несмотря на это, авторитетность Шафарика среди русских ученых была неоспоримой. С издательской помощью Погодина в 1840-х гг., Шафарик оказал значительнейшее влияние на русские представления о славянстве и на формирование идей будущего русского панславизма.

СОКРАЩЕНИЯ

Барсуков 1888—1910 — *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888—1910.

Белинский 1953 — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13-ти тт. М., 1953. Т. 1.

Гердер 1977 — *Гердер И. Г.* Идеи к философии истории человечества. М., 1977.

Жукова 2007 — *Жукова Е. П.* Гердер и философско-культурологическая мысль в России. М., 2007.

Лаптева 2007 — *Лаптева Л. П.* А. С. Хомяков и его связи с чешскими учеными // А. С. Хомяков — мыслитель, поэт, публицист. М., 2007. С. 106—113. Т. 1.

Манн 1998 — *Манн Ю. В.* Русская философская эстетика. М., 1998.

Москвитянин 1841 — Москвитянин. 1841. № 2.

Москвитянин 1841a — Москвитянин. 1841. № 8.

Москвитянин 1843 — Москвитянин. 1843. № 6.

Москвитянин 1844 — Москвитянин. 1844. № 6.

Москвитянин 1850 — Москвитянин. 1850. № 23.

Пыпин 1913 — *Пытин А. Н.* Панславизм в прошлом и настоящем (1878). СПб., 1913.

Погодин 1844 — *Погодин М. П.* Год в чужих краях (1839): дорожный дневник (в 4-х тт). М., 1844. Т. I.

Kollár 2008 — *Kollár J.* Reciprocity between the Various Tribes and Dialects of the Slavic Nation. Bloomington (Indiana). 2008.

Robert 1846 — *Robert C.* Les deux Panславismes: situation actuelle des peuples slaves vis-à-vis de la Russie // *Revue des deux mondes.* Novembre, 1846.

Информация об авторе: Сара Маццони, аспирантка, Римский Университет «Ла Сапиенца»; Рим, Италия; e-mail: sara.mazzoni@uniroma1.it.

About the author: Sara Mazzoni, PhD Student, «La Sapienza» University of Rome; Rome, Italy; e-mail: sara.mazzoni@uniroma1.it.

Екатерина Вожик (Санкт-Петербург)

**«Псевдореализм» и «дагерротипизм»:
к вопросу о языке литературной критики
рубежа 1840—1850-х гг.**

Ekaterina Vozhik (Saint Petersburg)

**“Pseudorealism” and “daguerreotypism”:
the Question of the Literary Criticism
Language of the 1840—1850s**

Резюме. В статье рассматривается полемика о «псевдореализме», развернувшаяся между журналами «Современник» и «Отечественные записки» в конце 1840-х гг. Анализ речевых оборотов, которые используют литераторы, участвовавшие в дискуссии (П. В. Анненков, А. В. Дружинин и др.), показывает, насколько ограничен набор полемических ходов в критике и насколько проницаемы границы между эстетическими понятиями, не имеющими между собой, на первый взгляд, ничего общего. Таковы понятия «псевдореализм» и «дагерротипизм», связь между которыми обосновывается в статье с привлечением критических высказываний современников о дагерротипии и «дагерротипизме» в литературе.

Ключевые слова. «Отечественные записки», «Современник», история русской литературы, реализм, «псевдореализм», литературная критика, «дагерротипизм».

Abstract. The article discusses the controversy about the “pseudorealism” that raged between the magazines “Sovremennik” and “Otechestvennyye zapiski” at the end of the 1840s. Analysis of figures of speech that are used by the critics participating in the discussion (P. V. Annenkov, A. V. Druzhinin, etc.) shows how limited a set of polemical moves in the criticism was and how movable the boundaries between the aesthetic concepts having, at first glance, nothing in common. These are the concepts of “pseudorealism” and

“daguerreotypism”, the relationship between which is justified in the article involving the critical statements of contemporaries about daguerreotype and “daguerreotypism” in literature.

Keywords. Otechestvennye zapiski, Sovremennik, history of Russian literature, realism, pseudorealism, literary criticism, “daguerreotypism”.

В этой статье на примере полемики о «псевдореализме», развернувшейся между журналами «Современник» и «Отечественные записки» в конце 1840-х гг., мы постараемся показать, насколько проницаемы границы между понятиями, которые используют литературные критики, участвовавшие в этой дискуссии. Несмотря на то что период споров о «псевдореализме» в литературе был недолгим и занял не более пяти лет (впервые это понятие появляется в статье главного участника полемики П. В. Анненкова «Заметки о русской литературе 1848 года», а уже в 1854 г. он пишет об упадке «псевдореального» направления [см.: Анненков 2000: 89]), за это время критиками был сделан ряд важных заявлений по вопросу об отношении искусства к действительности.

Философские и литературные установки обеих журнальных партий были описаны такими исследователями, как Ю. В. Манн [см.: Манн 1969: 292—294], О. А. Богданова [см.: Богданова 1997: 32—36] и А. В. Вдовин [см.: Вдовин 2011: 82—89]. Характеризуя идейную составляющую спора, они не рассматривают словесное выражение рассуждений о «псевдореализме». Нам же представляется важным проанализировать речевые обороты, к которым прибегают спорящие критики, и в конечном счете выявить, как «псевдореализм» соотносится с понятием «дагерротипизм», появившимся в критической литературе в 1840 г. (в связи с изобретением дагерротипа).

Вкратце охарактеризуем содержание полемики о «псевдореализме».

В 1849 г. анонимный обозреватель журнала «Москвитянин» (№ 2) пишет следующее:

Именно Дружинин, наряду с Анненковым, который разделил с ним место главного критика «Современника», освободившееся после смерти Белинского, и начали спор, обвинив группу молодых писателей «Отечественных записок» — Ф. М. и М. М. Достоевских, Я. П. Буткова и проч. — в том, что их произведения не имеют отношения к истинному реализму, иными словами, могут быть названы «псевдореальными».

Под «псевдореализмом» («сентиментальным натурализмом») обычно понимается сентиментально-фантастическое направление в литературе, представители которого, опираясь на доктрину сенсуализма, выдвинутую Л. Фейербахом, стремились изображать объект изнутри, а не извне, не глазами рационального наблюдателя, производящего тщательный отбор материала, к чему призывали Белинский и считавший себя его прямым последователем Анненков [см.: Вдовин 2011: 82—89; Виноградов 2003: 99—105].

Как пишет Вдовин, для центрального участника полемики Анненкова, как и для Белинского (на протяжении всей его критической практики [см.: Шпет 2009: 174—175]), по Г. В. Ф. Гегелю, прекрасное в искусстве — художественное — противопоставлено прекрасному в природе, которую художник должен «окультурить», творчески переработать в своем сознании. Простое списывание с натуры, то есть изображение фантастического, больного, причудливого — а значит, исключительного, нетипического, не восходящего к обобщенному идеалу — недостаточно. Именно поэтому Анненкову так не нравилось сумасшествие героев Ф. Достоевского [см.: Анненков 2000: 44—45].

Заявления аналогичного содержания делает и Дружинин. Однако на страницах фельетона «Письма Иногородного Подписчика о русской журналистике» он не оперирует понятием «псевдореализм», хотя упоминает о том, что современные ему литераторы склонны к «тесному гулянию по микроскопическим уголкам общества», к «выворачиванию своей души наизнанку», и называет подобную манеру следствием «ложно понятой художественности» [Дружинин 1865: 108], в сущности, дублируя мысли Анненкова по тому же вопросу.

Дагерротипная манера письма могла также описываться критиками как фокусировка на одной внешней стороне предметов, без проникновения внутрь явления, к его сути. Одним из наиболее важных источников, к которым необходимо обратиться при доказательстве этого тезиса, является статья А. Д. Галахова «“Бедная невеста”, комедия А. Островского» (1852), где представлено развернутое рассуждение о том, почему талант А. Н. Островского может быть назван «дагерротипным, копирующим». Герои пьесы, по мнению критика, ведут себя как в жизни и изъясняются обыденным языком повседневности, что является «плодом прилежной наблюдательности и кропотливого записывания» [Галахов 2015: 249], однако это затрудняет восприятие внутренней сущности того или иного персонажа или сценического события.

К рассуждениям подобного рода прибегает и Анненков, говоря о «псевдореализме». Так, в следующей после длительного перерыва программной статье «Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 году», посвященной разбору произведений Д. В. Григоровича, А. А. Потехина, А. Ф. Писемского и М. В. Авдеева, он дает следующую характеристику сельской идиллии (рассказам из жизни простонародья) — направлению словесности, которое критик называет господствующим в современной ему литературе:

Идеализация, правильно понятая и художественно выполненная, совпадает таким образом с реализмом, потому что тайный смысл, скрытое значение вещей и составляют сущность их; но она ничего не имеет общего с псевдореализмом, который занимается одной внешней стороной предметов и минует все, что только не подпадает прямо глазу [Анненков 2000: 89].

Расцвет жанра идиллии Анненков связывает с «недومением, в котором очутились писатели после явной несостоятельности предшествующего направления», т. е. направления «псевдореального», которое, по словам Анненкова, переживает в последние четыре года (1850—1853) упадок [см.: Анненков 2000: 88]. В этой статье критик призывает отличать «правильно

поняту» идеализацию от современной идиллии, которая часто граничит с выдумкой, фантазией, являющейся следствием непонимания того, как устроена реальная действительность.

В том же 1854 г. пишет об идеализации критик «Отечественных записок» С. С. Дудышкин, который понимал художественность иначе, чем Майков:

Идеальный! У нас это слово получило совершенно превратный смысл в последнее время. Сказать о чем-нибудь «идеальный» значит то же, что сказать несбыточный. В этом виновато направление литературы, дагерротипически верное мелким случаям жизни, без всякой мысли [Дудышкин 2015: 401].

Дудышкин необязательно имеет в виду произведения «псевдореальные», скорее он рассуждает о поздней «натуральной школе» в целом (подразумевая и авторов «Современника»); в ее традициях, по его мнению, создаются произведения, оспаривающие мысль о том, что рассказы на бытовые темы могут содержать идеализацию. Для нас важнее то, что Дудышкин так же, как и Анненков, противопоставляет друг другу идеализацию и описывание внешнего, случайного, при этом обращаясь к сравнению с дагерротипом.

Чтобы соотнесенность понятий «псевдореализм» и «дагерротипизм» стала очевиднее, приведем еще одну более позднюю цитату из статьи Анненкова, посвященной роману Писемского «Тысяча душ» (1859); здесь критик прямо связывает «страсть к подробностям» [Анненков 2000: 41] с принципом работы дагерротипного аппарата:

А в описаниях сколько страниц, не оставляющих воображению почти никакого дела, так с первого разу рисуют они предметы во всей их неотъемлемой целостности, и притом не с помощью дагерротипного перечисления и свода подробностей, а с помощью двух-трех крупных черт, схваченных, так сказать, налету [Анненков 2000: 182].

Таким образом, суть упреков Анненкова сентиментально-фантастическому направлению сводилась, в частности, к тради-

Эдельсон отмечает при этом, что время расцвета «школы дагерротипности» прошло: «<...> в последнее время “Отечественные записки” уже почти не помещают таких произведений, как рассказы г-на Буткова и друг. <...> [изобилующие] описанием различных петербургских гарниров, грязных трактиров, добывания рублей и т. д.» [Эдельсон 1852: 14]. Это означает, что молодая партия «Отечественных записок», представляющая сентиментально-фантастическое направление в литературе, в сознании некоторых участников литературного сообщества несла ответственность и за появление «дагерротипной» манеры письма.

Однако сами писатели-«псевдореалисты» и их защитник теоретик Майков неоднократно резко выступали против «дагерротипизма» в литературе и отказывались себя с ним ассоциировать. Так, в статье «Стихотворения Кольцова» («Русский вестник», 1856, № 22) Майков пишет:

Для кописта существуют одни бездушные формы жизни; между им и предметом, который он дагерротипирует, нет той тесной, органической связи, которая не позволяла бы ему оставаться к нему равнодушным и не побуждала бы его к изображениям, исполненным любви и негодования. Потому-то и черты, которыми думает он обрисовать какую-нибудь действительность, никак не сливаются в организм, в целое, от которого нечего было бы отнять и к которому ничего не хотелось бы прибавить <...> [Майков 1985: 107—108].

Несмотря на то что само слово «дагерротипизм» Майков здесь не использует, он, в сущности, описывает именно это явление.

«Псевдореалист» Плещеев призывает современных ему писателей не довольствоваться «дагерротипизмом», а заглядывать «во внутренний мир своих героев», исследуя анатомию и психологию человеческой души [см.: Плещеев 1847а], в результате чего должен быть установлен точный диагноз болезни, которая является следствием тлетворного воздействия обстоятельств.

Итак, набор полемических ходов, к которым прибегают спорящие о «дагерротипизме» и «псевдореализме» критики, довольно ограничен. На наш взгляд, это связано с тем, что в 1840—1850-е гг.

базовыми в эстетике остаются оппозиции: «идеальное» — «действительное», «типическое» — «нетипическое», «субстанциональное» — «случайное», характерные для категориального аппарата романтической эстетики [см., напр.: Чижевский 2007: 72—77].

Ограниченность понятийного аппарата не всегда позволяет выявлять и анализировать специфические авторские установки, даже если критики выступают в их защиту (как в случае Майкова). В силу этого возможно размывание границ между понятиями, обозначающими явления, которые не имеют между собой, на первый взгляд, ничего общего. Именно это произошло с понятиями «псевдореализм» и «дагерротипизм», причиной смешения которых, по нашему мнению, является также то, что оба они выступают в критике в качестве «ругательства», отрицательной характеристики того или иного явления.

СОКРАЩЕНИЯ

Анненков 2000 — Анненков П. В. Критические очерки. СПб., 2000.

Белинский 1982 — Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 тт. М., 1982. Т. 8.

Богданова 1997 — Богданова О. А. Философские и эстетические основы «натуральной школы» // «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма. М., 1997. С. 9—37.

Бутков 1967 — Бутков Я. П. Повести и рассказы. М., 1967.

Вдовин 2011 — Вдовин А. В. Концепт «глава литературы» в русской критике 1830—1860-х годов. Tartu, 2011.

Виноградов 2003 — Виноградов В. В. Избранные труды. Язык и стиль русских писателей: От Гоголя до Ахматовой. М., 2003.

Вожик 2018 — Вожик Е. И. Из истории понятия «дагерротипизм» в русской критике 1840-х гг. // Материалы XX Открытой конференции студентов-филологов: Научное электронное издание. СПб., 2018. С. 112—116 (URL: <http://sfk.spbu.ru/sites/default/files/sfk-2017.pdf>, дата обращения: 01.10.2018).

Галахов 2015 — Галахов А. Д. «Бедная невеста», комедия А. Островского // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб., 2015. С. 242—251.

Григорьев 1967 — Григорьев А. А. Литературная критика. М., 1967.

Григорьев 2015 — Григорьев А. А. Русская литература в 1851 году. Статья вторая // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб., 2015. С. 181—210.

Достоевский 1979 — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 тт. Л., 1979. Т. 19.

Дружинин 1865 — Дружинин А. В. Собр. соч.: В 8 тт. СПб., 1865. Т. 6.

Дудышкин 2015 — Дудышкин С. С. Журналистика // «Современник» против «Москвитянина». Литературно-критическая полемика первой половины 1850-х годов. СПб., 2015. С. 399—408.

Журнальные заметки 1849 — <Без подписи>. Журнальные заметки // Москвитянин. 1849. № 2. Отд. VI. С. 55—60.

Майков 1985 — Майков В. Н. Литературная критика. Л., 1985.

Манн 1969 — Манн Ю. В. Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969. С. 241—306.

Открытие Дагера 1840 — <Без подписи>. Открытие Дагера // Художественная газета. 1840. 15 янв. (№ 2).

Плещеев 1847а — <Плещеев А. Н.> Фельетон. Петербургская хроника // Русский инвалид. 1847. 15 янв. (№ 10).

Плещеев 1847б — <Плещеев А. Н.> Фельетон. Петербургская хроника // Русский инвалид. 1847. 15 авг. (№ 181).

Чернышевский 1949 — Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 тт. М., 1949. Т. 2.

Чижевский 2007 — Чижевский Д. И. Гегель в России. СПб., 2007.

Шпет 2009 — Шпет Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. М., 2009.

Екатерина Вожик (Санкт-Петербург)

Эдельсон 1852 — <Эдельсон Е. Н.> Журналистика // Москвитянин. 1852. № 21. Отд. V.

Информация об авторе: Екатерина Игоревна Вожик, студент I курса магистратуры, Санкт-Петербургский государственный университет; Санкт-Петербург, Россия; e-mail: e.vozhik@yandex.ru

About the author: Ekaterina I. Vozhik, student, Saint-Petersburg State University; Saint-Petersburg, Russia; e-mail: e.vozhik@yandex.ru

Елизавета Чумаченко (Москва)

**Популяризатор науки М. С. Хотинский
в «Современнике» (опыт реального
комментария к «чернокнижным»
текстам А. В. Дружинина)¹**

Elizaveta Chumachenko (Moscow)

**Popularizer of Science Matvey Khotinsky
in Sovremennik (the Experience of a Real
Commentary on Aleksander Druzhinin's
“chernoknizhny” Texts)**

Резюме. В статье рассматриваются причины, по которым А. В. Дружинин во фрагменте «Нечто о Чернокнижии» сравнивает популяризатора науки М. С. Хотинского с реальными лицами и литературными персонажами, связанными с магией и чародейством (Фаустом, Альбумазаром, К. Эккартсгаузенем). Хотинский с 1848 г. входит в круг журнала «Современник», затем становится и персонажем «чернокнижных» текстов этого круга. Дружинина и Хотинского сближают схожие черты биографии персонажей, чьими прототипами были Хотинский (персонаж Плеткин-Веретенников) и Дружинин (персонаж Чернокнижников). Чернокнижников и Веретенников хотят стать чародеями и иметь репутацию мага. Хотинский был популяризатором науки, занимался астрономией и историей химии, физики, географии, делал обзоры литературы о чародействе, магии, волшебстве. Целью Хотинского было разоблачить суеверия. Однако его тексты, описывающие суеверия, были настолько увлекательными, что, наоборот, могли спровоцировать интерес читателей к магическим «штудиям».

¹ Автор признателен Г. В. Зыковой и М. В. Трунину за замечания, которые помогли значительно улучшить настоящую работу.

Ключевые слова. М. С. Хотинский, А. В. Дружинин, «чернокнижие», популяризация науки, «Современник».

Abstract. The article explores the reasons why A. V. Druzhinin compares in the fragment “Something about Chernoknizhiye” the popularizer of science M. S. Khotinsky with real people and with literary characters involved in magic and sorcery (Faust, Albumazar, K. Ekkartshausen). Khotinsky is a staff writer at *Sovremennik* since 1848, who later appears in the *Chernoknizhny* (including uncensored) works of the *Sovremenniks’* circle as a character. Chernoknizhnikov (whose prototype was Druzhinin) and Pletkin-Veretennikov (whose prototype was Khotinsky) have similar biographies (attempts to master magical practices and to create a reputation of a person with unusual abilities). Khotinsky was a popularizer of science and pursued astronomy and the history of science (chemistry, physics, geography), wrote reviews on literature about magic and sorcery. The purpose of Khotinsky was to explode superstition. However, his texts about superstitions were so fascinating that, on the contrary, they could provoke readers' interest in the magical “studies”.

Keywords. M. S. Khotinsky, A. V. Druzhinin, popularization of science, “chernoknizhiye”, *Sovremennik*.

В фонде А. В. Дружинина в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранится отрывок «Нечто о Чернокнижии», который напрямую связан с романом-фельетоном Дружинина «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижникова по петербургским дачам» (1850) и другими «чернокнижными» текстами. «Нечто о Чернокнижии» представляет собой рассуждение Дружинина о некоем (скорее всего, вымышленном) письме поклонницы, пытавшейся разобраться в значении слова «чернокнижие» и понять, кем является главный герой (и рассказчик) фельетонов — Иван Александрович Чернокнижников:

1856) Дружинина и неопубликованных произведениях (коллективном романе Дружинина, Н. А. Некрасова, И. И. Панаева, М. Н. Лонгинова³ «Необыкновенные приключения, знакомства и странствования друзей Ивана Чернокнижникова» и в романе Дружинина «Станный роман, или Приключения, знакомства, радости, бедствия, странствования друзей Ивана Чернокнижникова» [см.: Алдонова 2005: 282]). Хотинскому также посвящена несохранившаяся поэма тогда близкого «Современнику» знаменитого своими непристойными «чернокнижными» текстами Лонгинова «Матвей Хотинский» (1853).

Плеткин с магией не ассоциируется⁴. Однако хвостун Веретенников из «Заметок петербургского туриста» (в которого «превратился» Плеткин) пишет, что после того, как девушка «из дикого людоедского племени» [Дружинин 1867: 391], в которую он был влюблен, решила его убить и «из тела <...> приготовить ужасный пир для всего своего племени» [Дружинин 1867: 391], он, разочаровавшись в женщинах, отдал все состояние своему спасителю и, «не зная, что делать с собою, <...> уехал в Лондон, а там предался изучению черной магии, вертящихся столов и атмосферического мистицизма» [Дружинин 1867: 393]. У Чернокнижникова, чьим прототипом был Дружинин, и Плеткина-Веретенникова, чьим прототипом выступил Хотинский, есть схожие черты биографии (попытки освоить магические практики и создать себе репутацию человека с необычными способностями). Ответ на вопрос, почему персонаж Чернокнижников сравнивается с членом «Современника» Хотинским, стоит искать в направлении, которое подсказывает упоминаемая Дружининым астрономия в процитированном фрагменте.

Анализ содержания журнала показывает, что среди множества тем, освещаемых «Современником» начала 1850-х гг.,

³ О составе авторов см.: [Алдонова 2005: 268].

⁴ Плеткина называют «волшебником» разбойники, с которыми он расправился с помощью палки, ножа и топора [см.: РГАЛИ. Ф. 167. Оп. 4. Ед. хр. 2: 4 об.]. В «Сентиментальном путешествии» Плеткин назван Андреем Петровичем, потом другой герой называет Плеткина Матвеем Петровичем. Сам Плеткин себя тоже называет Матвеем.

есть та, которую условно можно назвать темой мистического. В целом направленность журнала не предполагала такой тематики, однако иногда речь о мистике все же заходила. Дело в том, что популяризатор наук⁵ Хотинский был вынужден погрузиться в обзор литературы о чародействе, магии и волшебстве. Хотинский следил за новейшими научными открытиями, занимался историей химии, физики, астрономии, географии, рецензировал новые книги, посвященные различным областям знания (уделял внимание как академическим научным трудам, так и сочинениям популяризаторского характера)⁶, а также писал о связанных (или ассоциировавшихся) с этими областями знания текстах, в том числе посвященных чародейству.

Хотинский вводит в «Современник» тему чародейства. Шесть статей Хотинского «Волшебство и натуральная магия», посвящен-

⁵ См., например, рецензию журнала «Отечественные записки» на книгу Хотинского: «Автор, М. Хотинский, вполне достиг своей цели: книга его, при самой строгой оценке, имеет полное право на название хорошего популярного руководства. Астрономические вопросы изложены в ней просто, понятно для каждого, получившего образование в среднем учебном заведении, и, что важнее, в их современном развитии» [Природа 1849: 57]. См. также труды Хотинского: Хотинский М. С. Астрономия для всех образованных читателей, изложенная М. Хотинским, членом многих ученых обществ: Т. 1—4. СПб., 1849—1850; Хотинский М. С. Волшебство и натуральная магия. Из приготовляемой к печати истории чародейства и тайных наук. Статья первая // Современник. 1850. № 2. Отд. IV. С. 85—112; Статья вторая // Современник. 1850. № 4. Отд. II. С. 115—144; Статья третья // Современник. 1850. № 9. Отд. II. С. 1—36; Статья четвертая // Современник. 1851. № 6. Отд. II. С. 43—78; Статья пятая // Современник. 1851. № 11. Отд. II. С. 45—68; Статья шестая и последняя // Современник. 1851. № 12. Отд. II. С. 107—132; Хотинский М. С. Чародейство и таинственные явления в новейшее время. СПб., 1866.

⁶ См., например: [Хотинский 1848; Хотинский 1848а]. Эти статьи репрезентативны: Хотинский не только обзоревал научную литературу, но и считал очень значимой популяризацию науки. В первой рецензии («Гершель Дж. Результаты астрономических наблюдений, сделанных на Мысе Доброй Надежды, в течении 1834, 1835, 1836, 1837 и 1838 годов, составляющие дополнение телескопического обозрения всего пространства видимого неба, начатого в 1825 году. Сэра Джона Гершеля, баронета и проч. Лондон, 1847») Хотинский пишет о вышедшем новом научном труде. Во второй рецензии («Популярные чтения об ученых предметах П. В. Бесселя, изданные после его смерти Шумахером. Гамбург, 1848») Хотинский излагает содержание научно-популярной книги.

ных готовящейся к выходу в печать «Истории чародейства и тайных наук», изобиловали описаниями легенд, поверий, красочно изложенных историй о чародействе, гонениях на колдунов и ведьм, о судах над ними, пытках и казнях. Статьи выходили в «Современнике» с февраля 1850 г. по декабрь 1851 г. Из них мы узнаем, что Хотинский был обеспокоен устойчивостью верований, суеверий и т. п.:

Из наших современников мы бы могли назвать — отличного ученого, занимающегося отыскиванием философского камня, — известного математика, верящего в кабалу и чародейство, и, наконец, уважаемого астронома, который с сожалением смотрит на рождение детей, будучи внутренне уверен, что через пятьсот лет роду человеческому не будет места на земле, и он вымрет от голоду!! После этого должно ли удивляться, что архангельские мужички, промышленяющие на Шпицбергене (Грумманте), верят в Грумантского пса и уверяют, что им самим случалось видеть цингу в образе старухи, разъезжающей на карабасе с красивыми сестрами [Хотинский 1850: 86—87].

Поскольку задачей Хотинского было не только просветить своего читателя, но и избавить его от предрассудков и суеверий, разоблачить веру в магию, его тексты сопровождалась не только справками, вводящими читателя в курс новейших открытий, но и пассажами, призванными показать нелепость веры в магию (астрономия была связана с астрологией и магией в сознании обывателя того времени):

История заблуждений человеческого ума представляет едва ли не любопытнейшую часть истории развития наших знаний и просвещения вообще. Всегда и везде, вследствие шаткости человеческого ума, чистые идеи более или менее потемнились заблуждениями и предрассудками. Неизвестные прежде болезни, малообыкновенные происшествия, явления природы, выходящие из обычного хода вещей (кометы, метеоры и т. под.), поражали воображение и, при недостатке положительных сведений, часто объяснялись сверхъестественным образом [Хотинский 1850: 85].

Ученый перечисляет великих людей, подверженных суевериям: «<...> Ньютон <...> занимался странными толкованиями <...>; Руссо боялся числа 13; Наполеон смущался предсказаниями госпожи Ленорман; Хобс (Hobbes) верил в хиромантию <...>» [Хотинский 1850: 86], пишет об употреблении прорицательни-

цами наркотических веществ, о генезисе галлюцинаций («<...> о галлюцинациях мы подробно поговорим ниже, имея под руками разнородные документы, собранные известным психиатром Бриером де Буамоном» [Хотинский 1850: 96]), а также указывает на причины возникновения:

<...> страсти, преимущественно честолюбие и любостяжание, породили чародеев и астрологов. Одни уверяли, что умеют читать судьбу человека в сочетании звезд, образующих созвездия, и в различных положениях светил относительно земли; другие ухищрялись прозревать будущее в произвольных толкованиях сонных грез, полета птиц <...>, в трепете листьев <...> [Хотинский 1850: 86].

Труд Хотинского был призван разоблачить веру в магическое, однако некоторые особенности его текстов (стиль, увлекательность изложения) могли произвести обратный эффект: возбудить интерес читателя к книгам про колдовство. Хотинский считал необходимым писать о науке простым языком, приобщая таким образом все большее число людей к недоступным ранее широкому кругу читателей знаниям; статьи его читались легко, т. к. были интересно написаны. Примером может служить подробное описание нескольких сюжетов из демонологии архипелага Шпицберген⁷: веры архангельских мужиков в «Грумантского пса», «олицетворенную цингу», бытование легенды о «болване без шапки»⁸. Материал был взят автором из статьи <А>. Харитонов «Архангельские промышленники на Груманте» [см.: Харитонов 1849]⁹, в которой тоже достаточно красочно описаны эти легенды. При этом Хотинский немного редактирует текст Харито-

⁷ Шпицберген — территория современной Норвегии, которая в XIX в. не принадлежала конкретному государству.

⁸ Грумантский пес — «злой и гордый дух» [Хотинский 1850: 89], хозяин Шпицбергена, «любитель горячих напитков» [Хотинский 1850: 90], который насылет ветер и ломает снасти у проплывающих мимо Шпицбергена судов с алкоголем, чтобы присвоить его себе. Для удачной охоты охотнику следует задобрить грумантского пса. Болван без шапки — утес, где появляется грумантский пес и где он, по легенде, спрятал невесту принца-чародея, обосновавшегося было на Шпицбергене [см.: Хотинский 1850: 90].

⁹ В словаре псевдонимов И. Ф. Масанова Харитонов не упомянут.

Трунин 2017 — Трунин М. В. Домашняя семантика в фельетонах А. В. Дружинина: Как понять «Чернокнижникова»? // Сборник Матице српске за славистику = Matica Srpska Journal of Slavic Studies. V. 92. Нови сад, 2017. С. 383—411.

Трунин 2010 — Трунин М. В. Литературная репутация М. Н. Лонгинова: 1850-е — 1870-е годы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2010.

Харитонов 1849 — Харитонов <А>. Архангельские промышленники на Груманте (Шпицбергене). Из заметок Шенкурца // Отечественные записки. 1849. № 10. Отд. VIII. С. 282—298.

Хотинский 1850 — <Хотинский М. С.> Волшебство и натуральная магия. Из приготовляемой к печати истории чародейства и тайных наук. Статья первая // Современник. 1850. № 2. Отд. II. С. 85—112.

Хотинский 1848 — Хотинский М. С. Новейшая астрономическая литература. Статья первая // Современник. 1848. № 5. Отд. III. С. 1—12.

Хотинский 1848а — Хотинский М. С. Новейшая астрономическая литература. Статья вторая и последняя // Современник. 1848. № 6. Отд. III. С. 13—26.

Чумаченко 2017 — Чумаченко Е. И. О возможном источнике фамилии Чернокнижникова // Русская филология. Сборник научных работ молодых филологов. Т. 28. Тарту, 2017. С. 43—51.

ЭС 1904 — Энциклопедический словарь: В 86 тт. / Под ред. профессора И. Е. Андреевского, К. К. Арсеньева и заслуженного профессора Ф. Ф. Петрушевского; издатели: Ф. А. Брокгауз (Лейпциг), И. А. Ефрон (С.-Петербург). Т. 40. СПб., 1904.

Информация об авторе: Елизавета Игоревна Чумаченко, аспирант 3 года обучения, МГУ имени М. В. Ломоносова; Москва, Россия; e-mail: chumachenkoelizaveta@yandex.ru.

About the author: Elizaveta I. Chumachenko, postgraduate student, Moscow State University; Moscow, Russia; e-mail: chumachenkoelizaveta@yandex.ru.

Алексей Козлов (Тарту)

**«Имею причины бояться, что мои беллетристические работы ему не нравятся»:
письма Н. Д. Ахшарумова к А. Н. Пыпину
и М. М. Стасюлевичу**

Alexey Kozlov (Tartu)

**“I have Reasons to Fear that he does not Like
my Fictions”: Letters from Akhsharumov
to Pypin and Stasyulevich**

Резюме. В статье рассматривается кратковременный эпизод из истории формирования литературной репутации критика и писателя Н. Д. Ахшарумова в 1880-е гг. Оказавшись в затруднительном материальном положении и взяв ссуду Городского кредитного общества, Ахшарумов столкнулся с необходимостью интенсивной литературной работы. Вместо привычной «Нивы», где он обладал должным для беллетриста тонкого иллюстрированного еженедельника символическим капиталом, Ахшарумов обращается к редакции «Вестника Европы». Переговоры Ахшарумова и Пыпина, после многочисленных остановок, завершаются публикацией в журнале повести «Всесловная семья». Особенно примечательными в этой истории становится не стиль или поэтика заведомо вторичного и неудовлетворительного в литературном отношении текста (ориентированного на читателя «Нивы», а не «Вестника Европы»), а письма Ахшарумова в редакцию. Униженное положение беллетриста-просителя, маленького человека литературного мира явным образом контрастирует с более ранними письмами того же адресанта П. В. Быкову или А. С. Суворину. В статье восстановлена хронология, сопровождающая публикацию произведения в журнале. В приложении приведены письма Ахшарумова, адресованные А. Н. Пыпину и М. М. Стасюлевичу. Письма приводятся в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации.

Ключевые слова. Ахшарумов, вторичность и альтернативность, Стасюлевич, Вестник Европы.

Abstract. The article deals with a brief episode from the history of the formation of the literary reputation of the critic and writer N. D. Akhsharumov in the 1880s. Once in a difficult financial situation and to get a loan from the Municipal Credit Society, Akhsharumov started intensive literary work. He did not send his story “The All-Class Family” to *Niva*, where he usually published his works, but he chose the journal *Vestnik Evropy*. The story itself was secondary and did not have serious stylistic merits. Most likely, it was written for the reader of *Niva*, a consumer of mass literature and fiction. However, Akhsharumov’s letters to the editors deserve special attention. Modest position of supplicant, a little man in the literary world, clearly contrasts with earlier letters the same destination, P. V. Bykov or A. S. Suvorin. The article restored the chronology accompanying the publication of the work in the magazine through letters from Akhsharumov to A. N. Pypin and M. M. Stasyulevich. Letters comply with modern rules of spelling and punctuation.

Keywords. Akhsharumov, secondary and alternativeness, Stasyulevich, Vestnik Evropy.

История публикации повести Н. Д. Ахшарумова «Всесословная семья» в журнале «Вестник Европы» (1885. №9—12) до сих пор не привлекала внимания исследователей. Ничем не примечательное произведение, не встретившее ничего, кроме иронических отзывов современников, было первым, которое к тому времени уже достаточно опытный критик и беллетрист после 35 лет практически непрерывной литературной деятельности поместил в журнале М. М. Стасюлевича и А. Н. Пыпина.

В начале 1880-х гг. Ахшарумов довольно регулярно печатал свои произведения в иллюстрированном еженедельнике «Нива» и получал, судя по его письмам, довольно значительные выплаты. Так, например, отвечая на предложение П. В. Быкова стать постоянным сотрудником журнала «Живописное обозрение», Ахшарумов писал:

не входили в планы редакции, к тому же предполагали усложнение исходных условий. Тем не менее, во многом понимая для себя финансовое значение этой части произведения, Ахшарумов делает все возможное, чтобы эпилог к повести появился в печати. Мы не располагаем исходной рукописью, но отталкиваясь от журнальной публикации и замечаний в письме, можем предположить, что значительным сокращениям подверглась та часть эпилога, в которой прозаик обращался к довольно привычным для него фантастическим мотивам («путешествие в страну счастливых скотов», вероятно, описанное в дневнике сходящего с ума героя). Таким образом, уступка Ахшарумова носила не только финансовый, но и символический характер. В последнем публикуемом письме к Пыпину (10) и во втором письме Стасюлевичу (11) он опять возвращается к финансовому вопросу, называя примерную сумму, которую планировал бы получить за эпилог. Ноябрьская и декабрьская книги «Вестника Европы» свидетельствуют об успешном завершении этих переговоров; более того, в дальнейшем Ахшарумов напечатал в этом же журнале свою повесть «Конец с красной меткой» (1889. № 8).

Письма приводятся в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Письма к Александру Николаевичу Пыпину хранятся в рукописном фонде РНБ (Ф. 621, ед. хр. 50), письма к Михаилу Матвеевичу Стасюлевичу в рукописном фонде ИРЛИ (Ф. 293, Оп. 1. Ед. хр. 178).

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

Николай Дмитриевич
АХШАРУМОВ

желал бы, если возможно, видеть
Александра Николаевича не в редакции
Сергиевская № 54, кв. 24

2

21 февраля 1885

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Я желал видеть Вас, только чтобы узнать, нет ли каких-нибудь препятствий к помещению моей повести в Вашем журнале, которые сделали бы для Вас излишним труд читать ее в рукописи. Но так как во всяком случае мне невозможно быть у Вас раньше следующей недели, и Вам бы пришлось, может быть, для этого еще раз писать, то не будете ли Вы так любезны, написать мне уже лучше прямо: когда я могу явиться к Вам за ответом — если Вы думаете прочесть мой труд, или куда я могу приехать за оставленною у Вас рукописью. Желание видеть Вас вне редакции объясняется только моим опасением затруднить еще один лишний раз Михаила Матвеевича. Имею некоторые причины бояться, что, может быть, мои беллетристические работы ему вообще не нравятся, и что он, может статься, избегает меня и боится сказать это чистосердечно, — я и желал предварительно видетсья с Вами.

Преданный Вам
Н. Ахшарумов

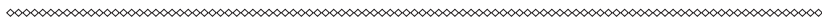
3

8 марта 1885

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Обстоятельства, от меня не зависящие, заставляют меня спешить с вопросом о помещении моей повести; но, тем не менее, я не позволил бы себе затруднять Вас по прежней просьбе, с которой я обращался к Вам в письме от 21 февраля, если бы вероятность поладить с «Вестником», судя по прецедентам, не представлялась мне так мала. Много обяжете назначить мне, буде возможно, время, когда я должен явиться к Вам за ответом, в случае, если ответ не может быть сообщен письменно, в двух словах.

Преданный Вам
Н. Ахшарумов

4

2 мая 1885

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Очень хотелось бы повидаться с Вами, но я не здоров и не смею выехать по такой холодной погоде и так далеко, не рискуя слечь. Пишу Вам еще раз о повести. В «Деле» мне за нее дают 150 рублей с листа, но денег я не могу получить до напечатания. Остается редакция «Русской мысли» в Москве; но я там буду не раньше как через месяц. Невольно приходит в голову, что, быть может, не поздно еще сойтись с Михаилом Матвеевичем. Не согласится ли он заплатить за повесть вперед 1.200 рублей? Это меньше того, что я получил бы в «Деле» (лист у них много меньше), и по счету Вестника может составить не больше 150 рублей с листа.

Разница против того, что М. М. мне предлагал, как видите, очень невелика, но для меня время уплаты — важный вопрос, и я был бы Вам глубоко благодарен, если бы Вы помогли решить это утвердительно. К М. М. я не решаюсь писать, так как боюсь, что за городскими делами в думе, ему сейчас не до того.

За сим простите великодушно, если я Вам надоел, с моею повестью, но что же делать? Мне кажется, что она была бы больше всего на месте в Вашем журнале.

Искренне Преданный Вам
Н. Ахшарумов

5

23 августа 1885

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Посылаю Вам «Эпилог» к моей повести с покорной просьбой прочесть его в рукописи. Не взирая на фантастическую окраску иных страниц, я надеюсь, что Вы не найдете в нем ничего, кроме реальной картины. Сюжет его: человек, который сходит с ума, и на этой канве я пытался изобразить умственную распутицу нашего времени. Кроме связанного с Вашей оценкой делового вопроса меня весьма интересует и личное Ваше мнение. А потому Вы лично меня обяжете, сообщив мне его чистосердечно, хотя бы в самых коротких словах.

Конец, в размере, не свыше общей, последней главы, готов у меня вчерне и хотя не улажен еще добром, что для переписки надобно, но это дело одной недели, в сущности же, я полагаю, развязка и так легла.

Искренне преданный Вам
Н. Ахшарумов

Многоуважаемый Михаил Матвеевич,

Спешу оправдаться в недоумении, о котором я только вчера узнал. Вопрос об отдельном издании моей повести, как Вы помните, был предметом особого и довольно подробного обсуждения, при нашем свидании, 22го мая, в редакции, в присутствии А.Н. Пыпина⁵. В итоге Вы обещали мне⁶ Ваше содействие, чтобы избавить меня⁷, от излишних расходов и от случайностей, связанных с предварительной цензурой. Помню, что я просил Вас о напечатании отдельного издания, как это нередко делается, тем же набором, и хотя не могу повторить дословно подлинных выражений, в каких была сделана эта просьба⁸, но смею уверить, что Ваш ответ не оставил во мне никакого сомнения в Вашем согласии. К несчастью, как теперь очевидно, при этом случилось одно из двух: или Вы не расслышали в точности содержания моей просьбы, или я не понял ответа, который я от Вас получил⁹. Но если с моей стороны была подобного рода ошибка, то все остальное, что было говорено об¹⁰ отдельном издании, не дало мне никакой возможности догадаться, что мы с Вами не понимаем друг друга. Вы говорили о разного рода цензурных стеснениях, которые затрудняют дело, между прочим, о том, что в рукописи моей нет установленных 10-и листов¹¹, и что хотя для журнала это не составляет разницы, но для отдельного издания корректуры необходимо будет каждый раз до напечатания предоставлять в цензуру. Понимаю, что затруднение это могло бы иметь серьезный смысл¹² только в том случае, если издание было бы сделано тем же набором, что и оставило меня в том, как теперь оказалось, ошибочном¹³ убеждении, что Вы имеете в виду именно этот случай. Тогда я сказал Вам, что затруднение это легко устранимо, так как я и без этого имею в виду для отдельного издания эпилог, около 2 или 2½ листов журнальной печати, прибавка которого доведет издание до раз-

⁴ Приводится оригинал письма, отправленного Стасюлевичу (Ф. 293, оп. 1. Ед. хр. 178). В примечаниях приведены варианты, обнаруженные в копии письма, отправленного Пытину (Ф. 621, ед. хр. 50).

⁵ ... в редакции, и Вы обещали мне ...

⁶ ... обещали мне самым любезным образом...

⁷ ... с одной стороны, от излишних расходов, с другой...

⁸ ... с моей стороны...

⁹ ... я на нее получил...

¹⁰ ... о том же...

¹¹ ... печатных листов...

¹² ... действительно иметь смысл...

¹³ ... в том убеждении...

Письма Ахшарумова к Пытину и Стасюлевичу

и что при этом не сделано было совсем ничего²⁰ к реализации обещанного мне отдельного издания, заставляет меня невольно предположить, что как Вы, так и А. Н. Пыпин, совсем забыли о содержании нашего разговора на этот счет. Я же помню его почти дословно, и если считал излишним напомнить Вам о нем раньше времени, Вами назначенного (25-го августа, когда должно было начаться печатание октябрьской книжки)²¹, то только по той причине, что я не мог предвидеть случившегося.

С истинным уважением преданный Вам²²
Н. Ахшарумов

7

31 августа 1885

Многоуважаемый Александр Николаевич,

Письмо к М. М. Стасюлевичу отправлено было на другой день после свидания моего с Вами, в редакции, в среду, 28 августа; в предположении, разумеется, что он вернется не раньше начала Сентября. Но сегодня я слышал от С. А. Никитенко, обедавшей у Гончарова, будто бы М. М. вернется сюда не позже 1-го сентября, то есть завтра. Если действительно это так, то письмо мое, разумеется, не застанет его на месте. Поэтому, чтобы поправить дело и выиграть время, я посылаю Вам с него копию, с нижайшей просьбою, прочитав, передать ее Михаилу Матвеевичу.

Преданный Вам
Н. Ахшарумов,

Будьте так любезны, сообщить мне Ваш новый адрес.

8

8 сентября 1885

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Посылаю Вам окончание «Эпилога» и надеюсь, что, прочитав его, Вы измените Ваше мнение о недостатке существенной связи с той частью, которая принята. Существенная черта этой части: — ненависть к главному действующему

²⁰ ...ничего...

²¹ ... (25-го августа)...

²² С искренним уважением и проч. (Подлинное отправлено было по адресу, за границу).

лицу хозяйки дома, в котором его застаёт рассказ, — имеет весьма положительную подкладку, которую я оставил в тени за недостатком поводов выводить наружу грехи г-жи Горностаевой. В эпилоге открытие это происходит само собой, как естественный результат с одной стороны ее мужественного характера, с другой, ее созревшей решимости положить, во что бы ни стало, конец тому ослеплению мужа, которое — основательно или нет — она считает главной причиной всех их несчастий.

Что касается до другого Вашего замечания, то я признаю его весьма основательным и охотно сделаю все возможное, чтобы им воспользоваться. Так, например, я намерен выпустить целиком все путешествие в страну «счастливых скотов», занимающее, если не ошибаюсь, более 10 страниц. Но для этого мне нужна на несколько дней та часть эпилога, которую Вы прочли, и я прошу Вас прислать ее тем же посыльным (который имеет на этот счет инструкцию), если он Вас застанет дома. Если же нет, то будьте любезны, пришлите с другим, не платя однако ему ничего, так как он все равно получит расчет от меня.

Искренно преданный Вам
Н. Ахшарумов

Посылаю Вам ответ М. М. Стасюлевича

9

13 сентября 1885

Многоуважаемый
Александр Николаевич

Возвращаю Вам рукопись, радикально исправленную и сокращенную. Убедиться в этом легче, чем кажется, потому что переделывалась только вторая тетрадь, в которой острый душевный недуг развивается, и больной доходит до галлюцинаций. О размере собственно сокращений Вы можете лучше всего судить по тому, что тетрадь эта содержала 30 страниц, а теперь в ней осталось всего 18. Сокращено должно быть около 10 печатных страниц.

Надеюсь, что Вы одобрите как размер, так и характер сделанных исправлений.

Искренно преданный Вам
Н. Ахшарумов

10

9 октября 1885

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Я до сих пор не получал еще корректуры ноябрьской книжки, и это меня тревожит. По обстоятельствам, которые я Вам объяснял при свидании, для меня очень важно, чтобы «Эпilog» был хоть начерно набран не позже 25-го октября, и я счел бы за величайшее одолжение, если бы Вы нашли возможность ускорить его набор; тогда бы я мог попросить от М. М. обещанные деньги (около 130 р.).

Искренно преданный Вам
Н. Ахшарумов

11

25 октября 1885

Многоуважаемый
Михаил Матвеевич,

Крайнее затруднение, в которое я поставлен как член Городского Кредитного общества (не допускающего теперь, по его выражению, «принципиально» прежнего платежа в рассрочку и вследствие этого вдруг потребовавшего от меня в течение одного октября-месяца оплаты около 400 рублей), вынуждает меня еще один раз обратиться к Вам с денежной просьбой. Не найдете ли Вы возможным выдать мне в конце этого месяца остальной гонорар? Думаю, что печатный размер статей, входящих в состав декабрьской книжки, к этому времени уже известен Вам в точности. Если же нет, то не найдете ли Вы возможным принять покуда мою приблизительную оценку. До сих пор она не превышала действительности, а именно, вместо 8 листов, в рукописи первоначально оказалось 8¼. Надеюсь, что и на этот раз я буду недалеко от истины, определив размер неоплаченного остатка, приблизительно в 130 рублей. Ошибка, во всяком случае, может быть лишь весьма незначительна, но, если бы она оказалась в Вашу пользу, я, разумеется, сочту долгом исправить ее.

Еще одна просьба: Будьте так любезны, подтвердите от Вашего имени типографии, чтобы она не забыла доставить мне на просмотр корректуру декабрьской книжки, как позабыла — при печатании ноябрьской.

Искренно преданный Вам
Н. Ахшарумов

* * *

Обращение к письмам Ахшарумова — беллетриста второго (а к концу жизни, возможно, и третьего) литературного ряда в настоящем случае свидетельствует, на наш взгляд, не об уникальности сложившейся ситуации и исключительном характере коммуникации между заинтересованными сторонами, а наоборот — ее типичности. При публикации писем мы исходили из того, что в них рельефно и наглядно отразились отношения издателя и не уверенного в себе и своих силах писателя, к тому же осознающего недостаточность символического капитала собственного имени.

Характерные канцеляризмы в письмах Ахшарумова, равно как и сама идея скрыть себя, подчеркнув свою незначительность, возвращает нас к сюжету о маленьком человеке. В сущности, этот сюжет был подсказан не социальной действительностью 40-х гг. XIX в., на чем настаивала вульгарно-социологическая критика, а миром литературных иерархий. Случай Ахшарумова — чиновника в отставке — довольно показателен в этом отношении: можно больше 35 лет работать в канцеляриях толстых журналов, но остаться перед литературными генералами робко ожидающим в передней коллежским секретарем²³.

СОКРАЩЕНИЯ

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

ИРЛИ — Рукописный отдел Пушкинского дома.

Информация об авторе: Алексей Козлов, Тартуский университет, кафедра русской литературы, докторант; Тарту, Эстония; e-mail: alexeykozlov54@gmail.com

²³ В действительности, поступив на службу в чине губернского секретаря, Ахшарумов дослужился до помощника секретаря отделения, выйдя в отставку в 1845 г.

About the author: Alexey Kozlov, University of Tartu, doctoral student of Faculty of Arts and Humanities (Russian and Slavonic Philology); Tartu, Estonia; e-mail: alexeykozlov54@gmail.com

Елизавета Носова (Москва)

История публикации и редактирования русских переводов повести Майн Рида «The Boy Tar, or A Voyage in the Dark»

Elizaveta Nosova (Moscow)

The Story of Publication and Editing Russian Translation of Novel “The Boy Tar, or a Voyage in the Dark” by Mayne Reid

Резюме. Материалом для исследования стали русские переводы повести Майн Рида «Морской волчонок, или Путешествие на дне трюма». Исследовано 11 русских переводов. Для каждого текста мы выяснили, является ли он переводом с оригинала, переводом, сделанным с использованием французского текста-посредника, или редакцией изданного ранее текста.

Ключевые слова. Художественный перевод, редакция, Майн Рид.

Abstract. The article focuses on the Russian translations of the novel “The Boy Tar, or a Voyage in the Dark” by Mayne Reid. In our study we examined 11 Russian translations. For each text we have determined if it was translated from English original, or one of the French translations as a “mediator”, or it is a wording of the previous Russian translations.

Keywords. Translation, wording, Mayne Reid.

Повесть Майн Рида «The Boy Tar, or A Voyage in the Dark» впервые была опубликована в 1859 г. Затем она многократно перепечатывалась, но различия между доступными нам изданиями не обнаружены. В статье номера страниц оригинала приводятся по изданию 1876 г.

В повести описываются приключения, которые произошли с рассказчиком, Филиппом Форстером, в детстве. Все эти события связаны с водой: он падает в пруд с лебедями; его уносит опасным течением при купании; он лишается лодки при посещении острова. Большая часть произведения посвящена главному приключению мальчика: он забрался в трюм судна «Инка», направлявшегося в Перу, и планировал выйти к команде, когда его будет поздно возвращать на берег. Но в трюм погрузили ящики, сквозь которые герой был вынужден прокладывать себе дорогу на палубу.

Повесть отличается запутанной историей создания ее русских переводов. Нам известно 11 вариантов. Это собственно переводы, адаптации для детей и даже одна аудиокнига. Целью нашей работы было определение взаимосвязей между этими текстами и составление схемы переводов, отображающей эту связь (схема приводится в конце статьи). Мы не обладаем полной информацией обо всех текстах. Так, например, в дореволюционных вариантах не указаны фамилии переводчиков и редакторов. Мы будем обозначать их, называя издательство, выпустившее книгу, и год ее выхода. Также мы будем рассматривать переводы не в хронологическом порядке, а группируя на основании выявленных связей.

С. М. Червонный в статье «По следам капитана Майн Рида» указывает, что дореволюционные переводы повести «The Boy Tar, or A Voyage in the Dark», опубликованные в издательствах И. Д. Сытина («Морской волк», «Морской волчонок») и П. П. Сойкина («На дне трюма»), переведены не с оригинала, а с французских текстов «Le petit loup de mer» и «À fond de cale» соответственно [см.: Червонный]. Насколько нам известно, ранее никто, кроме Червонного, не обращался к истории перевода данной повести. Однако Червонный не приводит выдержки из переводов, поэтому не исключено, что он соотнес тексты на основании заглавий. Кроме того, он упоминает не все варианты текста — например, в работе не назван перевод под редакцией О. Э. Мандельштама, неверно указана дата публикации первого

издания перевода Л. Рубинштейна, поэтому предположения Червонного требуют проверки. В ходе работы над текстом не были обнаружены примеры, опровергающие утверждение Червонного о связи дореволюционных изданий с конкретными французскими текстами, поэтому мы использовали его утверждение как отправную точку при изучении истории перевода.

Охарактеризуем русскоязычные тексты, восходящие к «Le petit loup de mer». Нам известны три издания перевода в типографии Сытина: в 1895¹ и 1916 г. под заглавием «Морской волк» и в 1908 г. под заглавием «Морской волчонок».

Различия между изданиями «Морского волка» 1895 и 1916 г. крайне незначительны: единственным существенным расхождением можно считать последнюю фразу повести. Вероятно, изменение сделано под влиянием текста издательства Сойкина 1908 г., который, напомним, был переведен на русский язык с другого французского варианта повести².

<p>And now, good-day! and God bless you all! [The Boy Tar: 309].</p>
<p><i>А теперь, детки, до свиданья. Рассказ мой окончен</i> [Сытин 1895: 215; Сытин 1908: 207].</p>
<p>А теперь, детки, до свиданья. Пошли вам Бог всего хорошего [Сытин 1916: 134].</p>
<p><i>Et maintenant, mes enfants, au revoir; mon histoire est terminée</i> [Le petit loup de mer: 92].</p>
<p>Вот и весь мой рассказ. Итак, прощайте, дети, и храни вас Господь! [Сойкин 1908: 144].</p>
<p>À fond de cale Au revoir, enfants; et que Dieu vous garde et vous protège [À fond de cale].</p>

¹ Перевод 1895 г. без изменений переиздан в 1896 г. в типографии Вильде [см.: Вильде 1896].

² Здесь и далее цитаты из дореформенных изданий даются в современной орфографии. Если необходимо процитировать французский текст, с которого сделан какой-либо русский перевод, строка с цитатой из французского текста дается ниже примеров из соответствующих русских переводов.

Более существенно отличается от перевода 1895 г. текст издательства Сытина 1908 г.: в нем восстановлены фрагменты, которых нет в тексте «Le petit loup de mer». Можно предположить, что при его подготовке использовался англоязычный оригинал, а не французские переводы или уже имевшиеся к тому моменту русские издания. Например, в следующем фрагменте в переводе издательства Сойкина и соответствующем ему французском тексте единица измерения расстояния изменена («шагах в пятистах»), в то время как в тексте издательства Сытина 1908 г. используется буквальное соответствие оригиналу («about half a mile», «почти в полумиле»); кроме того, только в этом варианте текста есть соответствие слову «pretty» («хорошеньком»).

They know that I live in a <u>pretty</u> cottage about half a mile from the village, up shore; they know that I live alone – for my old housekeeper can scarce be accounted as company [The Boy Tar: 2].

Все в деревне знают, что я живу с своей старой служанкой в хорошеньком маленьком домике, расположенном по берегу, почти в полумиле от деревушки [Сытин 1908: 3].

Они знают, что я живу в маленьком домике, <i>шагах в пятистах</i> от деревни, по направлению к берегу; знают, что я совершенно одинок, — старуха прислуга, живущая в моем доме, не может составить мне компании [Сойкин 1908: 3—4].

Ils savent que j'habite une jolie maisonnette à <i>cinq cents pas</i> du village, en suivant la grève, et que je vis complètement seul, car ma vieille gouvernante ne peut pas être considérée comme me tenant compagnie [À fond de cale].
--

Членение на главы редакций 1895 и 1916 гг. совпадает с текстом «Le petit loup de mer»; в издании 1908 г. восстановлена граница глав, от которой отказались при подготовке французского перевода.

В 2015 г. в издательстве «Энас-книга» вышла книга «Морской волчонок», заявленная как «перевод с английского С. Смирновой, литературная обработка А. Лившица». Текст достаточно близок к переводу издательства Сытина, и можно с уверенностью предположить, что при подготовке издания использовалась одна из редакций этого дореволюционного перевода.

Фрагменты, добавленные в тексте 1908 г., в издании «Энас-книги» не представлены, т. е. использовалась редакция 1895 или 1916 г. Приведенный ниже пример позволяет с уверенностью предположить, что при подготовке издания «Энас-книги» использовалось издание Сытина 1895 г. Подчеркиванием выделены различия между изданиями 1895 и 1916 г., полужирным шрифтом — между текстом 1895 г. и изданием «Энас-книги»; изменения, сделанные редакторами этих изданий, не совпадают, варианты текста подготовлены независимо друг от друга. Случайное совпадение редакторских решений, принятых при подготовке текста «Энас-книги», с текстом 1895 г. маловероятно: в Национальном корпусе русского языка нет ни одного примера использованной в изданиях Сытина 1895 г. и «Энас-книги» конструкции «я старый + имя», где «старый» не входит в состав прозвища.

Я — старый Филипп Фостер и живу в мирной деревушке, расположенной на берегу моря, в глубине морской бухты, самой обширной на всем нашем острове. Но хоть и скромна моя деревушка, она тем не менее **имеет претензию** считаться морским портом; у нее есть даже своя собственная гранитная набережная или, правильнее, мол, у которого почти всегда можно видеть два или три шлюпа, столько же **шкун**, а иногда случается увидеть и бриг <...> [Сытин 1895: 3].

Я теперь уже старик, и зовут меня Филипп Фостер. *Живу* я в мирной деревушке, расположенной на берегу моря, в глубине большой бухты, одной из самых обширных на всем нашем острове.

Но хоть и скромна моя деревушка, она, тем не менее, имеет претензию считаться морским портом; у нее есть даже собственная гранитная набережная или, правильнее, мол, у которого почти всегда можно видеть два или три шлюпа, столько же шкун, а иногда случается увидеть и бриг <...> [Сытин 1916: 3].

Я — старый Филипп Фостер и живу в мирной деревушке, расположенной на берегу моря, в глубине большой бухты, самой обширной на всем нашем острове.

Но хоть и скромна моя деревушка, она тем не менее **вправе** считаться морским портом: у нее есть даже своя собственная гранитная набережная или, правильнее, мол, у которого почти всегда можно видеть два или три шлюпа, столько же **шкун**, а иногда случается увидеть и бриг <...> [Энас-книга 2015: 5].

Теперь перейдем к переводам «À fond de cale», а также текстам, подготовленным с их использованием.

Как нам известно из статьи Червонного, первым русским переводом «À fond de cale» является текст издательства Сойкина «На дне трюма» [см.: Червонный].

В 1929 г. в издательстве «Земля и фабрика» опубликован текст «На дне трюма», заявленный как «перевод под ред. О. Мандельштама». В том же году Мандельштам пишет И. И. Ионову, руководителю издательства: «В Зифе я впервые столкнулся с т. н. «массовой работой» <...> методом обработки и правки старых переводов» [Мандельштам 1999: 108]. Ситуацию в издательстве Мандельштам описывает следующим образом:

Самые договора Зифа являлись хитроумными юридическими ловушками, во избежание ответственности издательства перед тружениками 90-х и 900-х годов из договорных формул тщательно вытравлялось самое имя переводчика, замененное казуистическим термином — «редактор-переводчик» [Мандельштам 1999: 108].

Таким образом, по переписке Мандельштама определить, как именно сочетались в работе над текстом редактирование и перевод, невозможно.

Количество глав в тексте Мандельштама соответствует оригиналу, т. е. поэт не мог редактировать перевод издательства Сытина или опираться на «Le petit loup de mer», где изменено членение на главы. Также в тексте Мандельштама переведены фрагменты, которые опущены в издании Сойкина — например, в тексте Мандельштама есть соответствие «à différents intervalles» («в промежутках»).

Я напрягал свой слух, надеясь услышать ответ <...> [Сойкин 1908: 61].
<...> в промежутках я чутко прислушивался, надеясь уловить вожделенный ответ <...> [Мандельштам 1929: 91].
J'avais prêté l'oreille à différents intervalles [À fond de cale: 139].

Фрагментам, опущенным в «À fond de cale», соответствия в переводе Мандельштама нет.

How long the affair would have lasted, it is hard to say. Not very long, however. The bird might have kept above water a good while, but I could not have held out much longer [The Boy Tar: 10].

— [см.: À fond de cale].

— [см.: Мандельштам 1929].

Таким образом, мы предполагаем, что Мандельштам переводил текст «À fond de cale» без использования оригинала или опубликованного ранее русскоязычного текста-посредника.

В 1938 г. в ДЕТИЗДАТе (бывш. ДЕТГИЗ) был опубликован «Морской волчонок», заявленный как «перевод и обработка Л. Рубинштейна» [см.: Рубинштейн 1938]. В следующем фрагменте подчеркиванием выделены незначительные различия в текстах Рубинштейна и Мандельштама. Этот фрагмент переведен не дословно; в обоих вариантах текста выбраны формулировки «мне и в голову не приходило», «отчаянные вопли». Подобные примеры дают повод предположить: Рубинштейн пользовался текстом Мандельштама при подготовке своего перевода.

Alas! alas! little did I think that the loudest shout I might raise, could not have been heard by human being. Little did I suspect, that the hatchway, through which I had descended to the hold, was now closed with its strong hatches and these again covered with a thick tarpaulin — to remain so, perhaps, to the end of the voyage! [The Boy Tar: 107].

<i>Мне в голову не приходило, что мои отчаянные вопли могут <u>быть вовсе не</u> услышаны; я не подозревал, что люк, через который я опустился на канате в трюм, был теперь плотно закрыт тяжелым щитом и что поверх щита был натянут толстый просмоленный брезент, и что вряд ли в этом положении произойдет какая-либо перемена до конца путешествия [Мандельштам 1929: 90].</i>
--

Увы! Мне в голову не приходило, что мои отчаянные вопли могут вовсе не быть услышаны; я не подозревал, что люк, через который я опустился на канате в трюм, был теперь плотно закрыт тяжелым щитом, что поверх щита была натянута толстая просмоленная парусина и что вряд ли в этом положении произойдет какая-нибудь перемена до конца путешествия [Рубинштейн 1938: 66].

Рубинштейн сближает текст с оригиналом, исключает вставки Мандельштама, отказывается и от незначительных отступлений от смысла первоисточника. Например, в следующем фрагменте противопоставление «presentiment» («предчувствие») и «fear» («опасение»), сохраненное во французском тексте, Мандельштам заменил противопоставлением суеверного предчувствия и предчувствия, соответствующего действительности. Рубинштейн предпочел исходное противопоставление.

<...> or not exactly a *presentiment*, but a *fear* caused by something I had noticed only the minute before [The Boy Tar: 209].

Впрочем, в этом предчувствии **не было ничего суеверного**. Беда действительно надвигалась [Мандельштам 1929: 160].

<...> c'était *le pressentiment* d'un grand malheur, ou plutôt *l'effroi* causé par un bruit que je ne pouvais attribuer qu'à mes odieux voisins [À fond de cale: 252].

Вернее, это было не предчувствие, а опасение, основанное на фактах [Рубинштейн 1938: 123].

Текст Рубинштейна несколько сокращен, вероятно, по идеологическим соображениям. Например, в оригинале и в переводе Мандельштама есть целая глава с рассуждениями о политике. Рубинштейн отказался от большей части этого фрагмента, оставив лишь относительно небольшое по объему отступление о том, как нелепая форма судна связана с системой налогообложения.

Дело в том, что по тогдашним английским законам суда облагались налогом по тоннажу, то есть по грузоподъемности, а не по вместимости трюма. Чтобы обойти этот закон и платить поменьше налога, судовладельцы заказывали суда, которые, имея определенный тоннаж (тоннаж определяют, множа длину киля судна на ширину палубы и на глубину трюма), по вместимости превосходили его на треть! <...> Добрый корабль «Инка» был построен точно таким же способом: со шлюпки, причаленной к его борту, пузатые его бока казались навесами. Все торговые суда моего времени были таковы [Рубинштейн 1938: 152—153].

Во второй редакции перевода Рубинштейна также опущены две главы, посвященные охоте героя на крыс [см.: Рубинштейн 1946].

В 1956 г. в ДЕТГИЗе (бывш. ДЕТИЗДАТ; издательству было возвращено первоначальное название) была опубликована третья редакция перевода Рубинштейна, подготовленная Н. А. Дехтеревой и озаглавленная «Морской волчонок, или Путешествие на дне трюма»³. В этой редакции восстановлены опущенные в предшествующих изданиях фрагменты, причем Дехтерева пользовалась изданием 1938 г., а не одним из последующих — это можно определить, сравнивая главы, посвященные охоте на крыс, представленные, как мы отметили выше, в первой редакции перевода Рубинштейна и опущенные во второй. Маловероятно, что два переводчика могли независимо друг от друга выбрать фразу, выделенную курсивом в приведенном ниже примере: слово «шнырять» не настолько частотно, кроме того, вряд ли переводчики могли независимо заметить «as troublesome» в ряду однородных членов на конструкцию «Нельзя было вести себя наглее!»

Различия, кроме пунктуационных, и соответствующие фрагменты оригинала выделены полужирным шрифтом. Дехтерева сближает текст с оригиналом: отказывается от обращения к адресату, заменяет «что я забыл о них» на «что они ушли и оставили меня в покое». Правка соответствует английскому тексту.

³ После 1956 г. публиковались вторая и третья редакции. Фамилию Дехтеревой обычно не указывали.

For some time I have said nothing of the rats. Do not fancy, from this silence about them, **that they had gone away and left me to myself!** They had done no such thing. They were around and about me, as brisk as ever, and as troublesome [The Boy Tar: 247].

Уже давно, друзья мои, я перестал упоминать о крысах.

Но не думайте, **что я забыл о них.** Нет! Они шныряли вокруг кабины всё так же проворно и суетливо. Нельзя было вести себя наглее [Рубинштейн 1938: 143].

— [см.: Рубинштейн 1946].

Я уже давно не упоминал о крысах. Но не думайте, **что они ушли и оставили меня в покое!** Нет, они шныряли вокруг меня все так же проворно и суетливо. Нельзя было вести себя наглее! [Рубинштейн, Дехтерева 1956: 610].

Также существуют сокращенные переводы повести. Перейдем к их характеристике.

В 1927 г. были опубликованы два текста: «Маленький моряк» в книгоиздательстве Г. Ф. Мириманова, заявленный как «перевод и переработка с английского С. Лялицкой» [см.: Лялицкая 1927а], и «На дне трюма» в издательстве «Земля и фабрика», про который сказано, что это «перевод с англ. в обработке С. Лялицкой» [см.: Лялицкая 1927б]. «Маленький моряк» посвящен событиям, предшествующим решению о плавании, «На дне трюма», наоборот, не включает приключения, предшествующие плаванию на «Инке».

Оба текста подготовлены с использованием перевода издательства Сытина, причем можно определить, что использовалось не издание 1908 г. Редактор адаптации не стал бы заменять конструкцию «по инстинкту самосохранения» на «движимый инстинктом самосохранения», которая сближает адаптацию Лялицкой с изданиями Сытина 1895 и 1916 гг., т. к. эта формулировка сложнее для восприятия ребенком. В словаре Д. Н. Ушакова «двигать» в значении «побуждать кого-либо» дается с пометой «книжн.» [см.: Ушаков 1935: стб. 362]; скорее всего, в конце 1920-х слово также воспринималось как книжное.

Движимый инстинктом самосохранения, общим всем живым существам, я прятнул руки, как это обыкновенно делают все утопающие в надежде ухватиться за первый попавшийся предмет [Сытин 1895: 9; Сытин 1916: 7].

По *инстинкту самосохранения*, присущему всем живым существам, я протянул руки, как это делают все утопающие, в надежде ухватиться за первый попавшийся предмет [Сытин 1908: 10].

Движимый инстинктом самосохранения, я протянул руки, как это обыкновенно делают все утопающие, в надежде ухватиться за первый попавшийся предмет [Лялицкая 1927а: 4].

Издания под редакцией Лялицкой нельзя считать двумя частями одной книги. Сюжет «Маленького моряка» несколько изменен по сравнению с полным текстом: в «Маленьком моряке» родители Филиппа Форстера живы и предполагаемое в концовке развитие событий не соответствует сюжету «На дне трюма», где, как и в оригинале, мальчик становится сиротой и живет у дяди.

Когда отец отправлялся в следующее плавание, он взял с собою и меня в качестве мальчика-юнга. Таким образом, наконец, осуществилась моя детская мечта — сделаться моряком и большую часть жизни проводить на море [Лялицкая 1927а: 40].

Когда умерли мои родители, меня взял к себе дядя <...>
[Лялицкая 1927б: 1].

Концовка «Маленького моряка» соотносится с фрагментом полного издания:

It was my father's design that, like himself, I should follow the sea as a calling; and had he lived to make another voyage, it was his intention to have taken me away with him [The Boy Tar: 20].

Отец, видя мою непреодолимую страсть к морю, решил сделать меня моряком, и если бы он не умер так скоро, то я наверное отправился бы с ним в следующее же путешествие [Сытин 1895: 18].

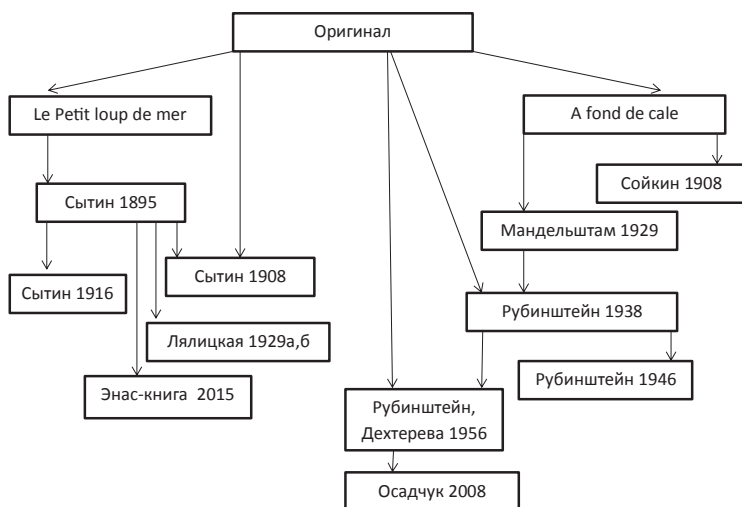
Также существует аудиокнига, выпущенная компанией «Сидиком» в 2008 г. и заявленная как пересказ С. Осадчук. Текст подготовлен на основе перевода Рубинштейна под редакцией

Дехтеревой. Например, следующее предложение Дехтерева перевела заново, а не взяла формулировку Рубинштейна; фрагмент текста Осадчук отличается от редакции Дехтеревой незначительно (опущено «ясно, что»).

Сравнив свой рост с длиной ящика, я высчитал, что во мне сто двадцать сантиметров [Рубинштейн 1938: 58].
Ясно, что раз длина ящика четыре фута, значит, во мне неполных четыре [Рубинштейн, Дехтерева 1956: 499].
Раз длина ящика четыре фута, значит, во мне неполных четыре [Осадчук 2008].

Некоторые решения Лялицкой и Осадчук похожи: в обеих адаптациях исключено упоминание адресата-слушателя, а также все фрагменты с непосредственной апелляцией к адресату. Кроме того, Осадчук отказалась от глав, посвященных приключениям рассказчика до путешествия на «Инке», как и Лялицкая в издании «На дне трюма».

Ниже приведена схема, отражающая взаимосвязи между всеми доступными нам переводами. В случаях, когда перевод переиздавался без изменений, на схеме отражено первое издание. Эта схема является результатом нашей текстологической работы.

СОКРАЩЕНИЯ

Вильде 1896 — *Рид Т. М.* Морской волк. М.: Тип. Вильде, 1896.

Лялицкая 1927а — Маленький моряк / Пер. и перераб. с англ. С. Лялицкой (по Майн-Риду). М.: Мириманов, 1927.

Лялицкая 1927б — *Рид М.* На дне трюма. Пер. с англ. в обр. С. Лялицкой. М.; Л., 1927.

Мандельштам 1929 — *Рид М.* Собр. соч. М.; Л., 1929.

Мандельштам 1999 — О. Э. *Мандельштам*. Собр. соч.: В 4-х тт. М., 1999. Т. 4.

Осадчук 2008 — *Рид М.* Морской волчонок. [Б. м.]: Сиди-ком, 2008.

Рубинштейн 1938 — *Рид М.* Морской волчонок. Пер. и обр. Льва Рубинштейна. М.; Л., 1938.

Рубинштейн 1946 — *Рид М.* Морской волчонок. / Пер. и обр. Льва Рубинштейна. М.; Л., 1946.

Рубинштейн, Дехтерева 1956 — *Рид М.* Морской волчонок, или Путешествие на дне трюма / Пер. Л. Рубинштейна. Под ред. Н. А. Дехтеревой // *Рид М.* Сочинения: В 6-ти тт. М., 1956—58.

Сойкин 1908 — *Рид М.* На дне трюма // Полн. собр. романов Майн-Рида. [Кн. 1—40]. СПб.: П. П. Сойкин, 1908.

Сытин 1895 — *Рид М.* Морской волк: Роман. Кап. Майн-Рид. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1895.

Сытин 1908 — *Рид М.* Морской волчонок. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1908.

Сытин 1916 — *Рид М.* Морской волк // Собр. соч. Майн-Рида. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1916.

Энас-книга 2015 — *Рид М.* Морской волчонок: Майн Рид / [Пер. с англ. С. Смирновой], М.: Энас-книга, 2015.

Червонный — *Червонный С. М.* По следам капитана Майн Рида (URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/articles-eng/chervonnyj-po-sledam-majn-rida.htm>; дата обращения: 23.12.2018).

Ушаков 1935 — Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. М., 1935—1940. Т. 3.

Наталья Дровалева (Москва)

Обсуждение постановки «Мертвых душ» в Художественном театре. Непонятый Белый

Natalia Drovaleva (Moscow)

The Discussion on “The Dead Souls” in the Moscow Art Theatre. Bely Misunderstood

Резюме. Премьера спектакля МХАТа «Мертвые души», состоявшаяся 28 ноября 1932 г., положила начало дискуссии в нескольких институтах, в том числе и во Всеросском драме. Выступление А. Белого стало центральным моментом на обсуждении спектакля 15 января 1933 г. После появления статьи, отражавшей основные идеи доклада, прошли прения по докладу Белого. Мнения Белого на выступлениях и в обсуждении имели несомненный резонанс, как и на обсуждении постановки «Ревизора» в конце 1926 г. Однако к началу 1933 г. политическая ситуация в стране изменилась, что сказалось на отношении и к докладу, и к самому Белому, которому были брошены обвинения в эстетствующем формализме и завышенных требованиях к постановке Художественного театра. Ответные реплики и «заключительное слово Андрея Белого» превратились в оправдательную речь, однако, несмотря на напряженную атмосферу и упреки, которые сопровождали доклад, Белый смог ухватиться за возможность участвовать в литературном процессе, будучи членом Всеросском драме.

Ключевые слова. Андрей Белый, Гоголь, МХАТ, Всеросском драм, доклад, прения.

Abstract. The Moscow Art Theatre’s (MAT) play of “The Dead Souls” premiered on November 28, 1932 and caused heated debates in several institutions, including the Vseroskomdram. A. Bely’s speech became the center point of the discussion of the play in Vseroskomdram on January 15, 1933. After an article which

reflected all the key points of Bely's speech was published, a debate on the speech itself took place. Bely's opinions that he stated during his speeches and discussions undoubtedly resonated with the audience, just as it was in the 1926, after "The Government Inspector" had been staged. However, by the start of 1933 the political situation in the country changed, and it affected both the speech and Bely himself, who was accused of aesthetic formalism and presenting unrealistic demands to the MAT's play. His response and the "conclusion by Andrey Bely" turned into excuses, however, despite the strained atmosphere and the reproaches said during the discussion of the speech, thanks to his membership in the Vserosskomdram Bely was presented with the opportunity to take part in the literary process, which he readily seized.

Keywords. Andrey Bely, Gogol, the Moscow Art Theatre (MAT), the Vserosskomdram, speech, debate.

В 1931 г. произошел арест всех антропософов из окружения Андрея Белого, включая К. Н. Васильеву, его будущую жену [см.: Малмстад 1993]. Белый остался на свободе, но его печатная машинка, а также документы и рабочие материалы были изъяты. Писатель приложил огромные усилия для того, чтобы освободить Васильеву. Она была «освобождена из места заключения ОГПУ» 3 июля 1931 г., причем с подпиской о невыезде [РГБ. Ф. 25. Карт. 39: 6—7.]. После регистрации брака с Васильевой 21 августа 1931 г. Белый пишет о появившейся возможности уехать в Детское Село:

Звонились много раз с Санниковым в Обл-ОГПУ. Ни дозвониться, ни толком что-либо узнать путем звонков невозможно.

Против рожна не поперешь.

Остается больным, полуограбленным (отняли мою машинку и не дают назад), без денег, без милой возвращаться в Детское, чтобы сохранить ей помещение.

Я, кажется, с ума сойду: чувствую, как все мешается в мозгах [Литературное наследство 2016: 898].

Эти строки отчетливо указывают на эмоциональное состояние писателя в конце лета — здесь дневник 1931 г. заканчивается. В следующий раз дневник возникает в середине 1932 г., когда идет тщательная идеологическая проработка и подготовка объединения литераторов в Союз советских писателей. В Дневнике Белого появляется раздел, стоящий особняком («Выступления, прения <1932—1933>»), где писатель ведет учет выступлений на организационных собраниях, докладов и прений. Белый отмечает, что в этот период он участвовал в совещании писателей ГИХЛа, выступал на пленуме Оргкомитета Союза советских писателей и т. д. [см.: Литературное наследство 2016: 748—749]. Судя по содержанию дневника, Белый пытается глубже вмонтироваться в советскую действительность в атмосфере перестройки литературно-художественных организаций [см.: Николеску 2018: 486]. Белый входит в совет Всероссийского общества композиторов и драматургов (Всероскомдрам) [см.: Плотников 2015: 70] наряду с видными деятелями театрального искусства, активно участвует в обсуждениях. Согласно уставу Всероскомдрама, Общество защищало авторские права своих членов (охрана авторских прав осуществлялась через заключение Обществом соответствующих постановочных и иных договоров с театральными и прочими зрелищными учреждениями) и объединяло авторов отдельных видов искусства в следующие секции: секция драматургии, секция кино, секция малых форм, секция критики, секция композиторов [см.: Плотников 2015: 62]. В качестве печатного органа выступала газета «Советское искусство»¹. Белому, опасавшемуся, что преследование антропософов возобновится, и работавшему над книгой «Мастерство Гоголя», договор на которую был заключен с ГИХЛом 8 августа 1931 г., членство во Всероскомдраме давало иллюзию защиты.

При разборе фонда Всероскомдрама в ОР ИМЛИ с. н. с. К. И. Плотников и с. н. с. Н. В. Петрова в ходе первичной обработки нашли машинописные стенограммы. Первая из них — стенограмма доклада Андрея Белого «Гоголь и “Мертвые души” в поста-

¹ В газете «Советское искусство» вышла статья А. Белого «Непонятый Гоголь».

новке Художественного театра», прочитанного 15 января 1933 г. Она представлена в двух экземплярах (ОР ИМЛИ. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 178. № 1. 27 л.; № 2. 21 л.). Вторая стенограмма — запись дискуссии по поводу доклада Белого, проходившей на совещании во Всероскомдраме 26 января 1933 г. (ОР ИМЛИ. Ф. 52. Оп. 1. Ед. хр. 178. № 3. 43 л.). Копия первой стенограммы доклада легла в основу статьи Андрея Белого «Непонятый Гоголь». Текст дискуссии по докладу Белого впервые был опубликован в № 6 журнала «Литературный факт»² (тексты стенограммы и дискуссии подготовила с. н. с. ОР ИМЛИ Е. В. Безмен). Обсуждение доклада во Всероскомдраме вскрывает специфические особенности взаимоотношений внутри литературного сообщества эпохи, позволяет прояснить как место Белого в литературном процессе и театральной политике, так и нюансы работы Всероскомдрама, мотивы и основания его действий.

Премьера спектакля МХАТа «Мертвые души» в постановке К. С. Станиславского, ставшая началом широкой дискуссии в нескольких институциях, состоялась 28 ноября 1932 г. Первое обсуждение во МХАТе под председательством Вс. В. Вишневского прошло по свежим следам — всего через неделю после премьеры (6 декабря 1932 г.). В «беседе» принимали участие М. А. Булгаков, В. Г. Сахновский (как авторы первоначального плана постановки), К. С. Станиславский, В. О. Топорков (исполнитель роли Чичикова), О. С. Литовский (новый председатель Главреперткома, входивший в секцию критиков Всероскомдрама) и др. [см.: РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Ед. хр. 672: 1—7]. Обсуждались прежде всего особенности воплощения К. С. Станиславским «актерского» спектакля и работа режиссера с актерами, перспективы инсценировки «Мертвых душ» (источник представляет собой черновой автограф Вишневского, отражающий основные положения дискуссии; многое, вероятно, не отражено

² См.: Дискуссия по докладу Андрея Белого о постановке «Мертвых душ» во МХАТе / Вступ. ст. Н. А. Дровалева, К. И. Плотникова // Литературный факт. 2017. № 6. С. 281—337.

ничего подобного за все последние годы на литературных собраниях не бывало...» [Гладкова 1978: 175]. На слушателей произвело впечатление не только содержание речи Белого, но и его манера говорить и двигаться во время доклада. А. К. Гладков вспоминал:

Сразу поразили его плавный, грациозный жест и необычайная манера говорить, все время двигаясь и как бы танцуя, то отходя назад, то наступая, ни секунды не оставаясь неподвижным, кроме нечастых, сознательно выбранных и полных подчеркнутого значения пауз. Сначала это показалось почти комичным, потом стало гипнотизировать, а вскоре уже чувствовалось, что это можно говорить только так... Иногда он низко приседал и, выпрямляясь по мере развертывания аргументации, как-то очень убедительно физически вырастал выше своего роста. Он кружился, отступал, наступал, приподнимался, вспархивал, опускался, припадал, наклонялся: иногда чудилось, что он сейчас отделится от пола [Гладков 1986: 279].

20 января 1933 г. в газете «Советское искусство» вышла статья Андрея Белого, носившая заглавие «Непонятый Гоголь» и представлявшая собой отредактированную стенограмму его доклада, где все желающие могли с ней ознакомиться. На 26 января были назначены прения по докладу Белого, которые прошли в кругу критиков и драматургов — членов Всероскомдрама. Мнения Белого на выступлениях и в обсуждении Гоголя имели несомненный резонанс, как и на обсуждении постановки «Ревизора» в конце 1926 г. Однако к началу 1933 г. политическая ситуация в стране изменилась, что сказалось на отношении и к докладу, и к самому Белому. 23 апреля 1932 г. было выпущено Постановление партии «О перестройке литературно-художественных организаций», по которому ликвидировались различные группировки и объединения мастеров литературы и искусства. В этой атмосфере и проходили прения — заседание было многочленным, хотя не было ни Булгакова, ни артистов, задействованных в постановке (известно, что В. О. Топорков слушал доклад Белого 15 января [см.: Булгаков 1989: 241]). Наибольшее внимание участники дискуссии уделили трем темам: мистике у Гоголя и Белого, социальному вопросу — крестьянским волнениям 30-х гг. XIX в. и наконец образу Костанжогло как предвестника новой формации.

В стенограмме доклада Белого 15 января отражено указание на гоголевскую мистику (один из слушателей выкрикивает: «Мистически!»), однако Белый выступает против такого «обвинения»:

Нет, не мистически и не реалистически. Мистика Гоголя заключается в умении читать детали через микроскоп. Деталь в художественном произведении никогда не бывает случайна. Вопрос в том, чтобы читатель действительно ощупал текст и поставил произведение сообразно с этими деталями. Это совершенно не случайно, а в плане организованной постановки великолепным режиссером Гоголем, когда Чичиков обнаружил впервые свое кривое свойство у Манилова. (До сих пор мы ничего не знаем о Чичикове.) Сейчас надвигается гроза. Тройка сбивается с дороги, темно, боковой ход лошади... при этом все время Чичиков едет боковым ходом и попадает, когда едет к Собакевичу, попадает к Коробочке, едет к Коробочке, попадает к Ноздреву и т<ак> д<алее>. На первом же перегоне от Манилова раздражается гром. Бричка опрокидывается, у Чичикова перемазан бок в грязи. Тройка упирается в ворота. Наконец он входит в неизвестный покой [Дровалева, Плотников 2017: 296—297].

Очевидно, что значимость детали не имеет ничего общего с мистикой. Белый имеет в виду особое гоголевское видение детали — «через микроскоп». Докладчик не только остается непонятым некоторыми слушателями, но и сам обвинен в мистицизме, о чем говорит М. Ю. Левидов, уводя дискуссию в непрофессиональное русло — дальше от опасной темы:

Я попытаюсь, это будет, может быть, встречено в штыки, но я попытаюсь сказать, что мне не нравится в Гоголе, почему я его считаю во многом очень гениальным и во многом очень плохим писателем. Самый метод постановки Белого. Ему здесь бросили слово — мистика. Это нелепое обвинение, но есть мистика, которая происходит от английского слова «мистейк» [«mistake»], что означает [ошибка]. Тогда получается совершенно правильно: у него было столько словесной мистики, столько эквилибристики, что стало невозможно. Говорить о том, что Казань — это наказание, что чубары имеют ведущее значение, что колесо... почему-то в самом начале колесо не дойдет до Казани... можно было проще сказать. Я читал в одной книжке, что «роман», если читать наоборот, получится «амор», тут что-то есть, писал об этом очень талантливый человек Мережковский. Тут что-то есть. По-русски это значит яма, по-японски — гора. Может быть, он сказал это в порядке режиссерского эффекта — тогда другое дело. Но вот это самое «наказание», чубары, попал или не попал, — это типичное свойство гиперболы... [Дровалева, Плотников 2017: 309].

Далее Белый в ответном слове на примере собственных штудий объясняет, что процесс создания произведений — это не мистика, а кропотливый труд. Белого в кон. 1920 — нач. 1930-х гг. часто называли мистиком. Предметом нападок становилась не его литературоведческая теория и даже не связь с антропософами, так как о ней знали немногие, а репутация Белого-символиста. Его называли «мистиком» по инерции. Подобный выкрик был нормальной попыткой задеть Белого. В 1927 г. вышла статья литературоведа и критика И. М. Машбиц-Верова под названием «Блок и современность», представляющая собой вступительную статью к изданию «Блок А. Избранные стихотворения» [см.: Машбиц-Веров 1927]. Белый, прочтя предисловие Машбица-Верова, пришел в отчаяние, так как он обвинялся в мистицизме и дурном влиянии на А. А. Блока. Белый воспринял статью Машбица-Верова как очередное подтверждение тому, что в пространстве советской литературы «мистику» места не предусмотрено [см.: Котрелев 2005].

В атмосфере, «сулящей иллюзии свободы, слово Белого, разрушающее традицию и в понимании творчества Гоголя и в сценической интерпретации его произведения, прозвучало еще более смело, чем на обсуждении “Ревизора”» в 1927 г. [Николеску 2018: 627]. Поэтому некоторые его реплики в ответ на замечания воспринимались острее:

А. БЕЛЫЙ. — Это можно доказать, какое было мракобесие. Вы читаете книгу, а видите фигу.

ПАУШКИН. — Это аргумент очень красочный, но несерьезный. Прочтите переписку с друзьями и там Вы увидите. Каждый из нас читает с точки зрения различных методических установок и видит разное. Поэтому я считаю, что Ваш аргумент несерьезен и недостоин Вашей эрудиции.

А. БЕЛЫЙ. — У меня нет никакой эрудиции [Дровалева, Плотников 2017: 306].

Такой ответ член Всероскомдрама М. М. Паушкин получает после обсуждения социального фона в творчестве Гоголя. В процессе дискуссии литературовед и критик В. В. Ермилов указал на важ-

ность крестьянских восстаний для Гоголя, Паушкин утверждал, что к народным волнениям писатель относился как реакционер, а также полагал, что помещик — это благородный хозяин по отношению к «черномазому» крестьянину, который подчиняется («Такое мракобесие было», — говорит Паушкин).

По свидетельству участника, чей анонимный репортаж был опубликован в «Советском искусстве» 2 февраля 1933 г., дискуссия длилась долго [см.: Литературное наследство 2016: 750]. Белому были брошены обвинения в эстетствующем формализме и завышенных требованиях, предъявленных постановке Художественного театра. Ответные реплики и «заключительное слово Андрея Белого» превратились в оправдательную речь. Писатель отметил подмену литературоведческого анализа поисками революционных настроений в творчестве Гоголя, а Гоголя — «фоном Гоголя». В ответ на обвинения в эстетствующем формализме Белый указал на разницу между «эстетством» и эстетизмом:

Должен сказать, что от эстетства я бежал за границу. В 1909 г <оду> я написал, что нам ближе Чехов, что с этим нежитем Метерлинком нам нечего делать. Стало быть, с этими элементами Мережковского, если и нужно о ком говорить, то рекомендую вам... Есть некоторые вещи, от которых я не отрекусь. Борясь с эстетизмом, мне пришлось захватным правом писать статьи о Гегеле, Каутском. Есть эстетизм, с которым я начал бороться раньше вас. Есть другой эстетизм, который вытекает из бесконечности, конкретности человеческой силы и мощи, тот эстетизм, который покончит с этими формами искусства и выльется в эстетизм, концерт машин, человеческих отношений... За этот эстетизм, за творчество жизни, за безграничные возможности я буду бороться и драться до последних пядей и ничего не отдам [Дровалева, Плотников 2017: 330].

В 1910 г. в статье «Кризис сознания и Генрик Ибсен» Белый писал об эстетизме, в частности, как об умении воспроизводить литературные стили определенной исторической эпохи. Стилизация, основанная на особом эстетическом восприятии эпохи, по Белому, приводит к рождению таких творческих схем, которые не лежат ни в основе какого-нибудь стиля: «Как скоро совершается такой переход к собственному стилю, эстетизм уже не имеет места: всякое сильно выраженное художественное творчество сопря-

жено с выработкой собственного стиля» [Белый 2012: 129—130]. Именно с таким эстетизмом борется Белый и отмечает, что будет бороться за эстетическое познание и «творчество жизни» — творческий акт будущего как эстетический и этический идеал.

Несмотря на оправдательный тон заключительного слова, Белый весьма «остроумно отпарировал обвинения своих оппонентов, указав, что упреки, брошенные ему, в мистицизме и субъективном толковании гоголевского текста ни на чем не основаны» [Литературное наследство 2016: 750]. Восторженный отзыв о докладе Белого оставил в дневнике Вишневский:

Ночь на 27/1 <19>33. Был на дискуссии по докладу Белого. — Перед мастерством, манерой и обликом Белого ужасны эти <1 слово нрзб> Левидовы... — Ермилов был очень корректен, но непоправимо “политграмотен”. Метод не тот! Сухо... Белый разбил и покорила аудиторию сиянием, умом, возбужденностью [Корниенко 2015: 246].

Очевидно, что Андрей Белый нашел «молчаливую» поддержку в лице Всеволода Вишневского. Несмотря на напряженную атмосферу и упреки, прозвучавшие на обсуждении доклада, перед Белым, благодаря членству во Всероскомдраме, открылась (хоть и небольшая) возможность участия в литературном процессе, за которую он с радостью ухватился.

СОКРАЩЕНИЯ

Белый 2012 — *Белый А.* Кризис сознания и Генрик Ибсен // *Белый А.* Собрание сочинений. М., 2012. Т. 8: Арабески. Книга статей. Луг зеленый. Книга статей.

Булгаков 1989 — *Булгаков М. А.* Письма: Жизнеописание в документах. М., 1989.

Гладков 1986 — *Гладков А. К.* О Белом // *Гладков А. К.* Поздние вечера. Воспоминания, статьи, заметки. М., 1986.

Гладкова 1978 — Гладкова С. Счастье общения // Воспоминания о Ф. Гладкове. Сб. М., 1978. С. 164—186.

Дровалева, Плотников 2017 — Дискуссия по докладу Андрея Белого о постановке «Мертвых душ» в МХАТе / Вступ. ст. Н. А. Дровалевой, К. И. Плотникова // Литературный факт. 2017. № 6. С. 281—337.

Корниенко 2015 — Корниенко Н. «Неужели судьба моя — вечно война, о войне...». О дневниках Вс. Вишневого и нашем отношении к истории // Наш современник. 2015. № 12. С. 243—270.

Котрелев 2005 — Андрей Белый. Конспект введения к лекции «Блок». (Тифлис 1927 г.) / Публ. и вст. ст. Н. В. Котрелева // Наше наследие. 2005. - 2005. № 75—76. С. 103—127.

Литературное наследство 2016 — Литературное наследство. Т. 105: Андрей Белый. Автобиографические своды: Материал к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х гг. М., 2016.

Малмстад 1993 — Из «секретных» фондов в СССР / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. Вып. 12. М.; СПб., 1993. С. 342—361.

Машбиц-Веров 1927 — Блок А. Избранные стихотворения / Ред. П. Медведева. Вступ. ст. И. Машбиц-Верова. М., 1927. С. XI—LII.

Николеску 2018 — Николеску Т. Белый — театральный критик // Андрей Белый после «Петербурга». М., 2018. С. 617—635.

Плотников 2015 — Плотников К. И. История литературной организации Всероскомдрам (по материалам Отдела рукописей ИМЛИ РАН): дис. ... канд. филол. н. М., 2015.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГБ — Российская государственная библиотека.

Информация об авторе: Наталья Алексеевна Дровалева, аспирант II года, научный сотрудник Отдела рукописей Инсти-

тута мировой литературы им. А.М. Горького РАН, МГУ имени М. В. Ломоносова; Москва, Россия; e-mail: n.drovaleva@mail.ru.

About the author: Natalia A. Drovaleva, postgraduate student, scientific officer at the manuscripts department of A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS, Lomonosov Moscow State University; Moscow, Russia; e-mail: n.drovaleva@mail.ru.

Дарья Луговская (Москва)

История создания мемуаров В. Ф. Ходасевича о М. Горьком

Daria Lugovskaia (Moscow)

The History of Creation of V. F. Khodasevich's Memoirs about M. Gorky

Резюме. В данной статье разбирается текстологическая история главы книги мемуаров В. Ф. Ходасевича о Горьком. Семь очерков, опубликованных в периодике в 1936—1940 гг., сравниваются с итоговым вариантом текста, который вошел в «Некрополь». Творческая история воспоминаний о писателе — частный случай, на примере которого можно осветить некоторые вопросы поэтики, стратегию авторского редактирования книги и то, почему глава помещена в книгу наравне с мемуарами о символистах. В главу книги последовательно не включаются фрагменты из очерков, рассказывающие об отношении Горького к политическим событиям первых лет власти большевиков — подобная стратегия редактирования восходит к поэтике книги воспоминаний и, отчасти, к обстоятельствам биографии самого Ходасевича.

Ключевые слова. Поэтика, русский модернизм, критика русского модернизма, литература русской эмиграции, мемуаристика, житнетворчество, текстология, В. Ф. Ходасевич, М. Горький.

Abstract. This work deals with the textual history of one chapter of V. F. Khodasevich's memoir book "Necropolis". Seven memoir essays were published in journal and newspapers from 1936 to 1940, they are compared with the memoirs about Gorky in "Necropolis". History of writing memoirs about M. Gorky shows some aspects of the poetic of the whole book, strategy of author's book editing and the reason why the chapter is placed in the book about the symbolists and other writers of the 1900—1920s. The chapter about Gorky does not includes fragments from essays about

Gorky's attitude to the political events of the 1917—1936s — such editing strategy goes back to the poetics of the book of memoirs and to the facts of Khodasevich's biography.

Keywords. Poetics, Russian modernism, criticism of Russian modernism, literature of the Russian emigration, memoirs, life-creational practices, textual criticism, V. F. Khodasevich, M. Gorky.

Книга воспоминаний В. Ф. Ходасевича «Некрополь» была издана в Брюсселе в 1939 г. Хорошо известно, что до этого, с середины 1920-х гг., Ходасевич создавал мемуары о поэтах и писателях-современниках, с которыми он был знаком, а также критические статьи об их произведениях. С 1925 г. очерки печатались в эмигрантских газетах «Дни», «Возрождение», «Сегодня», «Последние новости» и в журнале «Современные записки». Как правило, большая часть очерков публиковалась как некролог — отклик на смерть литератора или же появлялась к одной из памятных дат (год, пяти- и десятилетие со дня смерти, юбилей). В марте 1939 г. фрагменты очерков, печатавшихся в периодике, были соединены в книгу, вышедшую в издательстве «Петрополис» в Брюсселе незадолго до смерти автора. «Некрополь» основательно прокомментирован Н. А. Богомоловым в собрании сочинений поэта, изданном в 1997 г. [см.: Ходасевич 1997: 536—570], однако текстологический аспект при этом практически не затрагивался¹. Текстологический комментарий к каждой из глав «Некрополя» поможет осмыслить логику его композиции и проследить эволюцию замысла автора — в данной статье мы остановимся на истории создания главы о М. Горьком. На примере этого частного случая мы осветим некоторые вопросы поэтики книги и то, какую роль в «Некрополе» играет глава о Горьком, как она корреспондирует с «символистскими» главами.

¹ Стоит отметить, что попытка комментирования, учитывающего историю создания текста, была предпринята Н. А. Богомоловым: при публикации мемуаров «Андрей Белый» в юбилейном издании в сносках были обозначены расхождения между главой «Некрополя» и несколькими предшествующими публикациями очерков о поэте [см.: Богомолов 2013].

Большинство исследователей, затрагивавших проблему композиции «Некрополя», делили главы книги на две группы. Н. А. Струве отмечает единство первых четырех очерков о символистах (В. Я. Брюсов, А. Белый, Н. И. Петровская, Муни) и глав о писателях из народа (М. О. Гершензон, Ф. К. Сологуб, Горький, С. А. Есенин) [см.: Струве 1978: 108]. Интересна точка зрения Д. Брукса, который доказывает, что структуру «Некрополя» определяют две авторские цели: познакомить читателя с символистским житнетворчеством в первых пяти главах и представить альтернативный, несимволистский вариант в главах о Горьком и Гершензоне [см.: Brooks 2016: 114]. Богомолов в противовес главам о символистах объединяет главы о Гершензоне, Сологубе, Есенине, Горьком, видя в них движение от символистского мира к «столкновению со смертью и реальностью власти» [Богомолов 1996: 11]. Но, как мы постараемся проиллюстрировать ниже, при сравнении «Некрополя» и очерков Ходасевича из периодической печати хорошо заметно, что автор уходил от открытой критики советской власти. В связи с этим можно отчасти поспорить с приведенными выше суждениями: «Некрополь» сложно разделить на две части по признакам «главы о символистах — несимволистский вариант биографии» или «главы о символистах — главы о конфликте художника и власти»: этой поляризации мешают мемуары о Горьком. Это предположение можно расширить — попытаться ответить на вопрос: что объединяет сюжеты глав на глубинном уровне, почему они расположены именно в этой последовательности?

Глава «Некрополя» «Горький» в книге датирована годом смерти героя (1936). Этому итоговому варианту мемуаров предшествовали семь очерков, опубликованных в газете «Возрождение» и журнале «Современные записки» с ноября 1936 по май 1938 г. Мы сравнили их с текстом главы «Некрополя» и выявили, что именно автор последовательно включал в книгу воспоминаний, а что оставлял в стороне. За рамками данной статьи остается та же работа, проделанная с остальными главами «Некрополя», которая позволяет сделать ряд выводов о стратегиях авторского редактирования книги.

Перечислим мемуарные очерки о Горьком, написанные Ходасевичем в 1936—1939 гг.

Дата написания	Название очерка	Место и дата публикации
1936	Из воспоминаний о Горьком	В., 28.11.1936
1937	Горький (воспоминания)	СЗ. 1937. LXIII
1937	О Горьком (из воспоминаний)	В., 10.12.1937
1938	Беседа (из воспоминаний)	В., 14.01.1938
1938	О смерти Горького	В., 18.03.1938
1938	«Литературная летопись. Снова о Горьком (за подписью “Гулливвер”)» и «Смесь. Прогресс»	В., 8.04.1938
1938	Завтрак в Сорренто	В., 6.05.1938
1939	Максим Горький	СЗ. 1940. LXX

В связи с тем, каким образом Ходасевич строит воспоминания, необходимо описать его исследовательский метод. Мы имеем в виду биографический, или генетический подход, «раскрывающий связь между поэтом и поэзией» [Вейдле 1930: 4]. Он заключался в соединении исследования биографии и анализа произведений. В воспоминаниях о Горьком Ходасевич дает равноценное соотношение биографии писателя и анализа его пьесы «На дне». Напротив, мемуары о Есенине и Сологубе из-за эпизодического знакомства автора с поэтами практически полностью основаны на литературном анализе. Ходасевич, работая над мемуарами, действует так, как, в его представлении, строил свое творчество А. С. Пушкин: он соединяет биографический нарратив и комментарии к поэтическому творчеству, восстанавливая «механизм» создания стихотворений².

Горького не стало 18 июня 1936 г., первая статья Ходасевича о нем («Из воспоминаний о Горьком») публикуется в «Возрождении»

² Нагляднее всего это прослеживается в главах о Сологубе и Есенине — поэтах, с которыми автор был знаком достаточно поверхностно и поэтому подменил рассказ об их жизни анализом поэзии [см.: Ходасевич 1997: 110—116; 122—127; 132—150]. Если выйти за рамки «Некрополя», можно отметить, что многие события из мемуаров «Младенчество» прочитываются как указание на биографическую основу стихотворений поэта.

почти через полгода. Это некролог, в котором повествуется о годах знакомства с Горьким [Ходасевич 1936].

В 1937 г. в журнале «Современные записки» появилась следующая заметка Ходасевича — «Горький (воспоминания)» [Ходасевич 1937]. Упомянутая публикация — редкий пример того, как автор без изменений перепечатывает статью из «Возрождения» и немного дописывает ее для журнала. Этот очерк 1937 г. и составил основу главы «Некрополя» (были внесены незначительные изменения).

Очерк «О Горьком (из воспоминаний)» [Ходасевич 1937а] станет одной из частей статьи о Горьком 1940 г. Значимое различие: в первом очерке Ходасевич практически не упоминает о Маре (М. И. Будберг), которой в посмертной публикации Ходасевича уделено значительное место — к этому мы вернемся чуть ниже.

В очерке «Беседа» [Ходасевич 1938: 9] Ходасевич рассказывает о попытке распространять в России эмигрантский журнал, одним из основателей которого он был. Название журнала было выбрано в память «Беседы любителей русской словесности» Г. Р. Державина. Редакцию литературного отдела составляли Горький, Ходасевич и Белый, небольшой тираж печатался в Берлине. Продажа журнала в советской России была запрещена, и Ходасевич считал это политическим актом, одной из целей которого было выманить «буревестника революции» из эмиграции. После ссоры с Горьким о месте издания журнала, описанной в очерке, отношения писателей прервались. Как отмечает Ходасевич в письме М. М. Карповичу от 7 апреля 1926 г.: «<...> произошел разрыв с Горьким <...> я устал от двуличности и лжи (политической!), устал его изобличать. А делать вид, будто не замечаю, — не могу. Это значило бы — лгать самому <...>» [Ходасевич 1997: 499]. Содержание очерка «Беседа» автор почти полностью включает в свои последние мемуары, посмертно опубликованные в «Современных записках» (текст «Максим Горький»), и частично — в «Некрополь».

С марта по май 1938 г., к семидесятилетию Горького, в литературно-критическом подвале «Возрождения» были напечатаны

еще три статьи Ходасевича и одна заметка Гулливера³ о писателе. Очерк «*О смерти Горького*» — сугубо политический. Ходасевич видит причиной смерти писателя «осложнение давней болезни». Мемуарист вновь, как и в очерке 1937 г., обвиняет Горького в «создании иллюзий»: «Этому “великому реалисту” поистине нравилось только все то, что украшает действительность <...> очередным героем его воображения в ту пору сделался сам Ягода <...> чудесный “перековыватель душ”» [Ходасевич 1938а: 7].

В очерке «*Литературная летопись. Снова о Горьком*» [Гулливвер 1938: 9] Ходасевич анализирует публикации, появившиеся в советской периодике к юбилею Горького. Эту статью логичнее отнести к ряду критических очерков, её текст не был включен в «Некрополь».

В двух заметках, опубликованных 8 апреля 1938 г. («*Смесь. Прогресс*» [Ходасевич 1938б: 9] и «*Завтрак в Сорренто*» [Ходасевич 1938в: 9]), Ходасевич вспоминает о повседневных событиях из жизни в доме Горького на соррентийской вилле в октябре 1924 — апреле 1925 г.

Содержание этих очерков в «Некрополь» не включается. Причину того, что большинство из «политических» тем не войдет в главу о Горьком отчасти объясняет сам Ходасевич. В самом начале главы он объявляет, что не будет затрагивать «<...> всей области политических взглядов <...>» Горького, чтобы не пришлось «<...> слишком близко коснуться некоторых лиц, ныне здравствующих<...>»:

Всего, что мне сохранила память, я не берусь изложить сейчас, потому что это заняло бы слишком много места и потому, что мне пришлось бы слишком близко коснуться некоторых лиц, ныне здравствующих. Последнее обстоятельство заставляет меня, между прочим, почти не касаться важной стороны в жизни Горького: я имею в виду всю область его политических взглядов, отношений и поступков. *Говорить все, что знаю и думаю, я сейчас не могу, а говорить недомолвками не стоит <...>* [Ходасевич 1997: 156].

Поэтому в главу книги последовательно не включаются фрагменты из очерков, рассказывающие об отношении Горького

³ Общий псевдоним Ходасевича и Н. Н. Берберовой

к политическим событиям первых лет власти большевиков. Эту особенность мы отметили и в других главах «Некрополя» — повторимся, что подробный разговор о них логичнее оставить за рамками данной статьи.

Подобную стратегию редактирования — исключение большинства критических высказываний о советской России из очерков, составивших «Некрополь», — можно объяснить и обстоятельствами биографии самого Ходасевича. В 1935—1937 гг. несколько мемуарных текстов — «Белый коридор», «Законодатель» («Новый Ликиург») — редактируются и печатаются повторно, со смягченной критикой советской власти, в связи с тем что Ходасевич надеется на смену «литературного климата» в СССР и на возможное возвращение из эмиграции. К 1939 г. он уже не питает иллюзий ни по поводу возвращения в советскую Россию, ни об особой культурной роли эмиграции, но «политических моментов» в мемуарах избегает. Все же можно считать, что Ходасевич имплицитно осознавал «Некрополь» как потенциальный «пропуск» в СССР, и идея возвращения подтолкнула автора не включать в книгу ряд политических мест очерков.

С другой стороны, стоит вспомнить о враждебном отношении эмигрантов к Горькому и о канонизации «буревестника революции» в СССР: Ходасевич мог не касаться «всей области его (Горького. — Д. Л.) политических взглядов» [Ходасевич 1997: 155], дабы не приближаться к этим двум крайностям. Важно и то, что фигуры Есенина и Горького (особенно последнего), более чем критично воспринимались в эмигрантской среде. Примечательно, что автор включает в «Некрополь» факсимиле письма Горького — подобных примеров в других главах книги нет. Мы полагаем, что Ходасевичу было важно привести документальное свидетельство намерения Горького разорвать отношения с советской Россией и обосновать перед аудиторией историчность и правдивость собственного рассказа.

Следующий момент, на котором необходимо остановиться, — сходство мемуаров о Горьком с другими главами книги.

В воспоминаниях о писателе отчетливо прослеживается линия жизнетворчества — она заметна не только в первых четырех «символистских» главах, как уже отмечалось в изученной нами литературе⁴, но и в главах о «не символистах» — Есенине, Горьком. Приведем несколько цитат из «Некрополя»:

Упорный поклонник и создатель возвышающих обманов, ко всякому разочарованию, ко всякой низкой истине он относился как к проявлению метафизически злого начала [Ходасевич 1997: 171].

<...> биография Горького-самородка, Горького-буревестника <...> сложилась и окрепла в известных слоях общества. Нельзя отрицать, что все эти героические черты <...> были проведены судьбою совсем не так сильно, законченно и эффектно, как в его биографии идеальной или официальной <...> влекомый обстоятельствами, славой, давлением окружающих, он ее принял, усвоил себе раз и навсегда вместе со своим официальным воззрением, а приняв — в значительной мере сделался её рабом. Он считал своим долгом стоять <...> в том образе и в той позе, которых от него эти массы ждали и требовали в обмен за свою любовь [Ходасевич 1997: 179].

Эта мысль о создании своей биографии по навязанным извне моделям перекликается с главами «Некрополя» о Есенине и Петровской. Три сюжета объединяет пассивное жизнетворчество.

Все литературные портреты «Некрополя» скрепляет единый стержень — идея о воплощении в жизнь выдуманных идеалов, приводящем к глубокому разочарованию. Наличие соответствующей сюжетной линии в биографии современника Ходасевича и в воспоминаниях о нем становится важным принципом для помещения мемуаров в «Некрополь»⁵.

Публикация факсимиле письма в главе о писателе в этом свете видится как весомое доказательство, прикрепляемое

⁴ Первым «символистские» главы объединил В. В. Вейдле [см.: Вейдле 1939], о том же в рецензиях писали цитированные выше Струве [см.: Струве 1938], В. С. Яновский [см.: Яновский 1939], в научных публикациях — Богомолов [см.: Богомолов 1996: 10—11], Брукс [см.: Brooks 2016].

⁵ Здесь следует вспомнить, что многие воспоминания о современниках Ходасевич не включает в «Некрополь», напр., «Памяти Садовского» (1925), «Виктор Гофман» (1925, 1936), «С. Я. Парнок» (1933), «Памяти С. Кречетова» (1936) — список можно продолжить.

к мемуарам, которые оправдывают сближение «буревестника революции» с большевиками, предопределенное особенностями характера Горького и исполняемым им, по мнению Ходасевича, жизнетворческим сценарием.

В разговоре об особенностях редактирования воспоминаний для нас особенно интересен последний очерк — «Максим Горький» (1940): здесь снова появляется ряд сюжетов, характерных для глав «Некрополя». Анализ мемуаров позволяет яснее ответить на вопрос, почему Ходасевич включил в «Некрополь» воспоминания о Горьком и чем объясняется исключение из главы ряда сюжетных линий.

Очерк был опубликован в журнале «Современные записки» почти через год после смерти автора. Статья начинается напоминанием читателю о предыдущей публикации воспоминаний: Ходасевич, видя в советской прессе искажение, умалчивание фактов о жизни Горького за границей, считает своим долгом «сохранить для будущего хотя бы те сведения, которыми <...> располагает» [Ходасевич 1940: 132], что в целом отвечает замыслу книги мемуаров. Для этого он берется очертить «политическую сторону его (Горького. — Д. Л.) жизни» [Ходасевич 1940: 131], исключенную из «Некрополя». Первая часть журнальной статьи 1940 г. с незначительными изменениями повторяет публикацию «О Горьком (из воспоминаний)» (1937). Опровергая сообщения официальных советских учреждений о том, что писатель уехал за границу для лечения, Ходасевич сообщает о фактах, предшествующих отъезду: о таганцевском деле — «Горький делал неслыханные усилия, чтобы спасти привлеченных по делу <...>» [Ходасевич 1940: 139], о создании 21 июля 1921 г. Всероссийского комитета помощи голодающим, членов которого арестовали, а Горький, посредник между учредителями и ЦК, «сделался провокатором» [Ходасевич 1940: 141]. В сложившейся ситуации писатель решил «воспользоваться советами Ленина» и уехал в Германию.

Основу второй части статьи составил очерк «Беседа». Однако Ходасевич вносит в него некоторые значимые, на наш взгляд, изменения. В этом тексте он подробнее расшифровывает фразу

об аресте «некоторых людей, близких Горькому». Этот сюжет про возможный арест З. И. Гржебина, А. Н. Тихонова, редактора «Всемирной литературы» и друга Горького, и Будберг («замыслился удар в самое сердце Алексея Максимовича») уже обозначился в ранней статье «О Горьком (из воспоминаний)» (Ходасевич 1937а). Здесь Ходасевич прибегает к уже использованному им в других мемуарных очерках приему — называет героя вымышленным именем: Мария Игнатьевна Будберг — Мара, «условное имя, освещенное традицией» [Ходасевич 1940: 136]; в газете после упоминания имени баронессы следует авторский пропуск (отточие), в «Современных записках» мемуарист дает некоторые пояснения. Отметим, что автор допускает неточность: прозвище Марии Игнатьевны Будберг, урожденной Закревской, по первому мужу Бенкендорф — Мура. Думается, Ходасевич здесь намеренно искажает имя героини потому, что Будберг еще жива во время создания мемуаров. Под этим именем она была широко известна в своем окружении, а значительно позже изображена в посвященной ей книге Берберовой «Железная женщина». Урожденная Закревская, она считалась праправнучкой Аграфены Федоровны Закревской, «медной Венеры»⁶, и этот миф старательно поддерживала (Ходасевич, как указывает Берберова, так и не разуверился в этой истории [Берберова 1999: 214; Шубинский 2012: 343]). Эта пушкинская линия продолжает ряд аллюзий на творчество и биографию поэта и, шире, на литературную традицию XIX в. Возможно, автор подразумевал ее, включая мемуары о Горьком в книгу воспоминаний, поскольку пушкинские аллюзии занимают важное место в творчестве Ходасевича, особенно — в «Некрополе»⁷. В главах книги воспоминаний под-

⁶ Пушкин пишет П. А. Вяземскому 1 сентября 1828 г.: «Я пустился в свет, потому что бесприютен. Если бы не твоя медная Венера (Закревская), то я бы с тоски умер. Но она утешительно смешна и мила. Я ей пишу стихи. А она произвела меня в свои сводники» [Пушкин 1982: 263]. Закревской адресованы стихотворения «С своей пылающей душой...» (1828), «Твоих признаний, жалоб нежных...» (1828), «Счастлив, кто избран своенравно...» (1828).

⁷ Биография Державина и, в особенности, Пушкина составляла каркас биографического мифа самого Ходасевича; см. подробнее: [Uspenskiĭ 2018]

светка классической литературой дана неравномерно: указания на предыдущую эпоху не встречаются в частях о Брюсове, Сологубе и Горьком — по Ходасевичу, эти герои наименее связаны с «золотым веком» литературы, их творчество — порождение десятилетия заката классической традиции. Тем не менее, в последнем тексте о Горьком «пушкинская линия» все же присутствует, что вписывает воспоминания о писателе в контекст «Некрополя».

Эту сторону редактирования мемуаров можно связать и с отношением Ходасевича к эмигрантскому празднованию пушкинского юбилея в 1937 г., в котором сам он не участвовал: «<...> нет моих сил преодолеть отвращение к эмигрантской пошлятине, разведенной вокруг Пушкина» (из письма А. Бему 4 февраля 1937 г.) [Толстой 2007: 18]. Ходасевич уменьшает количество этих отсылок в книге воспоминаний по сравнению с очерками. Это представляется возможным объяснить тем, что к 1939 г. Ходасевич внутренне отказался от перспективы реализовать себя как пушкиниста, написав биографию поэта⁸.

В опубликованных посмертно воспоминаниях Ходасевич уделяет важное место фигуре Будберг, создававшей вокруг себя миф и помогавшей Горькому «творить свою биографию». Так, в конце 1923 г. писателю поступило предложение печататься в эмигрантских изданиях. И в статье «Максим Горький» появляется эпизод с деятельным влиянием Мары на его решение: «<...> она сумела мне сделать ясное дипломатическое представление о том, что ее монархические чувства мне ведомы <...> Для блага Алексея Максимовича и всей семьи надо не ссорить его с большевиками, а, наоборот, всячески смягчать отношения» [Ходасевич 1940: 145]. Мару же Ходасевич обвиняет в том, что под ее давлением Горький пошел на сближение

⁸ Приведем эпистолярное высказывание самого Ходасевича об отказе написать книгу о биографии Пушкина и от собственного поэтического творчества: «<...> последняя вспышка болезни и отчаяния были вызваны прощанием с Пушкиным. Теперь и на этом, как и на стихах, я поставил крест. Теперь нет у меня ничего. Значит, пора и впрямь успокоиться и постараться выживать из жизни те маленькие удовольствия, которые она еще может дать, а на гордых замыслах поставить общий крест» [Ходасевич 1997: 520].

с партийной печатью: «<...> его (Горького — Д. Л.) засадила писать воспоминания о Ленине <...>» [Ходасевич 1940: 145]. Как мы уже отмечали, вымышленное имя «Мара» появляется только в статье 1940 г., в «Некрополе» и предыдущих очерках героя, названа настоящим именем. Если проводить аналогию с другими воспоминаниями Ходасевича (например, о Белом, Брюсове и Петровской), то будет заметна такая закономерность: «маску» получает только ныне живущий и значимый герой мемуаров. Третьестепенные персонажи всегда названы по имени. Значит, мы можем говорить о важной переработке воспоминаний о Горьком и о новом персонаже, «строившем» свою жизнь. Если в «Некрополе» тема горьковского житнетворчества уже присутствовала, то в последней статье о писателе она была развернута. Взгляд на героя через призму символистского житнетворчества в позднем очерке, вписывающемся в контекст книги мемуаров, указывает на важность для автора житнетворческого сюжета в биографии Горького.

В заключение скажем несколько слов о композиции «Некрополя». Можно заметить, что главы книги располагаются по хронологическому принципу — в порядке знакомства Ходасевича с героями мемуаров. Это — одна из логических закономерностей композиции «Некрополя». Эта последовательность в первой половине книги соблюдается: Петровская — 1902 г., Брюсов — 1904 г., Белый — 1905 г., Муни — кон. 1905 г., Гумилев — 1918 г. Далее этот порядок нарушается. Знакомство с Гершензоном — 1915 г., в главе описываются 1917—1918 гг. Мемуары о Гершензоне — пример «жизни без житнетворчества», этот герой (историк-пушкинист, что важно) находится в семантическом центре «Некрополя». Затем хронология восстанавливается: дата первой встречи с Сологубом не указана, но восстанавливается из газетных публикаций — 1911 г. [см.: Ходасевич 1997: 318]; с Есениным Ходасевич встретился в 1918 г., в мемуарах изображены 1910—1920-е гг., т.е. максимально широкие для «Некрополя» временные рамки. Хронологические рамки в главе «Горький» снова сужены: 1918—1924 гг. (дата выхода очерка Ходасевича о Брюсове, кото-

рый упоминает Горький). Говоря о Горьком, автор вспоминает о другом поколении и чуждой ему литературной среде, повествование заканчивается в 1924 г., когда Ходасевич — уже эмигрант, это снова хронологически крайняя точка книги.

Таким образом, рассмотрение истории главы о Горьком корректирует представления исследователей о логике расположения глав «Некрополя» от «жизнетворческих» к «реалистическим». И в концепции воспоминаний о «реалистическом» Горьком возобладала жизнетворческая линия, определившая судьбу писателя, усиленная в заключительной статье 1940 г. появлением нового персонажа, творившего свою биографию, — Будберг. Наиболее важная линия редактирования воспоминаний о Горьком перед созданием главы «Некрополя» — исключение целого ряда сюжетов о послереволюционных страницах биографии писателя, оценочных суждений о событиях 1917 г. Эту закономерность можно объяснить как фактами биографии самого Ходасевича, так и особенностями поэтики книги воспоминаний — подобное редактирование претерпело большинство глав «Некрополя».

СОКРАЩЕНИЯ

Берберова 1999 — *Берберова Н. Н.* Курсив мой: Автобиография. М., 1999.

Богомолов 1996 — *Богомолов Н. А.* Предисловие // Владислав Ходасевич. Некрополь. Литература и власть. Письма Б. А. Садовскому. М., 1996. С. 7—15.

Богомолов 2011 — *Богомолов Н. А.* Гулливер и Вазир-Мухтар // *Богомолов Н. А.* Сопряжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2011, С. 260—265.

Богомолов 2013 — *Богомолов Н. А.* Владислав Ходасевич // Смерть Андрея Белого. Сборник статей и материалов: документы, некрологи, письма, дневники, посвящения, портреты / Сост. М. Л. Спивак, Е. В. Наседкина. М., 2013. С. 527—549.

Вейдле 1930 — *Вейдле В. В.* Владислав Ходасевич // Возрож-

дение. 1930. № 1766. 3 апреля.

Вейдле 1939 — *Вейдле В. В.* В. Ф. Ходасевич: Некрополь // *Современные записки*. 1939. LXIX. С. 393—394.

Гулливер 1938 — *Гулливер*. Литературная летопись. Снова о Горьком // *Возрождение*. 1938. № 4126. 8 апреля.

Пушкин 1982 — Переписка А. С. Пушкина: В 2-х тт. Т. 1. М., 1982.

Струве 1978 — *Струве Н. А.* «Некрополь» В. Ходасевича // *Вестник русского христианского движения*. 1978. № IV (127). С. 105—117.

Толстой 2007 — *Толстой И. Н.* Ненужный Пушкин: История одного письма Владислава Ходасевича. Русская жизнь. 2007. №17. 21 декабря. С. 15—19.

Ходасевич 1936 — *Ходасевич В. Ф.* Из воспоминаний о Горьком // *Возрождение*. 1936. № 4054. 28 ноября.

Ходасевич 1937 — *Ходасевич В. Ф.* Горький (воспоминания) // *Современные записки*. 1937. Кн. LXIII. С. 264—292.

Ходасевич 1937а — *Ходасевич В. Ф.* О Горьком (из воспоминаний) // *Возрождение*. № 4109. 10 декабря.

Ходасевич 1938 — *Ходасевич В. Ф.* Беседа (из воспоминаний) // *Возрождение*. 1938. № 4114. 14 января.

Ходасевич 1938а — *Ходасевич В. Ф.* О смерти Горького // *Возрождение*. 1938. № 4123. 18 марта.

Ходасевич 1938б — *Ходасевич В. Ф.* Смесь. Прогресс // *Возрождение*. 1938. № 4126. 8 апреля.

Ходасевич 1938в — *Ходасевич В. Ф.* Завтрак в Сорренто // *Возрождение*. 1938. № 4130. 6 мая.

Ходасевич 1940 — *Ходасевич В. Ф.* Максим Горький // *Современные записки*. 1940. Кн. LXX. С. 131—156.

Ходасевич 1997 — *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: В 4-х тт. Т. 4. М., 1997.

Шубинский 2012 — *Шубинский В. И.* Владислав Ходасевич: Чающий и говорящий. М., 2012.

Яковлева 2004 — *Яковлева К.* Владислав Ходасевич и «Гулливер»: к проблеме авторства // *День научного творчества сту-*

дентов: Материалы конференции факультета журналистики. М., 2004. С. 142—144.

Яновский 1939 — Яновский В. С. В. Ф. Ходасевич. Некрополь // Русские записки. 1939. Кн. XVIII. С. 198—199.

Brooks 2016 — Brooks D. Vladislav Chodasevich's Necropolis: writing lives in the city of the dead // Russian Literature. 2016. № 83—84. P. 113—128.

Uspenskij 2018 — Uspenskij P. Vladislav Khodasevich in emigration: literature and the search for identity // Russian Review. 2018. Vol. 77. No. 1. P. 88—108.

Информация об авторе: Дарья Алексеевна Луговская, аспирант I года обучения, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия; e-mail: lugovskaya.da@mail.ru.

About the author: Daria A. Lugovskaia, postgraduate student, National Research University Higher School of Economics; Moscow, Russia; e-mail: lugovskaya.da@mail.ru.

«Я не в изгнании, я в послании» Нины Берберовой: канонизация фразы

Liliya Rodicheva (Moscow)

N. Berberova's "I Am Not in Exile, I Am in Epistle": Canonization of the Phrase

Резюме. Работа посвящена истории канонизации фразы «Я не в изгнании, я в послании», ставшей в измененном виде («Мы не в изгнании, мы в послании») одним из девизов русской эмиграции. Впервые сентенция появилась в 1927 г. в «Лирической поэме» Нины Берберовой, однако, начиная с 1979 г. фраза стала активно приписываться другим известным эмигрантам. Самыми популярными ложными авторами стали З. С. Гиппиус и Д. Н. Мережковский. В статье представлена попытка воссоздания процесса канонизации фразы, которая рассматривается как мем, согласно методологии Р. Г. Лейбова, который приспособил теорию Р. Докинза для анализа художественных текстов. Таким образом, мем Берберовой пережил несколько процессов: фольклоризировался, получил статус девиза и канонизировался как фраза Гиппиус и Мережковского. Важно, что оба случая ложного авторства имеют свою историю и лишь косвенно могут быть связаны с общей репутацией четы Мережковских.

Ключевые слова. Берберова, Гиппиус, Мережковский, канон, мем, русская эмиграция.

Abstract. The work is devoted to the history of canonization of the phrase "I Am Not in Exile, I Am in Epistle", which in a modified form ("We Are Not in Exile, We Are in Epistle") became one of the mottos of the Russian emigration. First the phrase appeared in 1927 in Nina Berberova's "Lyrical Poem". However, since 1979 the phrase has been actively attributed to other famous émigrés. The most popular

героя меняется, и он постепенно отделяется от «спутников» («Они <...> полны бесплодной тоской. // Не то произошло со мной») [Берберова 1927: 223]

Поэма концентрируется вокруг снов лирического героя: отрывочных снов-воспоминаний о России и одного протяженного во времени главного сновидения. Сон — важный культурный феномен, который Ю. М. Лотман назвал «семиотическим окном» [см.: Лотман 1992: 219]: с тех пор как сон перестали воспринимать как голос извне (пророчество, общение человека с потусторонним миром) и стали связывать его исключительно с опытом конкретной личности (на что повлияла в том числе популярность фрейдизма), он стал особым пространством, предназначенным для одного человека, содержащим дополнительную информацию о нем. В поэме герой сам разделяет сны: «сентиментальные», довольно достоверные сны о России и полностью фантастический сон — «незабвенный», «непорочный», «сокровенный», «небывалый», который в то же время «тяжек и прерывист». Последний основывается на библейском сюжете, а герой становится избранником, что возвышает его над остальными. Богоизбранность закрепляется в литературной традиции, как правило, за поэтами. Лирический герой Берберовой — тоже поэт, внимание на этом не акцентируется (здесь это все-таки не самое важное), лишь появляется строчка «О, жизни половина!», отсылающая к «Божественной комедии» поэта-эмигранта Данте. Длительность всего сна определяется годом, по структуре он многоуровневый — это позволяет поспорить с мыслью о его божественной природе в пользу человеческой бессознательной.

В этом сне происходит очередное преобразование: сначала герой пребывает в бесплотном состоянии («духа» и «тени»), становится свидетелем сотворения мира, описание которого приобретает торжественный тон. После должно наступить сотворение человека, и герой, в реальной жизни типизированный, здесь становится исключительным — первым человеком. Женщина через бесплотное состояние духа и тени становится мужчиной — Адамом. До этого момента строгого расхождения с ходом библейского

повествования не было, но теперь, когда ожидается разговор Бога с человеком и наказ, который потом будет нарушен, происходит резкое изменение знакомого сюжета. Грехопадения не случилось, и на самом деле не могло быть — Бог не допустил такой возможности, потому что ничего не запретил. Это меняет представление о всей картине мира, добре и зле. Бог создает симметричный (сажает два одинаковых дерева) и гармоничный мир. Эта небесная гармония противопоставлена уже отмеченному несовершенству мира земного. Когда говорится о том, что греха не было, становятся понятнее мучения героя в земной жизни, связанные с грузом греха и желанием оправдаться. Свобода обретается с осознанием невинности. Это кульминационный момент в поэме — он, во-первых, сбивает привычную и всем знакомую историю, во-вторых, глубоко сближает настоящую жизнь лирического героя и сон. Здесь и произносятся в первый раз «Я не в изгнаныи, я в посланьи»:

Я был Тобой благословен
Для вольной жизни в лоне рая.
Ты ничего не запрещал
Мне, человеку, в день творенья,
Я ничего не преступал,
Не знал соблазна и смущенья.
И если здесь я среди других—
Я не в изгнанье, я в посланье,
И вовсе не было изгнанья,
Падений не было моих!
[Берберова 1927: 227—228].

Берберова пользуется метафорой изгнания, уже укрепившейся в эмиграции ко времени написания поэмы. Однако она не ассоциирует изгнание с романтическим противостоянием, а развивает библейский сюжет изгнания из рая. Она, конечно, таким образом, противопоставляет себя остальным, и эта фраза в контексте поэмы интересна исключительностью, которую видит в этой ситуации лирический герой. Его изгнания не было, он оправдан, и не перед Россией, а перед Богом. Потребность оправдаться перед родиной исчезает, потому что разговор ведется

уже на метафизическом уровне. Рай — родина более важная, чем Россия. Происходит существенная смена взгляда: в поэме изгнание из России не оспаривается, а изгнания из рая не происходит. При этом в привычном представлении под сомнение, как правило, не ставится сюжет грехопадения, зато обсуждается изгнание из России. Интересно, что вырванная из контекста фраза Берберовой используется как современниками, так и в дальнейшей традиции, чтобы оспорить изгнание именно из России, а религиозный контекст превращается в метафору.

Когда сон обрывается, герой успокаивается. Осознание своей избранности возвышает его над остальными:

Я говорю: я не в изгнаны,
Я не ищу земных путей.
Я не в изгнаны — я в посланы,
Легко мне жить среди людей
[Берберова 1927: 230].

«Двойная жизнь» делится в одном случае на до и после отъезда, в другом — на земную жизнь «среди людей» (поэтому в качестве маркера приземленности важны бытовые детали) и жизнь, не привязанную к месту и времени в вечности райского сада. «Знак возвратимого былого, божественного духа знак» переводит героиню в другой статус. Единственный дом — не «дальний дом, забытый кров» в России, а «нерушимый, древний Дом», созданный в собственных снах. Проекцией этого дома на земле становится Париж, это нестройный, временный рай. Важно не прочитывать поэму в религиозном ключе, так как не вера становится утешением души, а внутреннее успокоение, условный рай,

К дверям которого порою,
Я приникаю, может быть,
Как к ветке лист перед грозой,
Чтоб уцелеть, чтоб пережить
[Берберова 1927: 230].

Такое заключение наравне с изображением Бога, который отказывается от власти над Адамом, и вообще вся «Лирическая поэма» — это утверждение человека. Герой «иногда, может быть», тоскует по России, но совсем не воспринимает эмиграцию как страдание. Важно отметить, что в этой картине мира нет второго Адама — Иисуса. Согласно истории героя, его и не может быть, значит, не может быть и того, о чем так любили говорить, приводя эту фразу, — жертвы и спасительной миссии.

Основной ошибкой в понимании поэмы и в использовании в дальнейшем этой фразы стала ассоциация ее, во-первых, с групповой миссией, общим делом (об этом говорит и то, что потом ее назвали «девизом» всей русской эмиграции, искажая изначально заложенный смысл). Во-вторых, ошибочно включение фразы в узкий религиозный контекст: в поэме Бог максимально условен, лирический герой на какой-то момент становится этим Богом, библейский сюжет искажается. Возможно, интенцией к этим ассоциациям стали отзывы современников на поэму Берберовой. Ю. И. Айхенвальд в «Литературных заметках» писал о «религиозной проникновенности» автора и «общем, древнем доме» для всех эмигрантов» [Айхенвальд 1927: 2—3]. Г. В. Адамович утверждал, что «автор славит Бытие божие» [Адамович 2016: 133]. Так текст довольно быстро был помещен в контекст общей, религиозной миссии эмиграции. По всей вероятности, это стало первым шагом в процессе отделения фразы от личности автора, который никогда не ассоциировался с подобными идеями.

Именно поэтому представляется важной довольно быстрая смена «Я» на «Мы». Когда это происходит, точно сказать нельзя, но изменение твердо фиксируется достаточно быстро: уже в 1933 г., когда В. Ф. Ходасевич выступает с докладом «Отчего мы погибаем» на заседании «Перекрестка». По материалам доклада потом вышла статья «Русская литература в изгнании». Так докладчик говорит о «молодежи»:

Она не нашла ни личного к себе участия, ни того общего пафоса, который мечтала встретить. «Мы не в изгнаныи, мы в посланыи!» — восклицала она

устами одного автора — и убедилась вскоре, что как раз своего посланничества сами предполагаемые учителя по-настоящему не сознают и этой идеей всего менее одушевлены в своей повседневной литературной практике [Ходасевич 1954: 226—227].

Эта замена существенно сдвигает смысл фразы и закрепляет ее в том виде, в котором она и канонизируется — «Мы не в изгнаны, мы в посланьи». Затем довольно на долгое время до 1980-х гг. в печати наступает молчание, прерванное только «Встречами» Ю. К. Терапиано, опубликованными в 1953 г. В главе «Расставание с эпохой» фраза цитируется без указания автора: «Когда-нибудь в России мы станем продолжать прерванные традиции <...> Наше духовное усилие здесь не пропадет. “Мы не в изгнаны, но в посланьи...” и так далее...» [Терапиано 1953: 148]. Это свидетельствует о том, что к 1950-м гг. фраза вошла в устную речь.

Скорее всего, за эти годы именно в устной среде она начинает приписываться другим авторам. С. Д. Довлатов в 1984 г., представляя по радио сборник стихов Берберовой, вспомнил и эту фразу:

Берберовой свойственно также осознание эмиграции как миссии; именно Берберовой принадлежит блестящая формулировка сути эмигрантского бытия, воплощенная в чеканных строчках, приписываемых в разное время Цветаевой, Зинаиде Гиппиус и Ирине Одоевцевой... [Довлатов 2016].

Письменных свидетельств, позволяющих говорить о случаях с Цветаевой и Одоевцевой нет, но вполне возможно, что какое-то время за фразой был закреплен образ именно женщины-эмигрантки, а Берберова в сознании людей в разное время «уступала» кому-то из них. Стоит отметить, что Довлатов все же вписывает фразу в контекст мысли о миссии эмигрантов.

Тексты, которые воспроизводят фразу Берберовой, представляют собой учебные пособия, литературоведческие статьи, мемуары, стихотворения. Иногда сентенция предстает в качестве устойчивого выражения, как у Терапиано; необходимость указания автора вовсе исчезает. Например, фразу используют как заглавие книги («Не в изгнании, а в послании» [Николюкин 1995]). В одном учебном пособии

встречаем: «Осознание миссии эмиграции быть не в изгнании, а в послании оказалось уделом немногих. И послание это трагично» [Калашников 2004: 159]. Кажется, что на это повлияли и имманентные свойства фразы, которая как в поэме является сильным местом, так и «удачна» сама по себе (строится на противопоставлении, части которого рифмуются, выделяя последние сильные слова: изгнание—послание). То, что фраза поэтична, отмечали и Айхенвальд, и Довлатов, и другие, ссылаясь уже, впрочем, на ложных авторов.

Системно канонизация фразы как «неберберовской» происходит в связи с Гиппиус и Мережковским. В 1979 г. в «Новом журнале» выходит одна из частей книги Р. Б. Гуля «Я унес Россию» (Германия), содержащая следующую фразу: «Пророчески верно сказал Д. С. Мережковский в 1921 г. в Париже: “Мы не в изгнаныи / Мы в посланыи!” История это подтвердила» [Гуль 1979: 111].

Есть еще один источник — статья А. В. Бахраха, опубликованная в 1980 г., в которой автор так вспоминает о выступлении Мережковского в 1921 г., на котором тот «впервые произнес» эту фразу:

И вот в Париже, весной 21-го года, на каком-то многолюдном собрании, приуроченном к едва завершившимся кронштадтским событиям, довелось мне впервые увидеть самого Мережковского <...> Тогда он, кажется, впервые во всеуслышание словно прожужжал так пришедшийся по вкусу аудитории и сопровождаемый громом аплодисментов лозунг — «Мы не в изгнании — мы в послании». Собственно, все его выступление было развернутым комментарием к этим эффектным словам [Бахрах 1980: 28].

В поздней публикации статьи Бахраха появляется ссылка на Гуля, где проговаривается, что тот так же вспоминает об этом выступлении Мережковского. Однако других источников, указывающих на конкретное выступление в 1921 г., обнаружить не удалось, поэтому эта ссылка выглядит не очень правдоподобно. Скорее всего, авторство Мережковского было искусственно сконструировано в очень узком кругу, тем более, в своей книге Гуль упоминает о дружеских отношениях с Бахрахом, который мог наблюдать процесс написания мемуаров. Заметим, что дата мнимого выступления символическая: 1921 г. для русской литературы связан

со смертью А. А. Блока и расстрелом Н. С. Гумилева. Даже допуская возможность того, что Мережковский произнес фразу, трудно объяснить всплеск внимания к ней только через шесть лет, именно после публикации «Лирической поэмы», поэтому версия Гуля и Бахраха не кажется правдивой. В 1981 г. первая часть книги «Я унес Россию» выходит уже отдельной книгой. Именно мемуары Гуля, имевшие большой успех, таким образом, запускают волну отсылок к Мережковскому.

В 1982 г. Гуль дает интервью Дж. Глэду, американскому слаviste, отснявшему серию интервью с русскими эмигрантами, по материалам которых затем была издана книга «Беседы в изгнании» [Глэд 1991]. Здесь нам важны расхождения между тем, что было произнесено на самом деле, и тем, что потом попало в книгу.

Приведем расшифровку вопроса Глэда, адресованного Гулю: «В книге “Я унес Россию” Вы с одобрением цитируете Мережковского: “Мы не в изгнаныи, мы в посланыи”. Как вы понимаете это послание?» [Интервью 1]. Однако в книге уже вместо Мережковского стоит имя Гиппиус.

Смена Мережковского на Гиппиус происходит, вероятно, после просмотра редакцией (сам Глэд не участвовал в выпуске книги, отдав отснятые материалы) другого интервью, 1983 г. — с А. Д. Синявским. В видеозаписи:

— Так что для вас эмиграция — это, как кто-то сказал, «не изгнание, а послание» в какой-то степени...

— Ну это сказала Зинаида Гиппиус, я думаю, это слишком высокопарно сказано. Эмиграция... когда говорят «Мы не в изгнаныи, мы в посланыи» — это опять начинаются мессианские надежды и мечты, что мы вернемся [Интервью 2].

В книге ссылка на автора и поправка Синявского пропадают, очевидно, чтобы не акцентировать незнание интервьюера. Таким образом, Синявский «закрепляет» окончательный вариант из двух, предложенных Глэду разными людьми. Авторство Гиппиус выглядит, по мнению редакции, авторитетнее варианта с Мережковским. Глэд либо сомневается в авторстве Мережковского, либо

для него эта фраза к тому моменту уже совсем отделилась от автора. «Беседы в изгнании» публикуются в 1991 г., становятся бестселлером. Так мы получаем два важных письменных источника, предлагающих двух разных ложных авторов: «Я унес Россию» Гуля (1981 г. — выход отдельного тома) и «Беседы в изгнании» Глэда. Обе книги связаны с жанром мемуарной литературы, что предполагает достоверность и побуждает рассматривать книги как авторитетные источники. Стоит сказать о более раннем письменном источнике, в котором появляется авторство Гиппиус — предисловии В. А. Чалмаева к книге А. М. Ремизова:

«Мы — не в изгнании, мы — в послании», — скажет Зинаида Гиппиус о судьбе русской эмиграции первой волны, судьбе И. Бунина, М. Шмелева, М. Цветаевой. В «послании», в сбережении того, что погибло в распрях, катастрофах на Родине [Чалмаев 1989].

Однако маловероятно, что волна ссылок на Гиппиус была спровоцирована этим предисловием, а не вышедшей через два года книгой Глэда — в пользу этого говорит то, что в промежуток между 1989 и 1991 г. фраза нигде не цитируется. Тем не менее, возможно, именно эта публикация подкрепила правоту Синявского, когда редакция работала над выходом книги. Далее в период с 1991 по 2007 г. фраза цитируется в многочисленных источниках с отсылками в большинстве случаев именно к Гиппиус и Мережковскому:

- <...> призывает эмигрантов трех волн не грызться между собой, на радость советским врагам, а сохранять ощущение старой формулировки З. Гиппиус: они не в изгнании, они в послании [Смит 2002].

- В качестве эпиграфа с авторством Гиппиус к книге Г. П. Струве [см.: Лаппо-Данилевский 1996].

- В качестве эпиграфа с авторством Мережковского [см.: Гращенкова 2005].

- Знаменитая фраза Гиппиус: «мы не в изгнании, мы в послании», ставшая впоследствии девизом политической эмиграции, — рождается именно в те годы [Аллоу 1992].

- «Мы не в изгнаныи, мы в посланыи», — кратко и выразительно сформулировал эту же мысль Д. Мережковский <...> [Аронов 2007: 32].

• «Мы не в изгнани, мы в посланьи», — утверждал Д. Мережковский [Макрушина 2007: 7].

• Девиз: «МЫ НЕ В ИЗГНАНИИ, МЫ В ПОСЛАНИИ». // Не всякий может. Мережковский смог. // За что и был кем только не ославлен» [Бобышев 1992: 50].

• Легкость, изящество, принципиальное — и очень аристократическое — нежелание обременять окружающих (и особенно аборигенов) своей трагедией. Да, в изгнании (если хотите, в послании, но это звучит уж очень пафосно, по-гиппиусовски, по-мережковски: он в «Числах» и «Зеленой лампе» считался врагом и мстил ответно) [Быков 2007: 68].

Ситуацию с мемом Берберовой можно рассмотреть на фоне забвения всего поколения младших эмигрантов, которому она принадлежит. Стоит отметить, что исследовательский интерес к «незамеченному поколению» (термин В. С. Варшавского [см.: Варшавский 1954]) растет, что отражается и на ситуации с фразой, которая опять обретает настоящего автора. За последние десять лет, если сентенция не используется как устойчивое выражение, то появляются ссылки только на Берберову [см.: Скарлыгина 2008; Галич 1991; Рубинс 2017; Арьев 2009; Душенко 2011]. Хотя, конечно, остаются некоторые проблемы: сентенция предстает в более известном варианте с «Мы», а не «Я» [см.: Скарлыгина 2008; Галич 1991], ее называют высказыванием [см.: Скарлыгина 2008], а ссылки на Берберову неуверенные [см.: Рубинс 2017; Галич 1991].

СОКРАЩЕНИЯ

Адамович 2016 — Адамович Г. В. Литературные беседы. Книга II. М.; Берлин, 2016.

Айхенвальд 1927 — Айхенвальд Ю. И. Литературные заметки // Руль. 1927. 9 февраля.

Аллой 1992 — Аллой В. Е. Письма Николая Бердяева // Минувшее. 1992. № 9 (URL: <http://www.zh-zal.ru/zvezda/2016/9/perepiska-sergeya-dovlatova-s-ninoy-berberovoj.html>; дата обращения: 12.02.2019).

Аронов 2007 — *Аронов А. А. Культурный ренессанс русского зарубежья* М., 2007.

Арьев 2009 — *Арьев А. Ю. На эмигрантском балу (1922—1938) // Арьев А. Ю. Жизнь Георгия Иванова. Документальное повествование.* СПб., 2009. С. 81—137.

Бахрах 1980 — *Бахрах А. В. По памяти, по записям. Литературные портреты.* Париж, 1980.

Берберова 1927 — *Берберова Н. Н. Лирическая поэма // Современные записки.* 1927. № 30. С. 221—230

Бобышев 1992 — *Бобышев Д. В. Русские терцины и другие стихотворения.* СПб., 1992.

Быков 2008 — *Быков Д. Л. Правила поведения в аду // Русская жизнь.* 2007. № 5 (URL: <http://rulife.ru/old/mode/article/126>; дата обращения: 12.02.2019).

Варшавский 1954 — *Варшавский В. С. Незамеченное поколение.* Нью-Йорк, 1954.

Галич 1991 — *Галич А. А. Я выбираю свободу.* М.; Кострома, 1991.

Глэд 1991 — *Глэд Дж. Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье.* М., 1991.

Гращенкова 2005 — *Гращенкова И. Н. Кино Серебряного века: русский кинематограф 10-х годов и кинематограф русского послеоктябрьского зарубежья 20-х годов.* М., 2005.

Гуль 1979 — *Гуль Р. Б. Германия // Новый журнал.* 1979. № 134. С. 104—120

Довлатов 2016 — *Переписка Сергея Довлатова с Ниной Берберовой / Публ. Е. Довлатовой, подгот. текста и примеч. А. Арьева // Звезда.* 2016. № 9 (URL: <http://www.zh-zal.ru/zvezda/2016/9/perepiska-sergeya-dovlatova-s-ninoy-berberovoj.html>; дата обращения: 12.02.2019).

Докинз 1993 — *Докинз Р. Эгоистичный ген.* М., 1993.

Докинз 2018 — *Докинз Р. Эгоистичный ген.* М., 2018.

Душенко 2011 — *Душенко К. В. Большой словарь цитат и крылатых выражений.* М., 2011.

Интервью 1 — URL: https://www.youtube.com/watch?v=rVPsd_4ncxs. Беседа Джона Глэда с Романом Гулем, 1982 г.

Интервью 2 — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=hFA6XqCxDYQ>. Беседа Джона Глэда с Андреем Синявским и Марией Розановой, 1983 г.

Калашников 2004 — *Калашников С. В.* «Молодая» поэзия. // Литература русского зарубежья (1920—1990). М., 2004. С. 158—208

Лейбов 2011 — *Лейбов Р. Г.* Художественный текст как механизм репликации и «золотой век» русской литературы // Пушкинские чтения в Тарту. Тарту, 2011. С. 15—31.

Лотман 1992 — *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв. М., 1992.

Макрушина 2007 — *Макрушина И. В.* Из прозы русской эмиграции: Марк Алданов. Стерлитамак, 2007.

Николюкин 1995 — *Николюкин А. Н.* «Не в изгнании, а в послании»: миссия литературы // Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940. М., 1995. С. 6—16.

Рубинс 2017 — *Рубинс М. О.* Русский Монпарнас: Парижская проза 1920—1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М., 2017

Скарлыгина 2008 — *Скарлыгина Е. Ю.* Зеркало трех эмиграций (самоидентификация как проблема эмигрантского сознания) // Новое литературное обозрение. М., 2008. № 93 (URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2008/93/sk21.html>; дата обращения: 12.02.2019).

Смит 2002 — *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике. М., 2002.

Лаппо-Данилевский 1996 — *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании / Сост. и вступ. статья К. Ю. Лаппо-Данилевского. Париж; М., 1996.

Терапиано 1953 — *Терапиано Ю. К.* Встречи. Нью-Йорк, 1953.

Ходасевич 1954 — *Ходасевич В. Ф.* Литературные статьи и воспоминания. Нью-Йорк, 1954.

Чалмаев 1989 — *Чалмаев В. А.* Предисловие // *Ремизов А. М.* Огонь вещей. М., 1989. С. 5—35.

Информация об авторе: Лилия Владимировна Родичева, бакалавр IV года, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия; e-mail: rodicheva.lilia@yandex.ru.

About the author: Liliya V. Rodicheva, student, National Research University Higher School of Economics; Moscow, Russia; e-mail: rodicheva.lilia@yandex.ru.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакторов.....</i>	3
<i>Екатерина Новикова (Москва)</i> Фрагменты с вариантом duellum в «Анналах» К. Энния.....	5
<i>Алина Алексеева (Москва)</i> О протографе Олонецкого сборника.....	11
<i>Анетта Багаева (Москва)</i> «Троян и Ангелица» Вельтмана в болгарском переводе.....	22
<i>Елизавета Лочмелис (Москва)</i> Опыт усвоения модели романа «Новая Элоиза» (Гёте и Карамзин).....	37
<i>Сара Маццони (Рим)</i> Славянское Возрождение в переписке М. П. Погодина с П. Й. Шафариком.....	51
<i>Екатерина Вожик (Санкт-Петербург)</i> «Псевдореализм» и «дагерротипизм» в языке критики 1840—50 гг.....	62
<i>Елизавета Чумаченко (Москва)</i> Популяризатор науки М. С. Хотинский в «Современнике»....	77
<i>Алексей Козлов (Тарту)</i> Письма Ахшарумова к Пыпину и Стасюлевичу.....	88
<i>Елизавета Носова (Москва)</i> История русских переводов повести Майн Рида «The Boy Tar».....	102

Наталья Дровалева (Москва)

Обсуждение постановки «Мертвых душ» во МХАТе.....116

Дарья Луговская (Москва)

История создания мемуаров

В. Ф. Ходасевича о М. Горьком.....128

Лилия Родичева (Москва)

Я не в изгнании, я в посланьи»: канонизация фразы.....143

Научное издание
Текстология и историко-литературный процесс
VII Международная конференция
молодых исследователей

Сборник статей

Редакторы:
У. В. Башко, А. О. Бурцева, О. А. Воробьёва,
Е. А. Пастернак, А. Н. Першкина

Отпечатано с готовых оригинал-макетов

Подписано в печать 13.03.2019
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 10. Тираж 80 экз.
Заказ № 1439. Гарнитура Minion Pro.
Бумага офсетная 80 г/м². Ризография.

ООО «Буки Веди»
119049, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 4, строение 1А